

Татьяна Абалова

16+

СОЮЗ

пяти королевств

Трилогия

Татьяна Абалова

Союз пяти королевств. Трилогия

«Автор»

2020

Абалова Т.

Союз пяти королевств. Трилогия / Т. Абалова — «Автор», 2020

Цикл "Союз пяти королевств" включает в себя три книги: 1. Тайны Свон. Свон случайно узнает тайну рождения наследника, после чего на нее обрушиваются попытки убийства, похищение и рабство. Скрываясь от преследования, она все чаще задумывается, почему принц Эрии, оставив государственные дела, идет по следу простой служанки. Что движет им: желание похоронить тайну или любовь к ней, сироте, не ведающей родства? 2. Лабиринты Роуз. Из закрытой комнаты при загадочных обстоятельствах исчезает дочь короля. Спасет ли принцессу жених, или она обречена на вечное скитание в стране, сплошь состоящей из лабиринтов? 3. Прости меня, Луна. Еще год назад царица была обручена с наследником Эрии, а теперь глотает слезы перед посланцем, который объявляет, что помолвка расторгнута. Стелла – бастард, с помощью которого мечтали скрепить союз двух государств, но раз брак не состоялся, ей прямая дорога в монастырь. Пешка, метившая в королевы, повержена. Но у пешки иные планы, и она сможет изменить свою судьбу.

© Абалова Т., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Книга первая. Тайны Свон. Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	65
Глава 10	73
Глава 11	80
Глава 12	86
Глава 13	93
Глава 14	101
Глава 15	109
Глава 16	119
Глава 17	128
Глава 18	139
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Татьяна Абалова

Союз пяти королевств. Трилогия

Книга первая. Тайны Свон. Пролог

Однажды ранним утром заспанная кухарка Амали вышла на крыльцо. Она зажмурилась от слепящего солнца и зевнула, прикрыв рот ладошкой. Ей бы хотелось поспать еще немного, но вот-вот должен был явиться молочник: на завтрак к господскому столу подавались только свежие сливки. С недавних пор Пузатый Ганс приносил еще и козье молоко, прописанное младшенькому графскому отпрыску лекарем – от коровьего у Дака случалось несварение, и без того капризный малыш изводил семейство бесконечными криками.

Пузатый Ганс почему-то запаздывал. Прислушиваясь к звукам, доносящимся с дороги, кухарка различила детский плач, который сильно ее удивил. Не сам факт детских слез заставил Амали беспокоиться: младенцы имеют привычку капризничать, особенно если им скучно или требуется помощь взрослых. Смутило другое – рядом не должно быть никаких детей, поскольку ближайшее селение находилось в получасе езды на самой быстрой лошади, а малыш Дак, известный любитель стенать по поводу и без, еще мирно спал. Да и вообще, детская располагалась в противоположном крыле замка, в стороне от хозяйственных застроек, где жизнь начинала кипеть слишком рано и заканчивалась затемно.

Как ни странно, звук плача усиливался, приближался и вот из-за угла сторожевой башни показался ребенок, которому от силы можно было дать год. Он едва перебирал ножками, а когда к нему, виляя хвостом, приблизилась хозяйская собака, от испуга и вовсе плюхнулся на землю и заплакал еще сильнее, растирая кулачками по щекам грязь.

Удивленная кухарка, отогнав пса, склонилась над младенцем. На Амали смотрели глаза пронзительно-голубого цвета, а слипшиеся от слез ресницы казались неправдоподобно длинными. Размазанная по щекам пыль не мешала разглядеть, что личико у найденыша было необыкновенно хорошеньким. Когда кухарка подняла дитя на руки, рубашечка из тонкого батиста задралась, и стало понятно, что ко двору приبلудилась девочка. Разглядывая ее, кухарка заметила, что малышка вовсе не заморыш, ее чистые волосы льняного цвета скручивались тугими локонами вокруг головки. От девочки пахло грудным молоком, словно ее только что покормили, и матушка отлучилась от нее на минутку.

– Откуда же ты такая взялась? – Кухарка в недоумении огляделась, но никого кроме улегшегося в тени пса не заметила.

Пока Амали размышляла, как ей поступить с младенцем, во двор въехала, позвякивая бидонами, двухколесная тележка, которую толкал Пузатый Ганс. Радушно поприветствовав кухарку, тот остановился у крыльца.

– Жарко нынче, – молочник достал клетчатый платок и вытер им лоб. – Боюсь, пока доберусь до имения графа Алекса, молоко скиснет. – И выжидающе уставился на кухарку, которая, так и не решив, что делать с девочкой, занесла ее на крыльцо.

– Посиди здесь, милая.

– Это чья такая? – спросил Ганс, кинув взгляд на чумазого ребенка, пытающегося сползти со ступеньки.

– Сама не знаю, – пожалала плечами Амали, принимая запотевшие горшочки со сливками и молоком. – Но точно ненашенская. Ты случайно никого по дороге не встретил?

– Нет, ни одной живой души, – Ганс озадаченно почесал в голове. – Что за чепуха! Откуда, по-твоему, мог взяться маленький ребенок? Не с неба же упал?

– Чего стоим? Ждем, когда господу проснутся, чтобы потом нам точно угорелым бегать? – на пороге появилось еще одно действующее лицо. Высокий накрахмаленный чепец, румяное полное лицо и дородная фигура однозначно указывали на почетный статус поварихи. Женщина шутиливо стегнула Амали полотенцем поперек спины.

– А, разлюбезная Берта! – молочник поклонился, растопырив руки в разные стороны. – Как здоровье вашего кухонного величества?

– Вашими молитвами, достопочтимый Ганс! Надеюсь в этот раз сливки гуще? Леди Алель в прошлый раз была недовольна.

– А когда ваша госпожа бывает довольна? Будь я молоком, только при виде ее лица моментально скис бы.

Но тут Берта заметила ребенка и закрыла рот, раздумав ругать молочника, позволившего себе такую непростительную вольность в словах. А ну как кто из слуг донесет хозяйке о непочтительных речах?

Девочка, словно почувствовав в поварихе родную душу, застыла на мгновение, а потом протянула к ней руки.

– А это кто у нас? – доброе сердце женщины не выдержало, и Берта подняла малышку, которая обняла ее и положила голову на круглое плечо.

Графиня Алель, услышав от слуг о найденыше, возмутилась и велела унести ребенка прочь, но вскоре передумала. Ее сын Дак, увидев девочку, вцепился в нее и замер от восторга, а та, счастливо улыбаясь, что-то залопотала на языке, понятном лишь детям. Миледи это понравилось, и она оставила малышку как игрушку для своего младшенького, который досаждал ей и остальным отпрыскам благородного семейства вечным нытьем.

Так в замке появился еще один ребенок, помимо пятерых детей графа Шовеллер – советника короля Эрии.

Глава 1

Прошло двенадцать лет. Девочка, которую называли Свон, росла здоровой и веселой. Оставшиеся все такими же светлыми волосы ни разу не знали ножниц, и Свон плела из них косы, которые укладывались на голове в виде короны. Если случалось гостям замка Шовеллер встретить воспитанницу графа без чепца, они непременно застывали, пораженные красотой подаренных природой волос. Лицо Свон отличалось гладкой кожей, на котором летнее солнце оставляло след в виде редких, но таких милых веснушек. Ярко-голубые глаза с добротой взирали на окружающий мир, хотя с годами они утратили детскую наивность – в них светилась некая житейская мудрость, свойственная лишь тем людям, чье существование не отличается беззаботностью. Свон приходилось много трудиться, но она никогда не унывала, и часто, выполняя свои обязанности, напевала негромким, но приятным слуху голосом.

– Солнечная девочка, – так говорили все, кому посчастливилось познакомиться с найденным. В число людей, замечающих ее веселый нрав и доброе сердце, не входили дети семьи Шовеллер. Они видели лишь прислугу, которая должна потакать их капризам. Даже то, что граф Шовеллер называл Свон своей воспитанницей, вызывало у них неприязнь и открытую ревность, что делало жизнь сироты непростой.

Толстый Дак не отпускал Свон от себя ни на шаг – подаренная в детстве игрушка всегда должна находиться рядом. Трудно было понять, что он испытывает по отношению к приемышу. Младший из детей Шовеллер частенько вымещал на личной служанке злость, не в силах противостоять старшим братьям-близнецам, но в тоже время бессовестно пользовался ею – Свон без раздумий ввязывалась в драку, когда Маларкей и Канард вовлекали Дака в свои жестокие игры, заканчивающиеся издевательствами над младшим братом.

Старшим братьям было уже по шестнадцать. Они росли кичащимися, задиристыми юношами, с пренебрежением относившимися к людям низшего сословия, а особенно к тем, кто слабее их.

Свон, как всякая девчонка, была слабее, но обладала такой силой духа, что никогда не давала спуска, до последнего защищая подопечного и свое достоинство, поэтому часто ходила с синяками и в разорванной одежде.

Войдя в подростковый возраст, она, несмотря на красоту волос, яркость глаз и милое лицо, напоминала гадкого утенка: нескладная, с длинными ногами и руками, с облупленным от частого пребывания на солнце курносый носом, с пухлыми, но обветренными губами, которые она закусывала, стараясь не расплакаться, если ее обижали.

Но больше всего Свон портила мешковатая одежда, достававшаяся ей с чужого плеча. Платья время от времени перешивались, но из-за продолжающегося роста девочки, быстро становились тесными и короткими, отчего ее фигура выглядела еще нелепее.

Свон зло высмеивалась дочерьми графини Шовеллер – Силиндой и Чарис, капризными, взбалмошными барышнями пятнадцати и четырнадцати лет от роду. Девушки с детства воспитывались как маленькие женщины – они хоть и не блистали красотой, но в дорогой одежде и при хорошем уходе смотрелись чуть ли не принцессами.

Несмотря на неприязнь детей графини к Свон, она не чувствовала себя одинокой. Ее обожали повариха и кухарка, вкладывая в девочку всю нерастраченную любовь: обе остались вдовами после войны, отнявшей возможность познать радость материнства. Когда поздним вечером Свон возвращалась в их общую спальню, она делилась впечатлениями от прожитого дня и получала от матушек добрые наставления.

Еще один человек, которому она была небезразлична – Пузатый Ганс. Он прикипел к Свон всей душой и часто приносил ей какие-нибудь гостинцы: то атласную ленточку для волос, то моточек шерстяной пряжи, из которого умелая Амали вязала рукавички, а то и зер-

кальце, купленное на воскресной ярмарке. Свон отвечала молочнику радушием, всегда принимала подарки с неподдельным восторгом, что грело душу Ганса, воспитывающего трех сыновей-сорванцов и в тайне мечтающего о ласковой дочке.

Утро у Свон начиналось с первыми лучами солнца: она приносила из прачечной выглаженную одежду Дака, потом бежала за завтраком и, накрыв стол, будила засоню. Когда тот заканчивал утреннюю трапезу, помогала одеваться, застегивая ловкими пальцами бесчисленные пуговицы на бархатном камзоле. Выслушивая традиционное нытье на тему «Будь прокляты эти учителя» или «Почему я должен учиться?», Свон расправляла кружевной воротник, расчесывала длинные, но жидкие волосы Дака и завязывала их шнурком. Ей приходилось подгонять подопечного, пытающегося ухватить пирожок со стола и под любым предлогом позавтракать еще раз. Пока они шли в классную комнату, она заставляла его повторять грамматические правила, на уроках истории подсказывала даты, на математике – правильные ответы. Она следила, чтобы Дак не засыпал на занятиях – девочка понимала, что без знаний Дак не сможет встать в одну шеренгу с отпрысками других знатных семейств, когда придет его срок отбыть к королевскому двору.

Занятия проводились в отдельной классной комнате, куда приходили все дети Шовеллер, но каждый получал ту долю знаний, что соответствовала его возрасту. Свон сидела в углу и внимательно слушала. Делать записи, как остальные ученики, она не могла, поэтому приходилось полагаться на память. Надо ли говорить, что сирота невольно получила превосходное образование? Свон помогала Даку выполнять письменные задания, разучивала с ним сонеты, выступала в роли партнерши не только в танцах, но и на уроках фехтования, поскольку Дак не имел подходящей по возрасту пары. Близнецы, хвастаясь своим умением, лихо отделявали младшенького и его няньку в устраиваемых преподавателем показательных турнирах. Но справиться со Свон им становилось все труднее.

Ленивый Дак с радостью свалил все обязанности на помощницу, которая крутилась как белка в колесе. Единственное, что он делал сам и с большим удовольствием – поглощал невероятное количество пищи. В классе дети обедали вместе, и Дак умудрялся подьедать за сестрами и отхватывал большую часть того, что полагалось Свон. Но голодной она не оставалась: любимые матушки всегда припрятавали что-нибудь вкусненькое для своей девочки, а Пузатый Ганс неизменно угощал молоком.

Содержание сироты не обременяло графиню: Свон донашивала вещи дочерей, ела мало, служила исправно, да и Дак находился под постоянным присмотром. На младшего у графини Аэль по-прежнему не оставалось сил, она все чаще выезжала ко двору Эрии, где Себастьян Шовеллер верно служил королю.

Раз в месяц граф навещался в замок. Всех удивляло, что он уделял равное внимание найденьшу и своим детям. Милорд неприкрыто восхищался Свон, ее умением отстаивать мнение в дискуссиях, которые устраивались для проверки полученных знаний. Старших злило, если отец хвалил служанку. Один Дак оставался равнодушным, он ждал, когда глава семейства вернется в столицу, и в замке опять наступит тишь и благодать.

Если родовое имение покидали оба родителя, дети чувствовали себя свободными и пускались во все тяжкие: устраивали каверзы слугам, донимали до слез младшенького, а когда Свон бросалась на защиту, мстили, не задумываясь о последствиях.

В тот злополучный день как раз после уроков, как и было ранее заведено, Свон принесла из кухни кувшин молока и гору булочек с яблоками: подопечный их горячо любил и ждал в нетерпении. Но в этот раз девочка не нашла Дака в классной комнате, что сильно озадачило ее – небывалый случай, чтобы любитель поесть пропустил время подкрепиться!

По доносившемуся из окна смеху и жалобному хныканью, Свон поняла, что происходит что-то неладное. Выбежав в сад, она обнаружила, что четверо старших Шовеллер, воору-

жившись прутьями, загнали брата на дерево и, как только он пытался спуститься, хлестали по ногам, отчего несчастный ревел еще громче, вызывая град насмешек.

Увидев творившееся безобразие, Свон тут же кинулась в подсобку садовника, схватила грабли и побежала выручать несчастного мальчишку.

Заметив спасительницу, толстяк позвал ее жалобным голосом:

– Свон, родная, помоги!

– А вот и побирушка пришла, – скривился один из близнецов. – Сейчас спасать начнет!

– Иди, детка, к мамочке на ручки! – завопил другой, обращаясь к Даку.

– Мамочка, не надорвись, – подхватили сестры. – Сыночек и раздавить может!

И начался бой. Все четверо, окружив новую игрушку, начали нападать на нее, пытаясь хлестнуть сильнее.

Чтобы уменьшить число противников, Свон решила вывести из строя слабых. Один взмах, треск ткани – и юбка Чарис, словно флаг о капитуляции, реяла на граблях Свон. Визг оставшейся в одних панталонах сестры слился с диким гоготанием близнецов. Но один из них тут же получил крепкий удар граблями по животу, и, согнувшись пополам, тоже выбыл из игры. Старшая сестра задумала зайти со спины, но неудачно подставилась под другой конец древка: из носа Силинды хлынула кровь, и она с плачем побежала в дом. Но ей опять не повезло: запутавшись в длинных юбках, упала лицом в жесткую траву.

Оставшегося близнеца Свон, умело орудуя садовым инвентарем, загнала в растущую у каменной ограды крапиву.

Это надо было видеть! Довольно высокий и крепкий юноша с трудом отбивался от яростно нападавшей пичужки. Устыдившись, он ринулся в атаку. Желая отнять у противницы страшное орудие, Канард ухватился за него обеими руками, за что тут же поплатился. Девчонка, выбрав момент, отпустила грабли и ткнула кулаком обидчику в глаз. Близнец не ожидал такой ловкости от малявки и, видя, что она уже не отступится, постыдно ретировался, издали обзывая на все лады. Он еще успеет отомстить бродяжке!

Свон, прихватив грабли, чтобы вернуть их на место, помогла слезть с дерева измученному и заплаканному подопечному. Но толстяк умудрился и здесь оплошать – подвернул ногу. Пришлось его тащить до спальни, подставив плечо. Свалив бедолагу на кровать, Свон сбегала за водой, промыла ссадины и туго перевязала ушибленную ногу. А младший графский сын, не переставая, ныл и ругал спасительницу за свою же неловкость. Не так подставила плечо, не так положила, не так перевязала. Кругом виновата.

Ссылаясь на увечье, он обедал и ужинал, не вставая с постели. Снова и снова Дак переживал выпавший на его долю позор. Хилая бродяжка справилась с четырьмя, а он сидел на дереве и хныкал, словно девчонка! Дак ненавидел Свон как свидетельницу его унижения, но не отпускал до поздней ночи, боясь мести братьев и сестер.

Как только уставшая Свон покинула комнату, на нее неожиданно накинули пыльный мешок. Слепленную и испуганную служанку, пытавшуюся позвать на помощь, обильно одаривали тумаками. Топот ног, крик и раздраженный шепот – вот и все, что она запомнила о похитителях, тащивших ее неведомо куда.

Продолжая сопротивляться из последних сил, Свон почувствовала, что ее раскачивают, и вот она уже летит в какую-то пропасть. Крик отчаяния вырвался из ее горла, но мгновенно просочившаяся через ткань вода заставила замолчать.

Быстрое течение закрутило, потащило мешок, ударяя его о торчащие ветки и каменные выступы. Наглотавшись воды, не сумев снять набухшую и вмиг отяжелевшую мешковину, Свон, теряя сознание, отдалась на волю реки.

Но чья-то сильная рука не дала свершиться ужасному. Мешок был вытащен на берег, где утопленницу освободили из пут. Над Свон склонилась темная фигура и приложила ухо к груди. Не обнаружив дыхания, незнакомец негромко выругался, вздохнул и произнес:

– Вручаю от души.

После чего мужчина снял с пальца кольцо, блеснувшее в темноте голубым светом, и быстро надел на руку умирающей девочке.

Разбудили Свон голоса. По мягкому говору девочка узнала Амали, которая всхлипывала и шепотом переговаривалась с поварихой.

– А вдруг умрет? Как же мы жить без нее будем?

– Не причитай! Все уже хорошо. Лекарь сказал, она выздоровеет, – строгим голосом увещевала подругу Берта, пытаясь остановить потоки слез.

– А кто же нашу бедняжку, словно котенка слепого, в воду бросил? Откуда враги такие? Что она им сделала? – Амали вытирала глаза краешком фартука.

Свон приподнялась на локте и удивленно уставилась на женщин.

– Лекарь? Ко мне приходил лекарь?

– Ох, дитятко! Проснулась, милая! Ты разве ничего не помнишь? – забеспокоилась Берта. Она подошла к кровати и обняла девочку. Целуя ее бледное лицо, зашептала. – Тонула ты. В реке. Ночью. Скажи, дочка, как ты там оказалась?

– Не знаю. Помню, что кто-то мешок на голову набросил, а потом вода вокруг и дышать нечем. Все.

– Ну, ничего, родная. Главное – жива осталась. Охрану уже предупредили, что в окрестностях завелся изверг, нападающий на людей. Слуги все напуганы, да и графские дети притихли: близнецы не носят, аки кони бешеные, а девочки от завтрака отказались. Дак с утра тебя требовал, но потом в комнате заперся. Никому не открывает.

– А лекарь откуда взялся? – поморщившись, Свон выпила горькую микстуру, которую в ложке поднесла Амали.

– Сама не понимаю. Может, охотник прислал? Он точно не из простых людей. Хоть молод лицом, а так зыркнул, что сердце от страха замерло. Берта, ты заметила на сундучке лекаря королевский герб? – Амали повернулась к поварихе, которая доставала из шкафа платье для Свон – прежнее, побывав в реке, никуда не годилось.

– Вот и мне удивительно. Скорей бы Ганс пришел, он наверняка что-нибудь слышал.

Послушно глотая бульон, который прописал лекарь для возвращения сил, Свон задумалась о случившемся. Она была уверена, что это дети графини Шовеллер отомстили ей за унижение, но доказать ничего не смогла бы. Слово служанки против слова господ.

Вскоре у порога появился молочник. Его тут же провели в комнату, где он сел возле Свон и, обрадовавшись, что девочка уже поправляется, рассказал, о чем судачат в поселке.

– Еще наемдни за рекой разложили королевский шатер. К вечеру прибыли король с сыновьями, придворные, их слуги и даже два повара. Наши господа тоже среди придворных обретались. Но ночью что-то случилось, и граф с графиней укатили в столичный особняк. Кузнец видел, как они в карету садились – леди Алель плакала, а лорд Себастьян был так зол, что чуть ли не зубами скрипел.

Не успел Ганс закончить, как в комнату влетел поваренок и закричал, что прислугу ждут на кухне – детей семейства Шоваллер увозят в столицу, нужно собрать в дорогу еды! Милордом приказано Свон с собой не брать!

Так графское семейство на пять долгих лет покинуло замок.

Свон ничуть не жалела, что жизнь в поместье перестала бурлить: все близкие люди остались с ней рядом (в столичном особняке имелись свои повара и кухарки), да и молочник,

несмотря на то, что сливки для господ больше не требовались, продолжал приходить каждое утро.

За эти годы сирота из гадкого утенка превратилась в настоящую красавицу. От улыбочивого лица со здоровым румянцем невозможно было оторвать глаз. Веснушки куда-то исчезли, а волосы, которые Свон полоскала в отваре ромашки и луговых трав, приобрели насыщенный золотистый цвет, отчего косы, красиво уложенные на голове, смотрелись настоящей короной. Длинные ресницы, чьи кончики летом выгорали на солнце, оттеняли голубизну глаз, в которых утонул не один поселковый воздыхатель. Фигура Свон теперь отличалась стройностью и плавными изгибами, но в ней отсутствовала та изнеженность, которая свойственна дамам дворянского сословия. Подвижная и веселая Свон всегда притягивала к себе взгляды и вызывала ответную улыбку.

Сыновья молочника тоже подросли и зачастили с отцом в замок: то старший появится, то средний, а то и младший – ровесник Свон с луговыми цветами придет. Она со всеми оставалась мила, открыта, но предпочтения ни одному из них не отдавала, о чем сильно горевал Ганс. Ему так хотелось получить в семью красивую, добрую и грамотную сноху.

Свон не забросила учебники, оставленные в спешке уезжающими отпрысками Шовеллер. Без Дака свободного времени у нее стало больше, и она увлеклась книгами из богатой библиотеки. Они открыли Свон неведомые дали, расширив кругозор и заставляя мечтать о путешествиях и приключениях. Где-то в мире существовали такие удивительные существа как драконы, а наделенные даром люди творили магию, но здесь, в глубинке, об этих чудесах почти ничего не знали. Простой люд обходился и без ящеров, и без магических штучек, что были баснословно дороги. Свон не представляла, как в хозяйстве может пригодиться огнедышащий дракон, но с удовольствием рассматривала картинки, на которых черные ящеры с гордыми наездниками на спине парили в облаках.

Жизнь в замке была бы скучна и однообразна, если бы Свон не повезло, и она не обрела старшего друга, который скрасил ее существование своими познаниями и веселым нравом. Обращались к нему, как он сам просил, просто Алекс, без титула. Хотя молочник утверждал, что род этого графа очень древний и сродни королевскому.

Алекс, сосланный в поместье из-за дуэли, нажил себе врагов в лице богатых родственников погибшего подлеца и был вынужден покинуть столицу. Однажды на осенней ярмарке он встретил симпатичную кухарку и помог ей донести корзину до замка Шовеллер. Оставив у Амали свое сердце, Алекс приходил за ним почти каждый вечер. По ее просьбе он начал заниматься со Свон иностранными языками, показывал новомодные танцевальные па и ставил руку в фехтовании.

Амали с Бертой верили, что приобретенные знания обязательно пригодятся Свон, не век же красивой девушке сидеть в замке. Женщины понимали, что ни один парень в поселке ей не чета, хотя те продолжали похаживать по всякой надуманной причине. Но Свон лишь смеялась в ответ на их ухаживания и говорила, что маменьки не велят со двора выходить и с парнями встречаться.

Только один след от нападения оставил свой отпечаток в душе Свон – она страшилась приближаться к быстрой воде. Девушка чувствовала, что клин нужно вышибать клином, поэтому сама обратилась к Алексу с просьбой научить ее плавать. Она не раз наблюдала, как лихо тот пересекает речку с одного берега на другой, красуясь перед Амали.

Матушки не стали противиться такому странному желанию: не принято было в их краях, чтобы женщины умели плавать. Зашли по колена в воду и хватит. Не на море, чай, живут! Но подспудно они догадывались, что умение поможет их дорогой дочке побороть давний страх, и излечиться от ночных кошмаров, которые иногда посещали ее.

Еще одно напоминание о той страшной ночи осталось у Свон – тоненькое колечко из белого золота. Откуда оно появилась на мизинце, девушка не знала. Попытавшись снять дра-

гоценную вещицу, чтобы сохранить в шкатулке, Свон обнаружила, что не может этого сделать. Кольцо обладало удивительной способностью – оно росло вместе со Свон. Вот только недавно ее пальцы были тонкими, детскими, теперь же это была девичья крепкая рука, а колечко все равно не давило. Оно даже легко вращалось, но не снималось.

Хорошо жилось в пустующем замке, пока однажды в поместье появились слуги из городского особняка с известием, что семейство Шовеллер возвращается. Силинда, старшая дочь графа выходит замуж, и по этому случаю сторона невесты устраивает бал.

И вот настал день, когда несколько экипажей заехало во двор замка. Его обитатели вывалили на крыльцо встретить столь долго отсутствовавших хозяев.

Из первой кареты, к которой подскочили слуги, чтобы открыть дверцу и откинуть ступеньку, вышел граф Шовеллер – высокий, статный мужчина, виски которого обильно посеребрила седина. Следом за ним выбралась его располневшая супруга – графиня Алель, которая то складывала, то раскладывала веер, стелая и жалуясь на дорогу, пыль и жару. Одновременно с ее выходом вторая карета разродилась ворохом цветного атласа и кружев. Это прибыли графские дочери, сопровождаемые гувернанткой. Силинда и Чарис превратились в чудесных барышень, отчего не видевшие их пять лет служанки заахали и заохали, поражаясь их столичному лоску.

Дверцы третьей кареты открылись с треском, и из нее вывалился толстяк с пунцовым лицом и заплаканными глазами. Запнувшись, он нескладно упал на колени, но, не удержав свой вес, уперся в землю руками. Воспользовавшись им как ступенькой, из кареты вышли двое молодых людей, явив встречающим слугам одинаковые физиономии.

Повариха не преминула заявить, что близнецы стали похожи на графа в молодости: с такой же прекрасной осанкой, высоким ростом и надменным выражением лица.

Оглядев толпу слуг, отметив замершие в восхищении лица женской части прислуги, близнецы гордо проследовали в дом.

Как только братья показали, Свон спряталась за мощную спину Берты, наблюдая за ними из-за крыльев ее чепца. Хотя все служанки пялились с неприкрытым интересом на это парное чудо, Свон разглядела и холодный блеск глаз, и презрительную кривизну губ, и нервно сжимаемые пальцы рук. Молодые люди вернулись еще более развращенными вседозволенностью, чем были до этого.

Несчастный Дак, поднялся с помощью подбежавших слуг, и, не стесняясь своих слез, растертых по лицу вместе с пылью, поплелся в дом, ноя и всхлипывая.

Так вернулось в свой замок родовитое семейство Шовеллер, сопровождаемое городскими слугами, гувернерами и лекарем. Караван из повозок с вещами из столичного особняка подошел к вечеру. На возах громоздились новая мебель, сундуки с посудой и всякий нужный и ненужный скарб. Один из возов предназначался для женских нарядов, уложенных в большие баулы. Привезли все, чем семейство советника короля разжилось за последние годы.

В доме воцарился хаос. Слуги бегали как угорелые, пытаясь угодить графине и ее дочерям: тем требовались то горячая вода, то легкие закуски, то свежавыжатый сок, то нюхательная соль и прочие женские штучки. Коверкал слова лекарь-иностранец, отчитывая кухарку за нерасторопность в приготовлении успокоительного отвара для хозяйки. На кухню пришел так и неумывшийся Дак и ныл, что проголодался, наседая на Берту и требуя от нее еды. Позже забежала заплаканная горничная, перестилавшая постель в комнатах близнецов. Она была облапена ими, но, когда дала отпор, получила пощечину и испорченную блузку, ворот которой теперь закрывала трясущимися руками.

Прибывший с господами управляющий, разрываясь на семь частей, молился богу, чтобы быстрее наступила ночь, и все домочадцы разошлись по своим комнатам. Тогда можно было бы спокойно руководить процессом налаживания жизни в замке.

Свон старалась не показываться на глаза младшим представителям семьи Шовеллер, помня их последнюю встречу. Она до сих пор гадала, что вызвало их столь скорый отъезд из замка на утро после происшествия. Предположения мучили все эти годы. Видел ли охотник тех, кто бросил ее в воду? Может быть, незнакомец на самом деле был влиятельным человеком и поэтому смог прислать королевского лекаря, а потом заставил детей графа Шовеллер покинуть замок? Могло случиться совпадение, но Свон хотелось верить, что кто-то из сильных мира сего посочувствовал сироте и встал на ее защиту.

Через неделю начали собираться гости. Слугам объявили, что на торжество прибудет сам король, поэтому замок чистили, мыли, развешивали новые занавеси, ковры и гобелены. Пустовавшее ранее западное крыло открыли и туда занесли новую мебель, привезенную из столицы на пятнадцати возах, оборудовав таким образом покои для венценосных особ.

На задний двор то и дело приходили телеги с овощами, фруктами, винами и клетками, в которых шумели гуси, куры и индейки.

Жизнь кипела, но Свон посчастливилось ни разу не столкнуться с кем-нибудь из семьи Шовеллер. Она бралась за работу где угодно, лишь бы не попасть в восточное крыло.

В день приезда короля Свон отправили в ближайшее селение, чтобы отобрать расторопных крестьянок для временного служения в замке. Она обрадовалась, так как хотела быть подальше от замка и его благородных обитателей, на которых без устали жаловались слуги. Молоденькие горничные отказывались ходить в покои близнецов. Теперь туда посылали только женщин в годах, приплачивая им за «вредную» работу. Женская часть и Дак тоже не отставали от близнецов: донимали капризами, бестолковыми приказами, которые зачастую сами же и отменяли, давая еще более бестолковые. Только благодаря многоопытному управляющему, все работало, подчиняясь главной цели: достойно провести праздничный прием и не ударить в грязь лицом перед королевской четой и ее отпрысками.

В деревне Свон успешно справилась с порученным ей заданием – отобранных служанок уже увезли в замок, и теперь она возвращалась, беззаботно вышагивая по залитой солнцем дороге. Внезапно ее обогнала группа всадников. Она появилась так неожиданно и летела с такой скоростью, что Свон едва успела отпрыгнуть в сторону. Лучше канава, чем смерть под конскими копытами. Клубы пыли, поднятые ретивыми лошадьми, осели легким слоем на свежестриганном платье и заставили зайтись в приступе кашля.

Занятая привидением одежды в порядок, Свон совсем не заметила, как сзади подкатила еще одна беда. Громкий треск заставил резко развернуться и отпрыгнуть: у огромной кареты, что ехала в том же направлении, что и всадники, устроившие безумную скачку, лопнула ось, и оторвавшееся колесо полетело прямоком на одинокую путницу, и обязательно сбило бы ее, если бы та кубарем не скатилась в канаву.

Из канавы Свон выбралась самостоятельно, но в плачевном состоянии: ушибленный локоть саднило, косы растрепались, а платье порвалось сразу в нескольких местах и стало таким грязным, что стряхивай с него пыль – не стряхивай, ничего не помогло бы.

Морщась от боли и заметно хромя, Свон поплелась в сторону накренившейся кареты, у которой стояли две женщины, наблюдающие с недовольным видом, как слуги снимают огромные сундуки, пытаясь вернуть карете более устойчивое положение. Глядя на неловкие действия кучера, который катил ускокавшее колесо, и на глаз определив сложность поломки, Свон поняла, что дамам придется продолжить путь пешком. Без помощи кузнеца с лопнувшей осью не справиться.

Заметив бредущую в их сторону замарашку, женщины переглянулись. Одна из них, безразлично поморщилась, другая же, приветливо улыбнувшись, спросила:

– Милая, далеко ли до замка графа Шовеллер?

Свон, продолжая одергивать платье, надеясь привести его в хоть какой-то порядок, подняла глаза на лица красивых незнакомок, попутно оценив богатые дорожные костюмы, каких она прежде не видела даже у графских дочерей, и низко поклонилась:

– Достаточно далеко, миледи. Если отправитесь пешком, только к ужину успеете. Но если вы распорядитесь выдать мне лошадь, я мигом слетаю в деревню и пришлю за вами другой экипаж. Я только что видела кузнеца, и он передал нашему милорду весточку, что его карета готова. А отсюда до кузни рукой подать!

По знаку приветливой незнакомки кучер распряг пару лошадей и забрался на одну из них. На другую, совсем не думая о производимом впечатлении, привычно взлетела Свон. Она, обученная Алексом верховой езде, прекрасно обходилась без седла. И только потом лихая всадница заметила, что недовольная дама задохнулась от подобной вольности: садиться по-мужски на лошадь, оголив при этом ноги чуть ли не до колен, порядочным девушкам не подобает! Другая же сделала успокаивающий жест рукой, позволяющий Свон умерить чувство стыда. Все вольности допустимы, если не хочешь пешком добираться до замка. Хотя обе женщины не заметили румянец смущения на лице дикарки из-за грязных подтеков – результата взаимодействия пыли и пота, увиденная маска безразличия терзала ум Свон до самой деревни. Девушка, желая изгнать из головы неприятные мысли, неслась на скакуне так, что ветер свистел в ушах, а кучер едва поспевал за ней.

Совсем скоро они подъехали к кузнице, откуда вышел удивленный хозяин. Он поймал на руки спрыгивающую с коня Свон, и, выслушав ее, запряг этих же лошадей в починенную карету графини Шовеллер, пообещав, что сейчас же отправит своих людей за сломавшейся.

Свон, наспех умывшись, устроилась на облучке и, доехав до дам, расположившихся на подушках, вытасненных из покосившейся кареты, спрыгнула, освобождая место слугам.

Никто не подумал предложить Свон подвезти ее, только улыбочивая пассажирка поблагодарила наклоном головы и попыталась всучить монетку, но бойкая девица, оказавшая услугу, отказалась. Окотив Свон очередной тучей пыли, карета удалилась в сторону замка. Спасительница же побрела, прихрамывая, в том же направлении, стараясь держаться обочины, чтобы ненароком еще кто-то из спешащих на прием ее не покалечил. Ближе к замку Свон намеревалась свернуть к реке, чтобы искупаться и явится к матушкам не в таком ужасном виде.

И только когда последние лучи солнца скользнули по верхушкам деревьев, завершая долгий летний день, Свон услышала шум воды. Спустившись по крутому склону, она принялась раздеваться. Сняв платье, прополоскала его в проточной воде и развесила на кустах, обильно растущих вдоль берега.

В тонкой нижней сорочке Свон зашла в воду и погрузилась в нее с головой. Течение подхватило ее золотистые волосы, лаская, запустило струи под ткань и закрутило ее вокруг стройного тела.

Но безмятежное времяпровождение оборвалось в один миг: чья-то сильная рука выдернула Свон из воды, ухватив за те самые длинные волосы. И когда она, кашляя, поскольку от неожиданности нахлебалась, появилась на поверхности, была грубо перехвачена и прижата к не менее мокрому мужскому телу: нечаянный спаситель вошел в реку в одежде и даже в сапогах. Свон убедилось в том, вися безвольной рыбой в чужих руках, и наблюдая, как высокие сапоги, выталкивая фонтанчики воды, ступают на скользкий берег.

Солнце почти скрылось, но даже при хорошем освещении трудно было бы рассмотреть лицо спасителя, стоя на четвереньках и отплевываясь. Но неблагоприятная поза не помешала расслышать его тихий голос, проворчавший, что река наверняка проклята, раз уже вторую утопленницу приходится спасать на одном и том же месте.

Убедившись, что девушка перестала кашлять и не собирается терять сознание, незнакомец скрылся в зарослях. Ржание коня и удаляющийся стук копыт засвидетельствовали, что на берегу «утопленница» осталась в одиночестве. Удивленно похлопав ресницами, и еще чуток

полежав на теплой земле, Свон поднялась и с досадой оглядела нижнюю рубашку, которая стала еще грязней, чем была до этого. Но войти в воду вновь не решилась. Мало ли, вдруг появится очередной любитель насильно вытаскивать на берег купающихся женщин.

Глава 2

Попав в замок лишь поздним вечером, Свон заметила, что те деревенские девушки, которых она наняла, уже прибыли и приступили к работе. «А я отказалась ехать в общей повозке, думая, что по короткой дороге доберусь быстрее!»

В творившейся в хозяйственной части замка суете никто из слуг не обратил внимание на ее рваное платье, и Свон удалось без расспросов пробраться в свою комнату, где она на скорую руку начала приводить себя в порядок, благо матушки загодя наполняли кувшин водой. Свон обтиралась и морщилась от боли, когда задевала ушибы и ссадины, полученные не только в придорожной канаве, но и при жестком приземлении после неудачного купания в реке.

За этим занятием ее и застала Амали, которая ворвалась в комнату с упреками, что Свон затеяла купание в то время, как ей следовало находиться на кухне. «Все с ног уже валятся!» Как оказалось, прибыли король с королевой, а рук для подачи блюд в главную залу, где рассадили гостей, не хватало. Нанятые деревенские для этих целей не годились.

Пришлось Свон облачиться в принесенную кухаркой одежду, состоящую из широкой юбки и наглухо застегивающейся рубахи. Поверх мешковатой пары Свон надела тунику, перехватив ее на талии широким поясом, а на голову водрузила огромный чепец, скрыв не только волосы, но и само лицо. Такая одежда мышинного цвета сделала бы любую женщину безликой, будь она хоть какой раскрасавицей, и это как-никогда устраивало Свон, желающую спрятаться от ненужных глаз.

Когда она вошла в зал с блюдом, полным свежего хлеба, то ощутила жар, исходящий от очага, где на огромном вертеле жарилась туша быка. Сотни свечей и факелов освещали столы, за которыми сидели придворные, шумно общающиеся между собой после изрядной порции хмельного монастырского пива, завезенного в огромных бочках специально по такому случаю.

Свон, разделившись по указанию управляющего с прочими служанками, несущими хлеб, направилась к главному столу, установленному на возвышении, где сидела королевская семья, милостиво разрешившая присоединиться к своей трапезе хозяевам замка, чем явно польстила супруге графа Шовеллер.

Приглядевшись, Свон с удивлением узнала в королеве ту самую даму, что так неодобрительно разглядывала ее на дороге. Улыбчивая спутница, к которой Ее Величество обращалась не иначе как «милая Аделаида», сидела возле одного из принцев. Зайдя за спины гостей, Свон обнаружила, что рука молодого человека обвивает талию Аделаиды, в то время как ее ладонка лежит на его колене. Неприличные прикосновения взрослой дамы и ее кавалера видела только Свон, поскольку, раскладывая хлеб, подошла к ним достаточно близко, а удостоенные высокой чести дворяне были увлечены разговорами. Впрочем, в этот самый момент король хранил молчание, а королева сквозь зубы выговаривала супругу за легкомысленность. Он, соревнуясь с сыновьями, оставил ее на дороге одну, и лишь благодаря счастливому случаю, не пришлось идти до замка пешком.

– Однако, у этого «случая» были прелестные ножки, – заметила «милая Аделаида», желая увести беседу в другое русло. – Все мужчины из нашего сопровождения обратили внимание на круглые коленки бойкой девицы, когда та запрыгивала на коня. Представляете, она села на жеребца по-мужски, без седла!

Принц, обнимающий даму уже не за талию, а гораздо ниже, шепнул ей на ухо:

– Села на жеребца? М-м-м? – и уже громче добавил: – И где вы встретили такую горячую амазонку? Я тоже хотел бы посмотреть на ее хорошенькие ножки.

– И я сегодня удостоился чести видеть хорошенькие ножки, – хмыкнул второй сын короля, – но, к сожалению, на теле с бестолковой головой.

Свон, пряча глаза под тенью чепца, осторожно рассматривала молодых людей. Принцы выглядели на лет двадцать пять – тридцать, оба широкоплечие и статные. Одного из них природа одарила светло-русыми локонами и серыми глазами, другой был темноволос и на мир смотрел внимательным взглядом карих глаз. Когда он повернул голову в сторону брата, Свон разглядела и прямой нос, и подбородок с ямочкой. Мимолетная улыбка этого мужчины завожила ее, и Свон забыла, зачем пришла.

Королевские сыновья казались ей похожими на небожителей, лики которых она с детства рассматривала на мозаичных окнах церкви. Оба были красивы и мужественны, особенно второй, темноглазый, который напоминал ей карающего ангела с горящим мечом.

Взглянув на короля, Свон отметила, что он не так хорош собой, в отличие от загорелых сыновей, чьи выщипанные волосы стелились по развитым плечам: он был бледен и почти лыс. Ни один из принцев не имел такого нескладного тела, как у Артура Пятого.

Королева с недовольством посмотрела на подругу и сыновей, и разговор о хорошеньких ножках прекратился. Все принялись обсуждать некую графиню Валлот, оконфузившуюся на последнем балу, поскользнувшись на ступеньках танцевальной залы.

Когда Свон протянула руку, выкладывая щипцами хлеб около темноволосого принца, он вдруг схватил ее за запястье.

Свон в испуге отдернула ладонь и отступила на шаг, едва не опрокинув блюдо с хлебом на пол.

Принц же, упустив руку, отступать не собирался – он потянулся к чепцу служанки, желая его сдернуть, но недовольный возглас леди Алель не позволил случиться столь непонятному интересу высокородного господина к простой служанке.

Принц сразу понял, что своими действиями вызвал недоумение, поэтому сдался и вернулся на место.

– Простите, Ваше Высочество! Вас задела простолюдинка? – графиня Шовеллер, увидев странную реакцию гостя, решила, что неловкая подавальщица хлеба оскорбила его. Посмотрев на отпрянувшую служанку, выговорила, как хлопнула по лицу: – Пошла вон, деревенщина!

«Дервенщина», сунув блюдо подоспевшему распорядителю, кинулась прочь.

На выходе произошла суতোлка, и один из торопящихся покинуть прием мужчин вдруг рухнул на пол, в полете цепляясь за плечо Свон. Она непременно упала бы следом, если бы не стоящий рядом человек, который чудом удержал ее, но лишь для того, что хлопнуть по заднице и пьяно рассмеяться, дыхнув густым перегаром.

Свон замерла. Спасителем оказался не кто иной, как близнец Маларкей. Ища помощи, она огляделась и узнала в лежащем на полу мужчине Дака, который скулил, ругая Канарда за подножку. Маларкей, издевательски улюлюкая, отпихнул от себя служанку, не признав в ней старую знакомую, и Свон, поблагодарив небо и кухарку Амали за серый чепец и невзрачную одежду служанки, покинула шумный зал.

Проходя мимо ниши, укрытой гобеленом с пасторальной картинкой, Свон невольно подслушала беседу двух дам, которые, не стесняясь, обсуждали достоинства принцев. Еще бы, такие красавцы могли бы вскружить голову любой женщине! Свон не стала лукавить – принцы действительно были великолепны, и она могла бы влюбиться в любого из них. Размышляя над этим, она приложила руку к груди, где впервые в жизни ее сердце заняло от желания любить. Но кто она такая? Служанке совсем не пристало мечтать о высокородных женихах.

После шумного застолья гости никак не желали успокоиться и разойтись по отведенным им покоям, даже в саду слышались смех и женские вскрики. Для опьяненных вседозволенностью мужчин не существовало преград в виде закрытых дверей, которые азартно выбивались. Служанки вместо того, чтобы убирать помещения, жались на кухне, ища там защиты от особо ретивых кавалеров. Управляющий свирепствовал, насильно отправляя прислугу выполнять свои обязанности.

Правда, некоторые вовсе не противились подобным «ухаживаниям» – зачать от дворянина считалось благом, бастардов обеспечивали, и вся семья расторопной девицы могла сносно существовать. Через девять месяцев после приема в замке ближайшие деревни пополнятся ревущими младенцами, служащими гарантом относительно сытой жизни. Конечно, происхождение детей предстояло доказать, поэтому женщины старались взять у любовников на память какую-нибудь вещицу, которую позже предъявят в качестве доказательства хмельной ночи и случайной связи.

Свон подобной участи себе не желала, поэтому сразу направилась в свою комнату. Чтобы не встретиться с неугомонными гостями, она решила пройти через кухню. В уголке шумного помещения, куда слуги стаскивали грязную посуду, сидела Берта: ее волосы выбились из-под криво нахлобученного чепца, руки лежали на коленях. Пустой взгляд смотрел в одну точку. «Устала, не буду ее беспокоить», – подумала Свон, идя к двери, ведущей к комнатам слуг.

Амали между тем активно руководила процессом мойки посуды. Кипели чаны с водой, одни служанки гремели тарелками, наклонившись над корытами, другие вытирали их насухо и укладывали в шкафы высотой до потолка.

Покинув кухню, утопающую в паре, Свон свернула в коридор и увидела возле входа в крыло для слуг мужчину, который стоял к ней спиной и внимательно всматривался в проходящих мимо людей. Он явно кого-то ждал. Когда мужчина обернулся вслед за одной из служанок, одетой точно так же, как и вся прислуга в замке – в серое, сердце Свон остановилось. Это был темноволосый принц.

От неожиданности она отступила назад в кухонную толчею, при этом едва не выбив поднос из чьих-то рук.

«Что высокородный гость здесь делает?»

Свон вспомнила, как принц схватил ее за руку и попытался снять чепец, и ей стало не по себе. Оглянувшись на матушек и оценив предстоящую работу, она поняла, что те освободятся нескоро. Единственный выход – переждать где-нибудь в укромном месте: или Берта с Амали наконец отправятся спать, или Его Высочеству надоест стоять, подпирая плечом двери, и он уйдет.

Чтобы не крутиться на кухне под ногами, Свон поспешила на свежий воздух. Стоило ей свернуть за угол в намерении скрыться в сторожевой башне, где было тихо и на посту стояли знакомые ей служивые, как она попала в чьи-то руки. В темноте Свон не смогла разглядеть лица, но то, что она находилась в объятиях мужчины высокого роста и от него приятно пахло духами, определила легко, поскольку упиралась носом в его грудь. Человек дышал так часто, а сердце его колотилось так сильно, что стало понятно – незнакомцу пришлось бежать.

Стараясь вырваться из сильных рук, Свон добилась одного – ее обхватили еще крепче.

Незнакомец наклонился и тихо спросил, щекоча дыханием ухо:

– Ну, милая, сколько можно за тобой бегать?

– Милорд, отпустите, пожалуйста! – у Свон появилась надежда, что мужчина обознался. – Вы меня с кем-то путаете!

– Нет, не путаю, – с легким смехом произнес тот.

– Кто вы? – Свон испугалась и опять попыталась вырваться, ей даже удалось развернуться в руках мужчины, но незнакомец обнял ее за талию и прижал к себе спиной. Другой рукой он медленно снял с ее головы чепец и выпустил наспех заплетенные косы на волю.

– Тише-тише, успокойся, – прошептал он и поправил прядь волос, мешающую ему видеть профиль Свон.

– Кто вы? – повторила она с нарастающим беспокойством.

– Твой спаситель. Разве это не ты сегодня купалась в реке?

Услышав, что она задержала дыхание, добавил с сожалением в голосе:

– Прости, я думал, что ты опять тонешь. Не знал, что за прошедшие годы ты научилась плавать.

Свон повернула к нему лицо, стараясь рассмотреть, кто же стоит за спиной, но добилась лишь одного – ее поцеловали. В губы. Нежно и сладко.

Она была так ошеломлена, что даже не думала сопротивляться. Поэтому не заметила, как ловко ее развернули и прижали к стене, удерживая руками лишь лицо, чтобы было удобнее целовать.

Но что такое творилось с ней самой? Этого Свон не смогла бы объяснить и под угрозой смерти! Ее бесстыжие руки сами обвинили шею незнакомца. А бестолковая голова начала кружиться. А сердце-предатель забилося от непонятного восторга.

Когда в легких не осталось воздуха, ее губы отпустили. Мужчина сделал глубокий вдох, а на выдохе поцеловали в висок. Волнительно и приятно. Незнакомец тихо засмеялся, словно радовался, что укротил девушку.

И никак не ожидал, что она юркнет вниз и вырвется из расслабленных объятий. Подхватив упавший чепец, Свон кинулась прочь, а в спину ей несся громкий смех:

– Далеко не убежишь! Все равно поймаю!

Свон бежала быстро и за топотом собственных башмаков не сразу поняла, что за ней никто не гонится. Остановившись, чтобы отдышаться, поймала себя на мысли, что испытывает крайне противоречивые чувства: облегчение, что вырвалась из рук незнакомца, и разочарование, что он за ней так и не последовал. Ее сердце замирало одновременно и от страха, и от воспоминаний о ее первом и таком прекрасном поцелуе.

Но с кем она целовалась?

Нет, только с ней могло приключиться такое недоразумение: испытать удовольствие от поцелуя с человеком, которого не только не знала, но даже не видела лица! Боже, может, она та самая падшая женщина, о которой кухарки время от времени шепчутся на кухне?

Уже спокойным шагом, но поминутно оборачиваясь, Свон дошла до сторожевого поста.

Нет, она не пойдет к дежурящим на башне, не то настроение. Сейчас хотелось побыть одной и посидеть в тиши, спокойно обдумывая причины своего падения. Для таких целей как нельзя лучше подходила укромная беседка, о которой знали лишь обитатели замка. В закрытом от любопытных глаз месте можно было легко спрятаться – туда гостям замка вход не найти.

Рассудив так, Свон двинулась в сторону цветущего шиповника, растущего высокой стеной сразу за башней. Никто не догадывался, что сбоку от нее существовал проход, а за ним чудесная лужайка с ручьем и тенистой резной беседкой, увитой плющом.

Когда Свон нырнула потайной проход, по донесшемуся до ее слуха шороху поняла, что кто-то уже облюбовал уединенное место. Она хотела было развернуться и уйти, но в темноте раздался то ли жалобный всхлип, то ли стон. Свон как могла тише подкралась к беседке. Всклипы раздавались за ней.

Плач был таким жалобным, что Свон не выдержала и подошла ближе. На траве, несмотря на белый камзол, который после столь небрежного обращения с ним окажется испорченным, сидел Дак. Его полную фигуру трудно было не узнать даже в тени плюща, освещенного лишь слабой луной.

Увидев, что к нему кто-то приближается, Дак попытался встать, но у него не получилось: под тяжестью веса он рухнул назад и от стыда и неловкости опять заскулил. У Свон разорвалось сердце. За время разлуки забылись обиды, и плач восемнадцатилетнего парня болью отозвался в ее душе.

– Тише, Дак, не пугайся! Это я, Свон! – она сняла чепец и подошла ближе.

Толстяк затих, всматриваясь в серую фигуру, потом пришло узнавание.

– Свон, родная, где ты была? Я все эти дни ждал, что ты придешь. А ты не приходила. Забыла меня...

Дак протянул руку, и когда давняя подруга взяла ее, потянул к себе. Не грубо, осторожно. Она села рядом, рука осталась в его потной ладони.

– Посиди со мной. Мне так плохо. Только тебе было до меня дело, а когда нас разлучили, я остался совсем один. Братья и сестры злые, мама иначе как дураком не называла, а для папы я – неудачный сын.

И опять заплакал, размазывая слезы по лицу и сморкаясь в объемное жабо рубашки. Совсем, как тогда, пять лет назад.

– Я иногда жить не хочу. Вот пойти бы и утопиться в речке!

Помолчал. Его большой палец нервно гладил ее ладонь. Свон чувствовала себя неловко, но не решалась отобрать руку.

– Умирать страшно? – Дак повернул к ней лицо. В темноте оно казалось большим, белым. – Ты же тогда тонула. Помнишь?

– Помню. Страшно.

– Хорошо, что ты выжила. Я переживал, плакал. Братья тогда тоже испугались. Отец сказал, если бы ты умерла, он лишился бы поста, и нас всех выслали бы в замок Дохо. Это на севере. Там плохо.

– За что меня бросили в реку?

– Ты их опозорила. Они решили над тобой подшутить.

– Подшутить?! Я чуть не умерла, а они шутили!

– Папа тоже так кричал. Знаешь, они не думали, что ты утонешь. Собирались посмеяться над тобой, когда ты вернешься, словно мокрая курица. А оно вон как вышло. Папе велели увезти нас в столицу и поставили условием, что тебя больше никто и пальцем не тронет.

– Условие? Чье условие?

– Наследника. Он видел, кто тебя в воду бросил. Всех четверых опознал.

– Четверых? Сестры тоже участвовали?

– Да. А ты не знала? Папе пришлось дать клятву. И теперь мы полностью во власти Эдуарда.

– Эдуарда?

– Да. Наследного принца Эдуарда. Через три дня состоится бал, а после него сестра выйдет замуж за барона Гобблера. Он старый и противный. Но так пожелал принц. Силинда бесится, но ничего поделать не может. Отец говорит, что этот брак в интересах государства. Скоро я останусь один. Чарити тоже выйдет замуж, а братья пойдут служить в армию. Они бы еще пять лет назад там оказались, но мама притворилась тяжелобольной и им дали отсрочку. Тогда их отправили учиться. Первое время близнецы держались, не бедокурили, но потом стали еще хуже. Если не отправлялись на гулянку, то развлекались, унижая меня.

Вдруг Дак отвлекся, вытер рукавом нос и посмотрел в небо.

– А ты ангелов видела, когда тонула? Я бы на ангелов посмотрел. Вот бы они меня с собой взяли! Как думаешь, если умру, могу ангелом стать? Я ведь ничего плохого не делал. Ну, разве что тебе. Прости меня, Свон. За все прости. А от близнецов держись подальше. Им хоть запрещено к тебе приближаться, но ты их знаешь...

Свон все же высвободила руку под предлогом, что нужно надеть чепец. Только она поднялась, собираясь уйти, как со стороны входа в беседку послышались голоса. Она опять присела рядом с Даком. Выходить сейчас оказалось неудобным: трудно было бы объяснить, что Свон делала в кустах с хозяйским сыном.

Между тем в беседку зашли двое – мужчина и женщина. По характерным звукам было понятно, что они целовались. Игривый шепот мужчины прерывался тихим смехом женщины. Шуршание множества юбок сопровождалось поскрипыванием одного из трех диванов, что для удобства отдыхающих были установлены в беседке.

– Ты уверен, что нас никто не увидит?

– Да, это место никто знает. Слуги сюда не придут под страхом смерти, а остальные заняты гостями. Милая, я так скучал.

Опять звук поцелуев.

– Но ты хотел поговорить о чем-то важном?

Через щель в стене плюща Даку и Свон было видно, женщина отстранилась и даже попыталась встать с дивана. Но мужчина вернул ее на место.

– Успеем поговорить. Сначала о нас, любимая. Надеюсь, вся эта неприятная история не разлучит нас? Вспомни, как долго мы вместе. И как крепко связаны.

– Да уж, – голос дамы стих, будто она сникла. – О таком не забудешь. А если и случится, ты обязательно напомнишь.

– Ну о чем ты, дорогая? Я только о своей любви к тебе! Только о любви! Надеюсь, твои чувства не погасли, остались прежними?

Женщина, как эхо, повторила: – Остались прежними...

Потом мужчина прижался к спутнице и, целуя, опрокинул ее на диван. Она слабо отбивалась, но он не позволил подняться. Одной рукой удерживал любовницу, другой задирает ей юбки.

Свон с Даком сидели тихо, как мыши. Но лицо кавалера было направлено в их сторону, и он мог обнаружить соглядатаев в любой момент.

Свон находилась в растерянности. В беседке парочка, не зная, что их тайной связи есть свидетели, вела себя вольно: ритмичные движения сопровождались тихими стонами, а кульминация и вовсе отметилась женским вскриком. Свон зажала уши, чтобы не слышать эти звуки. Посмотрела на Дака и поняла, что с ним происходит что-то совсем уж непонятное: он сидел, обхватив голову руками, и тихо раскачивался. Когда Свон осторожно дотронулась до его плеча, вздрогнул.

– Боже! – прошептал он. – Боже!!!

В беседке между тем уже оправляли одежду.

– Теперь, когда ты получил то, чего желал, объясни, зачем позвал? – тайная любовница явно сменила милость на гнев. В ее голосе слышалось раздражение, будто бы несколько минут назад вовсе не она смеялась и стонала, принимая ласки.

– Я хотел поговорить о нашем сыне, – начал мужчина.

– О нашем?! – почти закричала женщина, – Я просила забыть об этом! Ты обещал даже не заикаться! И что теперь?

– Теперь он возобновил преследование своих братьев и сестер. Ему нужно объяснить, что они – родная кровь. Я хочу его остановить, пока не стало слишком поздно!

Дама начала метаться по беседке, словно ее загнали в клетку.

– Они получают то, что заслужили. И не тебе поучать моего сына.

– Нашего. Нашего сына.

– Не смей подходить к нему! Иначе, иначе... – женщина пыталась подобрать слова, но ее эмоциональная речь была прервана холодным голосом собеседника:

– Что иначе? Ты знаешь, чем рискуешь. А он, узнав о нашей связи, поймет, чем он рискует. И оставит, наконец, мое имя в покое.

– Твоим детям и твоей жене-курице нужно было раньше думать об имени и карьере. Если ты не позаботился об их воспитании, придется позаботиться другим.

Она решительно развернулась к выходу.

– Я предупредил, – бросил ей в спину мужчина.

– Я тоже, – прошептала рассерженная любовница и покинула беседку.

Мужчина продолжал приводить себя в порядок, застегивая камзол. Когда незнакомка скрылась за стеной шиповника, Дак поднялся и двинулся входу в беседку. Свон попыталась схватить его за руку и остановить, но он действовал решительно.

– Папа! – визгливо выкрикнул он.

Мужчина в беседке резко поднял голову.

– Я все видел! Как ты мог?

Послышался звук пощечины. Это граф Шовеллер ударил сына и что-то зашипел.

– Я знаю, с кем ты был! – схватившись за щеку, продолжил кричать Дак.

– Молчи, дурак!

Но толстяка было не остановить, у него началась истерика.

Свон, воспользовавшись тем, что эти двое отвлеклись, нырнула в тень и быстро покинула опасное место, оставив кричащих друг на друга мужчин разбираться без свидетелей. Она с ужасом поняла, что опять попала в историю, которая может весьма плачевно для нее закончиться.

Стараясь быть незаметной, она прошмыгнула на кухню, смешалась с толпой слуг и бухнулась на то место, где недавно отдыхала Берта.

Свон не могла отдышаться. Ей стало до невозможности жутко. А если Дак призовет ее в свидетели, когда решит выложить графине Алель о порочной связи отца, что будет с ней, простой служанкой, пусть и объявленной графом своей воспитанницей? Вытирая рукавом вспотевший лоб, Свон неожиданно осознала, что чепца на голове нет. Неужели обронила? К лицу прилил жар. Вот растяпа! Утром нужно обязательно сбегать к беседке, пока кто-то другой его не нашел.

– Милая, пойдем спать, – тронула ее за плечо Берта.

Свон с криком подскочила.

– О, боже, матушка, как вы меня напугали!

– Тише, тише. День был тяжелый, все устали. Пойдем.

Только выйдя из кухни, Свон вспомнила о принце, но его у двери уже не было. На своей кровати громко сопела Амали. Она даже не пошевелилась, пока женщины умывались и укладывались спать. День был долгим и трудным.

Сколько же на бедную голову Свон выпало испытаний! Дорога в деревню и обратно, прислуживание за столом короля, и под завершение – встреча с несчастным Даком. Как должно быть ужасно узнать об интригах отца!

«И зачем я пошла в беседку? Лучше бы отсиделась в сторожевой башне!»

Несмотря на тревожное состояние, Свон не могла не задаться вопросами, которые так или иначе, но повлияли бы на ее будущее. Кто из приглашенных на праздник женщин есть тайная любовница графа Шовеллер? И почему они ссорились между собой? И что за странные разговоры об общем сыне, который настолько всесилен, что может преследовать детей советника короля... Интересно, кто он? И что теперь будет с Даком?

Уже проваливаясь в сон, Свон тронула свои губы. За последними событиями она совсем забыла о незнакомце из благородных господ с непонятными речами и волнующими поцелуями. Вот еще одна загадка, будто бы остальных мало: кто же он?

Глава 3

Утром Свон встала раньше всех. Ей не давала покоя вчерашняя история, в которую она умудрилась попасть вместе с Даком. Чтобы вновь превратиться в безликую служанку, воспитанница графа Шовеллер надела чепец Амали и побежала к беседке. Увы, надеждам не было суждено сбыться: ни за беседкой, ни в какой другой части укромного уголка пропажа не обнаружилась.

Пока Свон лихорадочно вспоминала, где еще могла обронить чепец, откуда-то сверху, как раз из тех покоев, где разместили вчерашних гостей, и чьи окна выходили на крепостную стену, послышался скрип открываемых ставен. Испугавшись, что ее могут опознать, Свон поторопилась покинуть поляну.

Выйдя на задний двор, она застала у кухонного крыльца хмурую невыспавшуюся Амали и как всегда довольного жизнью Пузатого Ганса. Число гостей увеличилось, и молочник привез несколько дополнительных жбанов с молоком. Втроем они быстро перетащили их на кухню и Ганс, получив щедрую плату, ушел, громыхая пустой тележкой и насвистывая веселую песенку.

– Ты чего мой чепец нацепила? – спросила у Свон Амали, огромным черпаком переливая молоко в кастрюлю. – Свой куда дела?

– Потеряла, – прошептала Свон, помогая придерживать тряпицу для процеживания молока. – Мне нужно с вами и матушкой Бертой поговорить.

– Случилось чего? – встревожилась кухарка, откладывая черпак в сторону. Увидев утвердительный кивок, побледнела. – Пойдем. Она в погребе.

Спустившись в темный погреб, Свон и Амали направились в сторону ледника. Там горела свеча, и Берта, беседуя сама с собой, ворочала большими кусками мяса, выбирая нужные для сегодняшнего приема. Ожидался приезд семейства жениха.

– Нет, говядина не пойдет, слишком постная, а вот этот кусок в самый раз, – произнесла она и поскребла ножом по замерзшему краю свиного бока. Увидев приближающихся к ней подруг, бросила свое занятие и вытерла руки о фартук.

– Что случилось?

– Свон хочет чем-то поделиться.

Берта сразу поняла серьезность разговора. Родная девочка не станет отвлекать по пустякам.

Когда Свон закончила рассказ, и пожаловалась, что так и не нашла чепец, женщины заволновались.

– Ты точно знаешь, что оставила его на поляне?

– Да. На кухне его уже не было. Я помню. Матушки, что же будет?

– Ой, как все нехорошо, – покачала головой Берта. – Управляющий утром предупредил, завтрак для Дака готовить не нужно. А ты случаем не разглядела, с кем был граф?

– Нет, я закрыла глаза, – покачала головой Свон. – Я даже не подозревала, что это граф Себастьян, пока Дак не закричал. А где Дак? Раз завтракать не будет, значит, его нет в замке?

– Девонька, не те вопросы задаешь. Они родные, сами разберутся. А вот тебе беда грозит, если Дак проболтался, что не один в темноте сидел. Да и чепец этот чертов. А если его нашли и связали со вчерашним случаем?

– Ты мой чепец не снимай! Я другой поищу. Во вчерашнем бардаке, как пить дать, кто-то из деревенских слуг свой на кухне оставил. Или старый надену. Нет, старый нельзя, он белого цвета. Я что-нибудь придумаю, не переживай, – кухарка обняла испуганную Свон.

– А мне как быть?

– Не высовывайся, веди себя тихо. Алекс сегодня придет, с ним посоветуемся.

На этом женщины разошлись.

Свон не стала рассказывать им о незнакомце и нечаянном поцелуе. Как бы она смогла объяснить матушкам, что целовалась с мужчиной, лица которого так и не разглядела? Единственное, что она запомнила, и ей казалось, что навсегда – как пахнут его духи. Не то чтобы Свон хорошо разбиралась в мужских духах, просто Алекс иногда пользовался такими и говорил, что в них спрятан аромат цветущих цитрусовых деревьев.

Часом позже произошло необычное для замка событие: управляющий велел прислуге собраться на заднем дворе, причем не преминул упомянуть, чтобы служанки явились в чепцах. Мужскую половину после назидательной речи касательно предстоящего бала отпустили, а вот женщинам приказали выстроиться в ряд. Свон обратила внимание, что на кухонном крыльце появился начальник стражи и внимательно следил за происходящим.

– Амали, что у тебя на голове? – управляющий был недоволен – кухарка стояла в чепце, испачканным золой, отчего его исходный цвет определить было невозможно.

– Простите, я вечером заглядывала в дымоход и уронила чепец в очаг. Печь сильно чадила. Думаю, следует позвать трубочиста, как бы нам не оплошать перед гостями. А его, – Амали сдернула с головы тряпку, иначе и не скажешь, – сейчас постираю. Вчера не успела, совсем вымоталась.

– Не надо. Получи новый чепец.

На этом всем разрешили разойтись, предупредив для порядка, чтобы работали исправно, поскольку гостей много, и от дела отлынивать негоже.

Свон по поручению поварихи отправилась принимать привезенную из деревни птицу. Когда она подошла к телеге, конюх распрягал хозяйскую лошадь.

– Чет захромала красавица, – объяснил он и склонился над копытом лохмоногой труженицы.

– Дядька Пит, скажите, а ночью со двора никто не выезжал?

Тот поднял голову и внимательно посмотрел на Свон.

– Ночью никак нет, а вот под утро со двора графская карета выкатилась. Евойного младшего сыночка со всем его скарбом в Дохо повезли. Я сам слышал, как граф кучеру наставление делал, как снежный перевал без беды миновать. А вместо гувернера с Даком стражника отправили. Странно все это, да? – Пит почесал в бороде и хитро сощурил один глаз: – А тебе, лебедушка, зачем знать? Попрощаться не успела?

– Да нет, шум слышала, а сегодня Даку завтрак не готовили.

Конюх, потеряв к беседе интерес, вновь уставился на копыто, водя по подкове заскорузлым пальцем, а Свон, передав птицу вновь появившимся в замке деревенским, которые сноровисто принялись ее ощипывать, побежала в свою комнату. Ей нужно было подумать.

Она присела на краешек кровати и зашептала:

– Это что же получается? Дака отправили в ссылку, а теперь чуть ли не со стражниками ищут того, кто потерял чепец? Неужели лорд Себастьян так боится гнева супруги? Но графиня не имеет над ним власти и находится в полной зависимости. Ну, поплакала бы, узнав, подулась. А дальше что? Нет, не стал бы граф выпроваживать сына и устраивать розыск девушки без чепца, если бы он боялся гнева леди Алель. Тут что-то другое! Кто же та таинственная женщина, что находилась с ним в беседке? Кого граф не хочет скомпрометировать? И о каком сыне они говорили? Вот ведь... И Дак наверняка знал, кто целовался с отцом! Надо бы пробраться в его комнату и поискать, может записочку какую оставил? Если управляющий не знает, чей чепец нашли у беседки, значит, Дак меня не выдал.

Поняв, как действовать, Свон полетела к кастелянше, которая распределяла служанок для уборки помещений.

Та уже отправила всех по местам, но так как комната Дака не требовала срочной уборки, Свон легко получила работу и с ключом в кармане побежала в восточное крыло. Встретиться

с близнецами она не боялась, поскольку те наверняка отправились на завтрак – из залы доносились гул голосов и звяканье столовых приборов.

Войдя в знакомую с детства комнату, Свон огляделась. Везде царил беспорядок, похоже, что Дак собирался в спешке. На полу валялся жилет, испачканный в траве. Только сейчас Свон поняла, что с утра надела ту же самую юбку, в которой вчера сидела на траве, а потому быстро ее развернула и ахнула – по подолу шли зеленые пятна. На ее счастье, на темно-серой ткани зеленые разводы были едва различимы. От испуга сердце стучало как бешеное. Свон чудом избежала страшного разоблачения! Если бы управляющий искал подобное доказательство пребывания служанки у беседки, Свон наверняка вывели бы на чистую воду!

Свон торопливо собрала испачканную одежду Дака в мешок для белья. С глаз долой!

Двигаясь по комнате, раскладывая вещи по своим местам, она искала хоть какую-то зацепку. Не мог Дак не оставить ей сообщение, ведь теперь она твердо знала, что он неплохой человек, и даже можно сказать – друг, если не брать во внимание, что он именитого рода, а она простая прислуга.

Увидев на подоконнике за занавеской чернильницу с воткнутым в нее пером, Свон принялась за поиски бумаги, ведь разумно было предположить, что раз есть чернила, то должно быть и то, на чем перо оставило свой след. Но как не искала, кроме тоненького молитвенника ничего не обнаружила. Взяла его в руки и потрясла, надеясь, что оттуда выпадет записка от Дака, и даже успела расстроиться, когда таковое не случилось. Но когда положила молитвенник обратно на стол, он вдруг раскрылся, и Свон увидела, что одна из его страниц надорвана, и отсутствует совсем небольшой клочок бумаги. Теперь Свон точно знала, что ей следует искать.

Но прошел еще один час и еще, она по несколько раз перетряхнула все вещи, а заветный клочок бумаги так и не обнаружился. Беспомощно оглядевшись, Свон вздохнула. Пора было уходить. Уложив постельное белье в большой мешок, она завязала его и поставила у двери рядом с тем, в котором лежала одежда Дака. И тут ее осенило: в детстве они сделали в двери тайник! Как же она могла забыть о нем! В косяке сдвигалась деревянная планка, а за ней находилось небольшое углубление, которое выковырял стаченным на кухне ножом Дак, и где они прятали всякие цветные камешки, перышки и прочую дребедень, дорогую сердцу ребенка.

Трясущимися от волнения руками, Свон отодвинула дощечку. Среди давних богатств белел клочок бумаги. На нем нервным почерком было написано всего одно слово. Прочитав, Свон села на мешок с бельем. «Королева».

Найдя в себе силы двигаться, Свон поднялась. Выйдя из комнаты, она столкнулась с невысоким мужчиной, который едва успел подхватить служанку, чем уберег ее от падения. Торопливо извинившись перед незнакомцем, Свон заторопилась в сторону лестницы. Она бы даже побежала, если бы не тяжелые мешки. Ступив на первую ступень, Свон оглянулась и вздрогнула от неожиданности – мужчина спешил за ней следом. Его шаги еще громыхали по лестнице, когда Свон влетела в прачечную, тонушую в клубах пара. Бросила мешки одной из прачек и кинулась к другому выходу, туда, где у запруды полоскали белье.

Зайдя за угол, Свон поднялась на цыпочки и заглянула в открытое окно. Незнакомец вывалил вещи из ее мешков и рылся в белье. Подняв испачканный в траве жилет Дака, он тщательно осмотрел все карманы, но кроме скомканного шейного платка ничего не обнаружил.

Свон не стала дожидаться, когда незнакомец возобновит слежку, и быстро покинула хозяйственный двор. Безопаснее всего находиться рядом с матушками, так рассудила она и отправилась на кухню.

Завтрак у господ закончился, до вечернего приема было далеко, поэтому повариха и несколько служанок сидели за столом, пили чай и что-то оживленно обсуждали. Иногда женщины разом склоняли головы к центру столешницы, слышался возбужденный шепот, а потом все усаживались на место. Сделав большие глаза, они или смеялись, закрыв рты ладонями, или укоризненно цокали языками, но все как одна выглядели довольными.

Свон поняла: женщины сплетничают. Усевшись рядом с Амали, прислушалась.

– Да она сама при этом присутствовала, вот тебе крест! Господа же нас за людей не считают, мы вроде мебели для них, – заявила кухарка, прибывшая из городского дома.

– Вроде собачек, что все время трутся рядом. При них тоже не стесняются гадости говорить, – поддакнула другая служанка.

– Ну, и что дальше? Не тяни! – Берта легла грудью на стол, чтобы стать ближе к рассказчице и не упустить ни слова.

– Принц вернулся в свою комнату, как она и ожидала, поздно ночью. Свечи не стал зажигать, сразу прошел к кровати, пошуршал одеждой и нырнул под одеяло. Тут она решила прижаться к нему и обвить руками, чтобы он, значит, никуда не делся. А принц еще пуще обрадовался, прижал ее к себе и давай целовать. И в тот самый момент, когда принц опустил к поцелуям к груди и пощупал ее рукой, вдруг заорал диким голосом!

Городская кухарка сделала паузу, оглядев женщин, сидящих с открытыми ртами.

– А какой это был принц? – решила спросить Свон. Но ответа не получила, сплетницы на нее зашикали, замахали руками, поскольку все внимание было сосредоточено на городской кухарке.

Рассказчица поманила их пальцем и все в едином порыве придвинулись к ней поближе. Дальше она говорила уже трагическим шепотом:

– Как только раздался крик, в комнату с двух сторон забежали люди со свечами: с одной стороны леди Алель, с другой – королева с Аделаидой. И что же они увидели?

– Что?!

– На кровати сидят две голые девицы и орут во все горло!

– А-ха-ха-ха, – взорвался женский коллектив. Берта стала вытирать чепцом слезы, появившиеся от смеха, а Амали вообще легла на Свон. Воспитанница пихнула локтем старшую кухарку и та, прерываясь, чтобы посмеяться, объяснила:

– Принца хотели на горяченьком поймать, ну, там, девичью честь отнял и теперь должен жениться, а не вышло! Две сестрички одновременно решились в постель к нему забраться. Никого кроме них в комнате не было, вот каждая и думала, что рядом принц лежит!

– А графиня, как увидела Чарис рядом со старшей дочерью, вся пятнами пошла! – продолжила городская кухарка. – Она же Силинду ему подкладывала. А младшая не знала об их планах и тоже решила принца захомутать!

– А королева? Она что?

– По щекам всем надавала. Аделаида так вообще от смеха по полу каталась. А тут принц пришел. Встал у двери и ничего понять не может. Две голые девицы в постели режут, королева на графиню орет, а Аделаида от смеха помирает.

– А дальше что? Принц-то что сделал?

– А ничего не сделал. Комнату покинул и к брату пошел. Утром графиня письмо получила, что ей и ее отпрыскам во дворце не рады. Приказано в родовой замок отбыть и готовиться к помолвке старшей дочери. Тут же приписано было, что Силинде за барона Гоблера идти замуж.

– А граф Себастьян? Он где был?

– Он позже появился. С ним принц при закрытых дверях беседовал. Вышел оттуда наш лорд белее снега. И все приговаривал: «Дуры безголовые! Убью!».

– А как королева о планах сестер узнала?

– Горничная рассказала, которую Силинда накануне по щекам отхлестала. Как услышала о готовящемся безобразии, сразу к Аделаиде побежала. Только никто не ожидал, что там еще и Чарис окажется!

– Да, бедный принц! Он уже, наверное, боится в свою комнату зайти, вдруг опять охотница какая силки свои разложила?

Все опять от смеха повалились:

– А-ха-ха-ха, силки разложила! Это так теперь называется? Пойти что ли, тоже для кого свои силки разложить?

– Ты их проветри сначала! Может там моль завелась?

– От чего это там моли завестись? – обиделась женщина, – Еще вчера все в порядке было, охранник проверял!

Все опять засмеялись, но веселье прервал забежавший дворовой мальчишка:

– Жених приехал! Чудной такой!

Женщины повскакивали со своих мест и гурьбой вывалились на площадь, где из трех карет выходили новые гости.

Барона Гобблера узнали сразу: надутый от осознания собственной важности, он гордо вышагивал в окружении таких же напыщенных родственников.

Но Свон заинтересовал не будущий муж Силинды, а странный человек из его свиты. Высокий мужчина вышел из кареты последним, держался особняком и сильно отличался от остальных.

Он единственный носил черные одежды, тогда как костюмы прибывших сородичей барона отличались яркими цветами. Длинные, почти до пояса темные волосы, перехваченные кожаным ремешком, красивые мужественные черты лица и хищный взгляд карих глаз – необычный образ для здешних мужчин. Явно иноземец. Когда Свон столкнулась с ним взглядом, вздрогнула. Ее словно обожгло холодом. Мужчина выделил ее из всей толпы, хотя девушка как всегда стояла за дородной поварихой. Он не спускал с нее глаз до тех пор, пока не прошел в двери.

– Кто это? – прошептала Свон.

– Ты об этом, в черном? Заметила, какие у него глазищи? Меня словно огнем опалило, когда он взглянул! – Берта, повернувшись к Амали, добавила, – Надо бы послать мальчишку, пусть разузнает, кто такой к нам пожаловал.

Старшая кухарка зашептала на ухо дворовому, что тоже вышел поглазеть на прибывших гостей. Лопухий малец понятливо мотнул головой и скрылся в толпе.

Женщины вернулись на кухню, обсуждая жениха.

– Он же старый и толстый! – скривилась одна. – Не хотела бы я такого мужа. Но видать денег много. Кольца, почитай, на каждом пальце, да и одежда вся камнями украшена. Горят, как звезды!

– Это Силинде принц такое наказание удумал, чтобы меньше силки в чужих кроватях раскладывала.

– Да ладно жених! Вы того, в черном, заметили? Как он на меня зыркнул! Словно ушат ледяной воды вылил. Б-р-р-р.

– Ой, и на меня посмотрел! Аж до сих пор дрожу вся!

– Цыц, бабоньки! – прикрикнула повариха, – Это он на меня смотрел! Краси-и-и-вый мужчина! Так и хочется для него силки разложить!

Все опять засмеялись, но под строгим взглядом появившегося дворецкого быстро разошлись: кто овощи чистить, кто мясо разделявать, а кто и соснуть часок перед вечерним приемом в господском доме. Свон пошла в комнату вместе с поварихой. Берта всегда укладывалась в кровать после завтрака: ей приходилось крутиться на кухне до поздней ночи, а здоровье нет-нет и подводило: то ноги болели, то спина ныла.

Распахнув двери в комнату, женщины замерли: кто-то рылся в их шкафах и разбросал все вещи по полу.

Глава 4

Неизвестный посетитель оставил дверцы шкафа открытыми. Свон подбежала к нему и ахнула. Все три платья, бережно хранимые ею, были изрезаны на лоскуты. Два из них она сама переделывала из старых нарядов девиц Шовеллер: сестры, уезжая в столицу, бросили вышедшие из моды вещи за ненадобностью. А третье платье, зеленое, с бархатными вставками и шитьем по подолу, что так шло ей, подарили Алекс и матушки на восемнадцатилетие. Свон надела его всего лишь раз и берегла для какого-нибудь особого случая. От обиды слезы неудержимо побежали из ее глаз. Свон села на пол и прижала к лицу изрезанную юбку.

Не успела повариха произнести и слова утешения, как в комнату влетел слуга и затараторил:

– Свон велено прийти в приемную залу. Сказано прилично одеться. Ее Величество королева Елизавета Эрийская изволили видеть ее.

– Ты подожди, не убегай, – повариха схватила его за рукав у самых дверей. – Объясни толком!

Видя, что слуга морщит нос, Берта пригрозила:

– Не дам больше колбасок, как ни проси.

Молодой слуга, с сожалением глянув на плачущую Свон, сдался – набрал в грудь воздуха, встал в соответствующую случаю позу, копируя манеру театрального рассказчика, и как на духу выложил все что видел:

– Сразу после завтрака управляющий послал меня дежурить у дверей малой залы, где собрались высочородные леди: графиня с дочерьми и их подруги, приехавшие по случаю предстоящей помолвки. Черт, я чуть не уснул от их монотонного щебета, но сон сняло как рукой, когда я заметил, что по коридору идут трое: королева и два ее сына. Ее Величество едва дождалась, когда я произнесу положенные слова, оповещающие о прибытии ее и принцев. Я ступил за дверь, но оставшаяся щель позволила видеть ту часть залы, где сидели наша графиня и королева.

«Все ли женщины замка Шовеллер находятся здесь?» – громко спросили Ее Величество.

«Все, – с поклоном ответила графиня и с улыбкой добавила: – Если конечно не считать слуг».

«А где же ваша воспитанница?»

Миледи конечно сильно удивилась: «Какая такая воспитанница?»

Королева, стукнув веером по своей ладони, так коротко ей бросает: «Свон. Хочу ее видеть».

А наша заартачилась: «Ах, зачем, Ваше Величество? Она же просто подкидыш! Да и не знаю я, где эта корова гуляет!» – и на Чарис глаза скосила. Та все поняла и юркнула за дверь, едва не сшибив меня. Я, честно говоря, думал, она за Свон побежала.

А королева как отрезала: «Мне решать». Подайте, мол, Свон сюда и конец на этом!

Тут графиня Алель подозвала меня, а когда я приблизился и склонился над ней, нарочно громко проговорила, видать, чтобы королева слышала, как ее распоряжение выполняют: «Ступай, приведи Свон, да пусть эта неряха оденется приличнее». А сама ущипнула за локоть.

Слуга оголил руку, на которой красовался синяк.

– А когда я уставился на нее, не понимая, почему меня ущипнули, она одними губами прошептала: «Быстро приведешь, розгами запорю!». Вот я и шел к вам круголями, по самой длинной дороге. Кому захочется отведать розги?

– Это что же выходит? – хлопнула себя по бедрам повариха. – Чарис тут ножиком орудовала, пока ты за Свон шел? Э-э-х, гадины какие! Не хотят, чтобы наша девочка красоту

их затмила! Ну, ничего, милая! Не плачь. Мы сейчас что-нибудь придумаем. А ты, ступай, доложи, что Свон скоро появится. Вечером за колбаской не забудь заглянуть. Заслужил.

Когда слуга удалился, Берта устало опустилась на кровать.

– Ох, и зачем же ты королеве понадобилась? Странно все это!

– Не знаю, матушка, – Свон вытерла о рваное платье мокрые глаза. – Мне страшно – вдруг она знает, что это я с Даком у беседки сидела... Но и послушаться приказа я не могу. Надо идти, вот знать бы только в чем...

– А ты иди в платье, в котором в деревню бегала. Амали его еще вчера починила и постирала. Не в форме же служанки перед королевой предстать.

Свон, умыв лицо, сходила на задний двор и принесла оттуда высохшее платье. Расправив подол, грустно вздохнула – хоть одна ее вещь, благодаря заботливой Амали, избежала мести Чарис.

Повариха переплела Свон косу, красиво уложила на голове, вдела в уши свои золотые сережки, поцеловала и выпроводила из комнаты, а сама осталась прибираться, ворча и ругаясь, что подлые господа простому люду ходу не дают.

Свон остановилась перед тяжелой дверью, которую, согласно заведенному порядку, должен был открыть слуга, доложив, что явилась воспитанница графа Шовеллер, но того отчего-то на месте не оказалось. Свон замерла, не зная, что делать. Войти в залу, где находилась королевская семья, открыв двери самой, казалось неловким. Но в тоже время, не век же ей здесь стоять, вдруг слугу отправили по какой-то надобности?

Взволнованная предстоящей встречей, Свон вытерла вспотевшие ладони о юбку и взялась за резную ручку.

Сзади послышались шаги. Они были такими стремительными, что Свон не успела обернуться, чтобы понять, кто к ней приближается. Внезапно все вокруг потонуло в серой дымке. Свон не сразу поняла, что на ее голову высыпалось что-то мелкое, похожее на порошок, которое осело не только на одежде, но и покрыло плечи, волосы, попало в глаза. Не успела она осознать произошедшее, как последовал сильный толчок в спину, от удара двери распахнулись, и Свон, едва удержавшись на ногах, влетела в залу, где разговоры тут же оборвались.

Невыносимо жгло глаза, Свон почти ничего не видела, хотя и пыталась стряхнуть с лица серый порошок. Не найдя ничего лучшего, она наклонилась и вытерла лицо о подол.

– О, боги! – громко воскликнула графиня Шовеллер. – Неужели нельзя было умыться, прежде чем прийти сюда? Вы же, милочка, вся в грязи!

Послышались смешки, шепот и шелест от быстрых взмахов веером.

– Эта и есть та самая Свон, Ваше Величество, – графиня нарочито громко вздохнула.

Свон распрямилась и сквозь слезы увидела, что она находится перед королевой, за спиной которой стоит темноволосый принц и пристально смотрит на «грязную милочку».

Мало кто из собравшихся заметил, что наследник, видя перед собой растерявшуюся девушку, чью одежду, волосы и лицо покрывал слой золы, стиснул зубы и едва сдерживал себя от гнева. На его недовольство обратил внимание лишь светловолосый принц, сидящий на кушетке рядом с Аделаидой. Леди, расположившиеся на диванах и креслах, расставленных полукругом напротив массивного кресла королевы, были заняты тем, что кривили лица и зажимали носы, показывая друг другу, как им отвратительна Свон.

Светловолосый принц, медленно встав с кушетки, протянул ей носовой платок. Свон посмотрела на мужчину со смущением, но кружевной платок приняла. Промокнув краешком платка слезы, смутилась еще больше – белоснежная ткань окрасилась в бурый цвет. «Боже, что сейчас происходит с моим лицом?»

– Н-да, – между тем произнесла королева, – вижу. Как-то она не удалась... Можете идти, дорогая! – взмах руки, позволяющий выйти, и тут же возвращение к прерванной беседе: – Так на чем мы остановились? Это будет бал или маскарад?

Свон повернулась к двери, которую и видела-то смутно. Стыд и осознание того, что над ней открыто насмеваются, вызвали желание бежать из этого страшного места, но... ноги не слушались. Боясь запнуться о подол и предстать перед королевской семьей в еще более странном свете, Свон медлила. Вдруг гомон женских голосов прервал хорошо поставленный мужской голос.

– Я хочу, чтобы Свон пришла на бал.

В зале моментально смолкли все разговоры. Свон повернула голову и увидела, что к ней навстречу идет светловолосый принц.

– Милая, я зайду за вами в шесть часов, – он встал перед ней и, низко наклонившись, поцеловал руку, в которой «замарашка» мяла грязный платок.

Свон, оглушенная зловещей тишиной, быстро покинула залу.

Лакей, на этот раз вновь появившийся за дверью, заметив, в каком состоянии находится служанка, приглашенная к королеве, не удержался – подал руку и проводил до комнаты.

Упав на постель, Свон расплакалась.

– За что они так?

– Что опять случилось, деточка? – Берта протяжно зевнула и, откинув плед, поднялась со своей кровати. – Ох, божечки! Откуда эта грязь? Ты упала?

– Нет, кто-то высыпал на меня золу и втолкнул в залу прямо к ногам королевы! Все смеялись! А потом, словно мне не хватило позора, светловолосый принц пригласило меня на бал! Он тоже решил посмеяться надо мной, да, матушка?

– Пойдем, родная, умоемся. Ты успокоишься и все подробно расскажешь нам с Амали. Вставай, милая...

Услышав «милая» и вспомнив, что так ее называл принц, Свон разрыдалась еще пуще.

После того, как подопечную искупали в прачечной (только там, кроме кухни, можно было найти горячую воду в столь неурочное для купания время), женщины собрались на совет.

– Я не пойду на бал, – покачала головой Свон, сдерживая с волос полотенце. – Во-первых, нет никакого подходящего платья, а во-вторых, не думаю, что принц пригласил всерьез. Я боюсь, что это опять какой-нибудь злобный план. Тем более, что мы не знаем, как на его поспешное желание отреагировали королева и темноволосый принц. Я правильно поняла, ведь это он и есть тот самый грозный наследник?

– Ты права, он старший сын короля. Но давай уже называть их по именам. Наследника зовут Эдуард, а светловолосого принца – Уильям, и если он пригласил, то идти следует. Я слышала, братья дружат и решение одного – закон для другого.

– Пойти-то можно, – вздохнула Амали, – но вот беда – в чем?

– Пока Свон плескалась в ушате, я расспросила наших прачек, – Берта взяла в руки гребень и встала за спиной своей девочки. – Есть пара платьев, из которых можно быстро сшить одно. Магда уже взялась за дело. Тебя все любят, милая, и хотят помочь, – она расправила длинные волосы и запустила туда гребень. Свон скривила лицо от боли. Берта вздохнула, ее беспокоило совсем другое. – Только боюсь, до шести швея не управится. Ее все время дергают: то кружево отпоролось, то крючок оторвался. Наши девушки утужат, наверное, сотый наряд.

– Но для тебя, дорогая, они найдут время, не переживай! – решила поддержать доченьку Амали, похлопав ту по руке.

В дверь постучали, и Свон торопливо завернулась в простыню. Берта набросила сверху свой плед, посчитав, что простыня не та одежда, в которой следует встречать гостей.

Открыв дверь, Амали повисла на шее у любимого. Это пришел Алекс.

– Ну, что тут у вас происходит? – мужчина сел на подставленный кухаркой стул. – Что за паника в вашем сонном царстве?

– Не такое теперь и сонное, – вздохнула Свон. – Неприятности так и валяются на мою бедную голову.

Алекс, слушая сбивчивый рассказ, хмурился. Единственное, что Свон утаила от друга семьи – историю о найденной записке, где черным по белому указывалось, что тайной любовницей Себастьяна Шовеллер является королева. И это совсем не от недоверия. Свон боялась ненароком втянуть родных ей людей в опасное дело. Кроме того, зачем рассказывать о королевском бастарде, если ты так и не поняла, кто есть тот самый таинственный сын? Может быть, у королевы их не два, а три, и имя третьего скрывают именно потому, что он незаконнорожденный? Могущественный бастард, который действует по указке королевы... Бр-р-р-р! Любой может лишиться головы, если королева только догадается, что ее тайной владеют посторонние люди.

– Это все, что ты хочешь рассказать? – строго спросил Алекс, сведя брови к переносице.

Женщины замерли. Они впервые видели его таким серьезным. Веселый, легкий в общении, рассказывающий бесконечные истории о столичной жизни, страстно влюбленный в Амали, хотя она гораздо старше его, учитель и друг для Свон – таким они знали Алекса, таким он для них был привычным. А теперь за столом сидел чужак с острым взглядом и сжатым в узкую полоску губами.

– Еще меня пригласил на бал принц, – с дрожью в голосе добавила Свон. Но Алекс от ее сообщения отмахнулся.

– Когда уехал Дак? Сразу после скандала? – уточнил он еще раз.

– Да, я заходила в его комнату, постель даже не расправляли.

– Ты была в его комнате? – застонал Алекс. – Зачем?! Тебя кто-нибудь видел?

Пришлось Свон рассказать о худошавом мужчине, следовавшем за ней по пятам до самой прачечной.

– Да-а-а, – протянул Алекс, – столько ошибок, которые могут стоить жизни. Не надо было возвращаться за чепцом, приходите в комнату Дака и интересоваться у конюха об отъезде хозяйского сына в Дохо.

– Что же теперь делать? – встревожилась Берта.

– Вам ничего. Ведите себя, как прежде. А вот Свон нужно уехать. Под любым предлогом.

– Уехать? – в один голос произнесли матушки. – Свон некуда ехать, она сирота. Кроме нас у нее никого нет!

– Есть я. Поедет ко мне. Нужно будет пересидеть, пока гости не разойдутся. Предлог? Что-нибудь придумаем. Да хотя бы вот этот – она же моя ученица? В моем имении есть большая библиотека, поможет разобрать книги, составить каталог.

– В дом к холостому мужчине? – замялась Амали.

– Лучше на кладбище?

– Ой, нет, пусть будет твой дом.

В этот момент опять постучали. Все трое замерли в ожидании, пока Алекс открывал дверь.

– Для леди Свон, – произнес незнакомый мужской голос, и спустя мгновение, в комнату вернулся Алекс с большой коробкой, обтянутой розовым шелком.

Положив посылку на стол, он оглянулся на Свон, но увидел, что не только она, но и Берта с Амали тянут шею, желая узнать, что же такого интересного принес посылочный.

Алекс обреченно вздохнул.

– Я выйду, нужно кое с кем встретиться. Меня не будет пару часов. А вы пока собирайте вещи Свон.

Как только за мужчиной захлопнулась дверь, умирающие от любопытства женщины подскочили к коробке и, развязав бант, подняли крышку. Послышался восторженный визг на три голоса.

– Ох уж эти женщины! – вздохнул задержавшийся у двери Алекс. Покачав головой, он направился в западное крыло замка.

В коробке обнаружили бальное платье и туфельки – все нежно-голубого цвета. В углу нашли маленькую шкатулку с жемчужным комплектом из сережек и изящного кольца. Рядом лежала карточка, где четким почерком было написано: «Ровно в шесть. У.».

Матушки, увидев такую красоту, сразу же забыли о наставлениях Алекса. Выпутив Свон из простыни, облачили воспитанницу в платье.

– Красавица! Ты просто красавица! – ахнула Амали. – Посмотри, оно тебе впору! А туфли? Туфли не жмут? Ну-ка, топни ножкой!

Свон не могла поверить, что на ней такое красивое платье. Топнула ножкой, а потом покружилась, и юбка легко поднялась вверх, красиво струясь волнами. У платья оказался простой крой, но он выгодно подчеркивал ее стройную фигуру.

– Я сбегая к Магде, скажу, чтобы не беспокоилась, наряд у тебя есть. И приведу городскую горничную, она умеет красиво укладывать волосы.

Амали поспешила выйти. В замке сейчас находилось много женщин, нуждающихся в помощи умелой горничной, но для Свон она всегда найдет время, и их с Бертой дочка станет самой красивой. Пусть у девочки будет праздник, она заслужила.

Когда Алекс вернулся, в комнате уже никого не было. На столе лежала пустая коробка и ворох тончайшей оберточной бумаги. Закрыв дверь на щеколду, Алекс приступил к тщательнейшему осмотру. Когда в кармане серого фартука, брошенного Свон на спинку стула, Алекс нашел записку от Дака и прочел ее, то побагровел лицом и выругался.

– Глупая девчонка! О чем она думает?

И выбежал за дверь.

Ровно в шесть Свон выпорхнула из своей комнаты. Несмотря на предупреждение Алекса, она не решилась пропустить бал, который, скорее всего, больше никогда в ее жизни не повторится. И как отказаться, если незадолго до назначенного срока слуга принес конверт с запиской: «Жду у парадного входа. У.»? Она же убедила матушек, что рядом с принцем их девочке ничего не грозит.

Прочитав еще раз записку уже перед самым выходом, Свон приложила руку к груди, где сердце колотилось, как сумасшедшее: ее ждал принц – мечта любой девушки! Тем более, если эта девушка одета под стать принцессе.

Быстрые ножки понесли ее через замковые службы – это был кратчайший путь до парадного входа. Матушки, глядя ей вслед, вытирали слезы умиления. Слуги, успевшие заметить красивый наряд Свон, кричали добрые пожелания и улыбались, словно это у них сегодня был праздник. Не успевшие повидать зрелищный пробег местной принцессы через анфиладу хозяйственных помещений жадно слушали рассказы о том, как она выглядела, и тоже радовались за нее – добрая и отзывчивая Свон никогда не вызывала зависти. Прислуга испытывала гордость за то, что представительница их круга была приглашена на бал. Может быть, и другим когда-нибудь повезет!

– Потанцуй за меня! – кричала ей вслед одна из служанок.

– Откажи какому-нибудь франту! Пусть знает наших! – советовала другая.

– Околдуй принца! – желала третья.

– Будь счастлива, милая!

Пожелания и поддержка придавали Свон уверенности, хотя глубоко спрятанный страх нет-нет и пробуждался, сковывая ледяными пальцами сердце. Как все сложится? Не насмешка ли это всесильных господ?

У парадной лестницы собралась немалая праздничная толпа. Подъезжали кареты, суе-тились слуги, помогая прибывающим гостям выбраться на ковровую дорожку, конец который пропадал в сияющем пространстве за открытыми настежь дверями.

На самой верхней ступеньке стоял Уильям, и, как только показалась Свон, поспешил к ней навстречу. Взяв за ладонь, радостно улыбнулся, получив ответную улыбку и вздох облегчения.

– Милая Свон, как же вы красивы! – принц галантно наклонился и поцеловал руку, что заставило девушку, не привыкшую к такому обращению, зардеться. Гости, вышагивающие по лестнице, оборачивались на столь выдающуюся пару и, не скрываясь, перешептывались. Уильям в белой одежде, так гармонирующей с голубым нарядом его спутницы, и сама спутница с ослепительной улыбкой и блеском счастья в глазах вызывали пересуды. Принцы являлись лакомыми кусочками для незамужних женщин Эрии, и появления соперницы не могло не вызвать интереса.

«Кто она такая?»

«Может быть принцесса из Андаута? Я слышал ее готовят для Уильяма».

«Нет, та брюнетка, и ростом гораздо выше».

«Может наследница из Корпа?»

«Нет, Корпская, говорят, не так хороша собой».

Гостей встречал яркий свет сотен люстр, оркестр гремел, приглашая к танцу, а от калейдоскопа цветных нарядов рябило в глазах.

Свон с замиранием сердца разглядывала все вокруг. От смеси страха, нетерпения и восторга ее пальцы подрагивали в крепкой мужской руке.

Уильям, глядя на свою спутницу, широко улыбался. Не было снисходительных манер богатого человека, во его взгляде светились лишь интерес и удовольствие.

Сразу, как спустились в залу, Уильям и Свон включились в круг танцующих.

Перемена рук, переход от одного партнера к другому, повороты и сложные шаги – все движения Свон были знакомы. Она мысленно поблагодарила Алекса за уроки танцев, хотя, вспомнив о нем, не могла не укорить себя за послушание: возложила на плечи взрослого друга опасную тайну, а сама сбежала на бал. Успокоила себя лишь тем, что в бальной зале ей ничего не угрожает – великодушный принц не даст в обиду. Ведь Уильям постарался, чтобы она выглядела достойно.

И только сейчас Свон задалась вопросом: а зачем ему это было нужно? К чему приглашение на бал простой служанки, пусть и носящей звание воспитанницы графа Шовеллер? Может быть, он хотел утешить незаслуженно обиженную девушку? Если так, то откуда взялось платье, да еще и подходящего размера? Или здесь кроется какой-то другой интерес?

Возникшее волнение быстро улеглось, когда Уильям пригласил ее и на второй танец, и на третий. Он не отходил от своей спутницы ни на минуту, и ее воодушевляла его поддержка. Свон в первый раз находилась в обществе благородных людей, было о чем поволноваться, но уверенные движения принца, который, оказывается, хорошо танцевал, помогли освоиться. Отточенные годами па давались легко. Все приглашенные на бал смотрели на чудесную пару, ставшую украшением праздника. Свон с благодарностью принимала свалившееся на нее внимание красивого мужчины и никак не решалась задать мучивший ее вопрос «Почему я?».

Вскоре грянула торжественная музыка – в зале появились король и королева.

Заняв полагающиеся им места на богато оборудованном возвышении, правящая чета благосклонно приветствовала подходящих к ним для представления дворян. Первыми к королевской чете подвели жениха с невестой. Напыщенный барон Гобблер и Силинда с заплаканными глазами и сильно напудренным лицом склонились перед правителями Эрии подобострастно низко. Следом стали подходить и другие ошарашенные вниманием монархов гости. Уильям, взяв Свон за руку, тоже повел ее к возвышению.

Королева, увидев младшего сына, просияла.

– Уильям, представь свою спутницу, – мягко проворковала она и перевела взгляд на Свон.

– Воспитанница графа Шовеллер... – начал он, и Свон присела в низком реверансе, но когда подняла голову, неприятно поразилась: с лица королевы слетела улыбка.

Елизавета Эрийская напряженно всматривалась в лицо спутницы сына, словно до этого никогда ее не видела.

«Вполне возможно, что так и есть», – попыталась успокоить себя Свон, вспомнив в каком виде появлялась перед королевой до этого: на пыльной дороге, где кувыркнулась в канаву, а и в приемной зале, где из-за высыпанной на голову золы невозможно было разглядеть лица.

Но что еще было удивительно, и что заставило сердце Свон сжаться: взгляд королевы не казался взглядом ревнивой женщины, увидевшей рядом с сыном хорошенькую девушку. Он был тревожным, испуганным, даже злым.

Елизавета Эрийская, была истинной королевой – коротко взглянув на супруга, увлеченного беседой с наследником, она взяла себя в руки и вновь широко улыбнулась Свон. Но теперь ее улыбка не казалась радушной. Королева словно силилась придать лицу приветливое выражение. Нетерпеливым жестом руки, подзвав к себе Аделаиду, королева что-то шепнула ей, и, убедившись, что та поняла, опять вернулась к замершей в ожидании паре.

По спине Свон пробежал холодок, словно внезапно закончилось лето, и лютая зима распахнула двери душевой залы. Но светловолосый принц вел себя спокойно, не замечая ни перемены в лице матери, ни внимательного взгляда Аделаиды, коим она прошла по фигуре его протеже.

Свон опять засомневалась: «Может быть, королеве не понравилось то, что ее сын уделяет внимание простолюдинке? Но она же сама была там, в приемной зале, когда Уильям пригласил меня на бал»

Следующая мысль заставила побледнеть: «А вдруг Ее Величество уже знает, что я стала свидетельницей ее свидания с графом Себастьяном? Тогда следует вернуться к Алексу, и как можно скорее покинуть замок!»

Уильям, поприветствовав отца и старшего брата, вновь повел Свон в круг танцующих, и это немного успокоило ее. Но дальнейшие события показали, что и принцы могут оставить свою спутницу без той защиты, на какую она возлагала надежды.

– Смена партнеров, – певуче произнесла Аделаида и широко улыбнулась. Первую фрейлину королевы сопровождал недавно прибывший с компанией жениха человек в черном. От неожиданности Свон сделала шаг назад и оступилась бы, если бы ее не поддержал Уильям.

Рокировка произошла так стремительно, что Свон не заметила, как оказалась в объятиях некогда испугавшего ее человека.

– Камиль, – произнес он, начиная движение. Мужчина был высок и широк в плечах, под рукавами камзола бугрились сильные руки, что выдавало в нем умелого воина, да и двигался он легко, и танцевать с ним было вроде бы не сложно, но какая-то тревога поселилась в душе Свон, отчего невозможно было ни вздохнуть, ни выдохнуть. Рядом с Уильямом она чувствовала себя в безопасности, а тут...

– Камиль, – еще раз повторил незнакомец.

– Простите, что вы сказали? – откликнулась Свон и, подняв голову, встретила с черными мерцающими глазами.

– Меня зовут Камиль Бахриман, я из рода жрецов и гость со стороны жениха. А вы Свон – воспитанница графа Шовеллер, я уже слышал о вас.

– Жрецов? – переспросила Свон, услышав странное для ее краев слово. – Извините, но этот титул мне не знаком.

– Это не титул. Это каста, относящаяся в Сулейхе к правящей. Я как-нибудь расскажу о жрецах, если вы позволите.

Свон не хотелось давать обещания, но сейчас проще было согласиться. Она кивнула.

Камиль, не стесняясь, рассматривал ее лицо. Свон стало не по себе, и она решилась прервать молчание.

– Меня не всегда называют воспитанницей графа, обычно я просто Свон. И кроме этого «титула» у меня никакого другого нет, – она застенчиво улыбнулась. Ей хотелось, чтобы Камиль понял, что она простая девушка, не имеющая четкого статуса в замке. – Я не знаю, кто я. Воспитанница, служанка или... няня, – Свон вспомнила Дака и свое трудное детство. – По сути, сейчас вы танцуете с никем.

– Неужели я могу поставить себя выше принца Уильяма? Или посмею усомниться в правильности выбора ваших правителей, пригласивших вас на бал? – улыбка озарила смуглое лицо Камиля, и глаза перестали казаться холодными.

Следующее движение медленного танца предполагало скрещение рук ладонями вверх. Когда встретились левые руки Камиля и Свон, ее ладонь прошла острая боль: и если девушка ахнула и отшатнулась, то мужчина озадаченно нахмурился.

Танец определенно был испорчен и, чтобы не мешать остальным, пара вышла из круга. Камиль жестом указал на открытый балкон, где не было лишних глаз, и Свон последовала туда, потряхивая ладонью, пытаясь вернуть ей чувствительность.

– Боже, что случилось? – испуганно спросила она. – Почему было так больно?

– И я не понял, но подозреваю, что это действие магии, – ответил Камиль, потирая свою руку. – Скажите, Свон, какая магическая вещь у вас есть? Древний колдовской оберег? Защитный амулет?

– Никакой. На мне жемчуг, который я надела в первый раз. Может быть, он? – Свон боязливо потрогала кольцо.

– Нет, не жемчуг. Боль появилась, когда мы скрестили руки. Покажите вашу левую руку. Свон послушно ее протянула.

– Ну, конечно! Кольцо! Откуда оно у вас? – Камиль с интересом стал рассматривать тонкую золотую полоску.

– Я всегда догадывалась, что оно особенное, – прошептала Свон, испытывая противоречивые чувства: страх – из-за того, что, оказывается, кольцо может причинить своей хозяйке боль, а радость – из-за того, что наконец приоткроется завеса его тайны. – Кольцо появилось на моем пальце после того, как я чуть не утонула. Видимо, человек, спасший меня, надел его на мой палец. Странное, оно даже растет вместе со мной.

– И спаситель не потребовал столь ценную вещь назад? – увидев отрицательный жест, Камиль задумался. – Странно, все очень странно.

– Пожалуйста, объясните, что происходит?

– Это крайне редкая вещь. Кольцо Жизни. Вы заметили, что с тех пор, как оно оказалось у вас, болезни отступили? И если даже появлялась какая-нибудь ранка, то необычайно быстро заживала? Да? Скажите спасибо своему спасителю. Но весьма странно, что он не забрал кольцо. Такими вещами не разбрасываются, а хранят и передают из поколения в поколение, и добровольно не расстаются.

– Я не могу ответить ни на один из ваших вопросов. Я не знаю, кто меня спас и почему не забрал кольцо.

Немного подумав, Свон предположила:

– А может он просто не смог?

– Не смог? – почему-то заволновался Камиль.

– Да, не смог! Оно же не снимается!

Для доказательства Свон повертела и подергала кольцо.

И поразилась странной реакции нового знакомого: он отшатнулся от нее, словно только что разглядел в ней кого-то другого.

– Оно не снимается?! Так это значит...

– Разрешите пригласить на танец вашу даму?

Свон была так взволнованна последней фразой Камиля, что не заметила подошедшего человека. Представитель рода жрецов, продолжая глядеть на Свон в изумлении, машинально кивнул, но поняв, кто пригласил ее на танец, быстро вернул себе холодное выражение лица.

– Да, Ваше Высочество, – Камиль низко поклонился. Когда он распрямился, его губы что-то быстро прошептали, и только внимательно наблюдающий за иноземцем мог бы заметить посланные в спину уходящей паре странные пассы пальцами.

Яркий свет бальной залы ослепил, ведь на балконе было достаточно темно, и только когда глаза привыкли, Свон, наконец, разглядела своего кавалера. Ей ладонь держал не Уильям, как она того ожидала, а старший принц, наследник. От этого открытия сердце пропустило удар. Эдуард внимательно посмотрел на Свон, и, заметив ее замешательство, подбодрил улыбкой. Но Свон не верилось, что ее – воспитанницу графа Шовеллер, подкидыша, ведет в танце самый значительный человек в Эрии. Прикосновение теплых рук Эдуарда вызывало душевный трепет, прямой взгляд завораживал, полуулыбка притягивала внимание к его губам.

Свон захотелось понравиться Эдуарду, стать самой красивой на балу, показать все умение и грацию в этом волнующем танце, умно поддерживать беседу, показать, что она не безграмотная служанка, а образованная воспитанница семейства Шовеллер.

Но, увы, Свон почему-то не могла разобрать, что ей говорит принц. Ей казалось, что расслышать его слова мешает невозможно громкая музыка, но если даже музыка затихала, все заглушало собственное сердцебиение. С ужасом Свон понимала, что Эдуард ожидает ответа, но она не может произнести ни звука: то в горле пересыхало, то дыхание начинало сбиваться.

Да и столько раз отрепетированный танец вдруг перестал получаться: Свон путала фигуры и не попадала в такт. И, наконец, в полном отчаянии от того, что не владеет собой, умудрилась наступить на ногу партнеру. Эдуард сделал вид, что ничего не случилось, но его тревожный взгляд смутил партнершу еще больше, и она, выполняя разворот, налетела на наследника всем телом. Это было краем неловкости, и ее заметили остальные пары, не спускающие с неизвестной дебютантки, с которой поочередно танцуют принцы, глаз. Свон загорелась румянцем стыда и, быстро извинившись, бросилась вон из залы. Сказочный вечер оказался безнадежно испорченным.

– Что за напасть такая? – шептала Свон, глотая слезы. Она летела по парковой аллее, не осознавая куда бежит, не замечая, что ее ярко освещенная часть осталась далеко позади. – Ну почему у меня ничего не получается? Пустили на бал корову! Как же стыдно! Правильно говорит Берта, наше место на кухне, возле горшков и черпаков! А я, глупая, возомнила себя воздушной и сладко пахнущей!

Озарение пронзило словно молния. «Запах! Тот самый чудесный запах!»

Свон даже задохнулась от догадки, возвращая в памяти момент, когда запнулась и ударилась о грудь Эдуарда. От принца пахло духами цветущих цитрусовых деревьев!

«Нет, не может быть! Неужели он – тот самый незнакомец, что целовал меня у сторожевой башни?», – Свон прижала пальцы к губам.

– Смотри-ка, кто к нам в руки бежит! – глумливый голос резанул слух.

Двое мужчин преградили ей дорогу.

– Нам повезло! Это же подстилка Уильяма и Эдуарда! А то, что можно им, можно и нам! Наших сестер шлюхами посчитали, а сиротка, значит, сгодилась?

Произнеся это, Маларкей толкнул Свон в руки Конарда. Тот засмеялся.

– Попалась! Сейчас мы тебе, дорогуша, покажем, что ничем от принцев не отличаемся. Защитников нашла? Жизнь нам всем испортить решила?

И опять пихнул в руки куражащегося Маларкея.

Близнецы, изрядно пьяные, потерявшие страх, в хмельном угаре вспомнившие давнюю обиду, злобно скалились. От них даже пахло зверями. Дикими, необузданными.

Свон закричала, но один из братьев ударил ее по лицу, и она затихла, уже не веря, что сможет выпутаться. Вдруг в начале той парковой аллеи, на которой разворачивались страшные события, раздались голоса, среди деревьев замелькали огни факелов.

– Черт, Маларкей, мы влипли! – враз протрезвел Канард и зашипел на брата. – Зачем ты ее ударил? Нам этого не простят!

– Что делать? Что делать? – запаниковал второй близнец и крепче прижал к себе пытающуюся вырваться Свон.

– Тащим ее к оврагу, там решим! – предложил Канард, озираясь на бегущих людей. – Прибить бы ее и дело с концом. Мертвые не разговаривают!

Свон, слыша ужасные слова, попыталась позвать на помощь, но Маларкей зажал ей рот и поволок пленницу вглубь парка. Сучья рвали платье, царапали кожу. Свон задыхалась, но ничего не могла изменить.

Когда одуревшие от страха похитители уже выбрались за пределы парка и бежали к стене, окружающей замок, в надежде перебраться через нее, путь им преградила неизвестно откуда появившаяся повозка с тремя мужчинами разбойного вида.

– Стоять! Кто тут у нас? – грозно окликнул один из них, спрыгнул с облучка и подошел к братьям, пристально вглядываясь в их ношу.

Канард, быстро сообразив, что незнакомцы появились в пределах графского замка не просто так, а явно в надежде поживиться за счет прибывших на праздник гостей, крикнул срывающимся голосом:

– Плачу тысячу, и вы забираете эту девчонку с собой!

– Плачу еще одну, – задыхаясь от быстрого бега с тяжелой ношей, поддержал порыв брата Маларкей. – И чтобы она никогда не вернулась!

– Убить, что ли? – уточнил подошедший. Он был самым крупным из всей троицы. Двое других разбойников застыли за его спиной, сжимая в руках острые ножи, поблескивающие в лунном свете.

Братья закивали головами. Появился шанс избежать возмездия принцев и трепки от отца.

– И закопать так, чтобы не нашли!

Глава 5

Расторопные мужики, по знаку главаря, подхватили Свон и бросили на дно повозки, укрыв сверху тряпьем. Разбойник взял деньги, но разглядев одежду братьев и поблескивающие драгоценности, покачал головой:

– Надо бы доплатить. Девка-то не простая. Вон на ней платье какое.

Маларкей возмутился было, что оплачено по уговору, и нечего сверху требовать, но Канард начал снимать с себя кольца:

– Не торгуйся, отдай все, – и уже тише добавил, – своя голова дороже.

Как только братья скрылись в кустах, из-за деревьев появились люди в ливреях, по чьим цветам можно было определить, что они из свиты жениха. Крепкие парни подбежали к повозке и запрыгнули на облучок, сменив сидящих там людей. Лошади рванули с места, без задержки миновали ворота и скрылись за деревьями. Теперь только медленно оседающая пыль могла бы подсказать прозорливому глазу, в какую сторону удалились разбойники, но никто из спящих по парковым аллеям за пределы замка так и не вышел. Факельный свет удалялся совсем в другую сторону.

– Повезло нам. Девчонка оказалась просто золотой! – засмеялся главарь. Он и еще трое сидели по краям крытого возка, в центре которого лежала Свон. Ее связали и заткнули рот кляпом.

– Да, почти ничего делать не пришлось, – поддакнул тот, кто еще недавно был в ливрее, – мы только за ней пошли, а тут эти олухи. Еще и денжат доплатили.

– На дамочке серьги сверкают, надо бы снять. Может, еще какие безделушки есть? – заметил один из мужиков.

– Сам снимай, если хочешь, – лениво откликнулся другой, – мы и так вдвое больше срубили. Хорошую работенку нам подкинула Аде...

– Тихо ты, разболтался. Девка все слышит! – оборвал главарь.

– Ну и что? Ей все равно не жить. Поразвлечемся и в омут головой! – откликнулся тот, кто приметил серьги.

– Только попробуй, я сам тебя в омут с головой. У меня другие планы. Она мне целая нужна. Уши не порви, когда серьги снимать будешь.

– Никак договор нарушишь, не убьешь?

– То, что я с ней сделаю, похуже смерти будет. Считаю мертвая она. Я ее старухе Изре продам.

– О, третий куш! – откликнулся разбойник, управляющий лошадей. – Изра хорошо платит за красивый товар! А сколько она доплачивает, когда привозят девственниц? А девка-то девственница? Может и тут повезло?

– Убедиться хочешь? Тогда и половины денег не возьмем, – предостерег главарь. И добавил: – У Изры свои способы проверки. Нам неведомые.

– А я все-таки поищу, может на ней еще какие безделушки есть? Серьги-то золотые! И смотри как богато украшены жемчугами да алмазами, – сказал разбойник, рассматривая в едва забрезжившем утреннем свете снятые украшения. Потянувшись за ниткой жемчуга и не найдя застежку, просто рванул, порезав шею Свон. Та глухо застонала.

Жемчужины с приятным для слуха стуком рассыпались по дну повозки. Мужики, кряхтя и ругая поделщика за торопливость, принялись собирать дорогие бусины.

Пленница была в панике. Болели связанные за спиной руки, душила тряпка, которую грубо сунули в рот. Если до разговора разбойников Свон думала, что попала в их руки случайно, то теперь поняла – за ней охотились. Так или иначе, но она все равно оказалась бы в

этой повозке. Но кто приговорил ее к смерти? Оброненное слово «Аде» могло быть именем «Аделаида». Неужели из-за того, что Свон танцевала с принцем, его любовница заревновала?

Если бы они просто танцевали! Но Уильям подарил ей дорогой наряд и жемчуг! Может быть у него были какие-то свои планы, а Аделаиде они не нравились, вот и приняла она отчаянные меры?

Как же сейчас Свон жалела, что послушалась Алекса! Соблазн побывать на бале вскружил голову, и она пренебрегла советом друга, забыв о том, что на кону ее жизнь.

Только к вечеру повозка добралась до шумного города. И тут стража на воротах беспрепятственно пропустила разбойников: те показали какое-то письмо. Еще немного тряски по булыжной мостовой, скрип открываемых ворот и шепелявый голос поздоровался с главарем:

– О, Марек! Неужели вспомнил штарую Изру? Может и гоштинец бабушке привез?

– Привез, привез. Там в повозке лежит. Сейчас мои ребята подарочек в дом занесут.

– Не в дом. Шразу в подвал. Шейчаш открою, – загремела ключами старуха. – Вовремя ты подарочек привез! Выручил бабушку!

На улице стояла темень, и только факел в руках одного из мужчин освещал дорогу к каменному дому. Свон закинули на плечо, как мешок с мукой. Она почувствовала, как несколько оставшихся на нитке бусин соскользнули вниз и утонули в пыли.

Свернув за угол, старуха открыла тяжелую дверь. В глубине оказалось темное помещение. Спустившийся туда разбойник грубо бросил Свон на тюфяк, что лежал на полу, и тут же выбрался из мрачного подземелья. Дверь захлопнулась, послышался шум задвигающегося засова.

Пытаясь повернуться на бок, чтобы руки не так сильно болели, Свон застонала. Тут же рядом раздалось шуршание, и чьи-то пальцы ощупали плечи пленницы, спустились к запястьям и принялись за веревку. На слабый вскрик измученной Свон, девичий голос проговорил:

– Тише, тише. Я стараюсь помочь.

В крошечной темноте узлы с трудом поддавались, но незнакомка справилась. Когда Свон села, опираясь на холодную стену, застонала от боли. Соседка все поняла и помогла растереть руки.

– Пить, я так хочу пить, – пожаловалась Свон. Подруга по несчастью, словно кошка, видящая в темноте, метнулась в сторону, и вскоре к губам Свон приложили кувшин.

– Спасибо. Ты кто? – спросила она у отзывчивой девушки.

– Теперь никто, как и ты, – вздохнула та. – Называй меня Фокси. Я здесь уже неделю, слышала, старуха ждет какой-то корабль, куда нас отвезут. А тебя как зовут?

– Свон. А что с нами будет, Фокси? Зачем нам на корабль?

– Отправят в Форш, там торгуют рабами. Если ты симпатичная, попадешь в дом утех. Девушек с торгов не берут в служанки. Какая хозяйка захочет пустить в дом соперницу?

– А если не симпатичная?

– Купит капитан какого-нибудь корабля для своей команды. Ну, считай, тоже для утех.

– Откуда ты все знаешь?

– Изра много болтает, когда спускается сюда. Веди себя хорошо, иначе старуха кормить не станет, а если начнешь упорствовать, отведает плетей. Не смотри, что Изра словно сухая палка, рука у нее сильная. А искалеченная ты только для корабельной команды и сгодишься.

– Фокси, тебе не страшно?

– Уже нет. Посиди неделю в темноте без еды, с горящими от хлыста ранами, тебе тоже станет все равно: жить или не жить.

Немного помолчав, Фокси спросила:

– А ты девственница?

Свон не хотелось обижать пленницу, уже столько пережившую и так добродушно встретившую новую подругу. Какая в том беда, если она скажет правду?

– Да, – тихо ответила Свон. Вспомнив о жарком поцелуе незнакомца, от которого пахло цитрусовыми цветами, смущаясь, добавила. – Меня лишь однажды поцеловали.

– Вот и шлавненько! – раздался в темноте скрипучий голос Изры. – Все, Фокши, можешь быть швободна. Завтра приходи пораньше, отправим Швон на корабль. Он уже в порту.

Тут же откинулся тяжелый полог, за ним оказалась освещенная комната с добротной кроватью. Фокси поставила на стол кувшин с водой и скрылась за узкой дверью, даже не взглянув на Свон.

– Милая, располагайша. Шейчас принешу поесть, – прошамкала Изра.

Старуха была довольна. Красавица, да еще и девственница! Ай, спасибо, Марек! А она так переживала: на завтра назначена встреча с покупателем, а предложить ему было нечего. А за такую девицу отвалят кучу денег – год безбедно проживет старая Изра.

Когда Свон прошла в комнату, увидела в углу таз и ведро воды. Не стала стесняться, стянула лохмотья, оставшиеся от чудесного платья, нижнюю рубашку и стала умываться. Ей хотелось смыть с себя следы от рук разбойников и Фокси, оказавшейся врунней и предательницей.

Расплела когда-то красиво уложенную косу, вытащила белые цветочки, что украшали волосы, и сунула их под подушку. На шее нащупала заживающий рубец. Вот и все, что осталось от великолепного жемчуга! Бал казался цветным сном.

Вошедшая старуха поставила на стол тарелку с похлебкой и сунула Свон грубую ложку.

Вернувшись через полчаса, Изра укоризненно покачала головой и унесла нетронутую еду. Новенькая лежала на кровати, свернувшись калачиком, и тихо плакала.

«Как там матушки?»

Свон словно наяву видела, как женщины рыдают друг у друга на плече.

Смогут ли ее найти? Будут ли искать, ведь матушкам такое не под силу? Но вот если за дело возьмутся принцы... Или Алекс...

«Если корабль задержится в порту, может быть, меня успеют спасти?»

Усталость и горькие слезы сделали свое дело – Свон уснула.

Ранним утром пленницу подняла старуха.

– Вштавай! – приказала она, тронув Свон за плечо, – Вот это наденешь!

На кровать полетела рубаха серого цвета. Штанов к ней, видимо, не полагалось. На столе стояла кринка молока и ломоть хлеба. Хлеб оказался горячим, и его запах будил аппетит. Одевшись и подпоясавшись лентой от платья, Свон собрала все свои заколки, цветочки и ленточки в маленький узелок. Что ее ждет впереди, она не знала, и хотелось иметь хоть что-то из прошлой жизни. Атласные голубые туфели нелепо смотрелись с невзрачной одежкой, и Свон подумала было завернуть и их в тряпицу, но побоявшись, что узелок могут отнять, надела на ноги.

Вскоре послышались громкие шаги. Зарокотал низкий голос, ему шепелявил в ответ старушечий. Наконец, скрипнула дверь, ведущая в подвал, и в комнатке сразу стало тесно. Вошли двое крупных бородатых мужчин и усадились на сидящую за столом девушку. Изра, протолкнувшись между ними, подошла к ней и дернула за руку.

– Вштань, крашавица, не штешняйся! – скомандовала старуха. И уже обращаясь к мужчинам, похвалила: – Хороша, ой, как хороша! Тело белое, волоши белые, глажки голубые, губы шловно вишни...

– Подожди, Изра, не части. В дом, что ли пройдем, не видно здесь ничего.

Старуха больно толкнула костяшками пальцев пленницу в спину, чтобы та пошла за развернувшимися мужчинами. Свон едва успела прихватить свой узелок.

В светлой комнате, освещенной утренним солнцем, было чисто и пахло травами, что сушились на полке вдоль одной из стен. Бородачи стояли у окна и терпеливо ждали, когда к ним приблизится Свон. Старуха ущипнула пленницу, когда та запнулась, боясь подойти к странно одетым мужчинам. Сейчас она рассмотрела, что на них были камзолы, скроенные иначе, чем носили в замке Шовеллер. Длинной ниже колена, вместо воротника свисал капюшон, рукава

перевиты кожаными шнурами, на поясе висели то ли длинные ножи, то ли короткие сабли. Лица, заросшие бородой, алчный блеск глаз, волосы, спадающие на плечи неровными прядями, словно их кромсали в разное время и пьяной рукой. На первый взгляд мужчины между собой отличались только ростом.

– Раздень ее, – приказал тот, что был выше

Старуха потянула за ленту, которой Свон подпоясалась, но девушка вцепилась в узел и взмолилась:

– Не надо! Прошу вас, не надо!

– Изра, я просил готовить девушек к нашему приходу. Опять забыла?

– Штарая, ой, штарая! – причитая и тряся головой, Изра засеменила к кряжистому шкафу, занимавшему чуть ли не полкомнаты. Скрипнув дверкой, отыскала среди множества склянок бутылку из темного стекла, вытащила зубами пробку и плеснула в кружку ароматной жидкости – всего-то на пару глотков.

– На, крашавица, выпей!

Свон отшатнулась, но тут же второй мужчина ухватил за волосы и запрокинул ей голову так, что пленнице пришлось выпить густую жидкость. Она горячей лавой обволокла рот и горло, но жжение быстро прекратилось, стоило сделать глубокий вдох. Через мгновение закружилась голова, все вокруг окрасилось яркими красками, исчезли страхи, бабушка стала казаться милой, а мужчины привлекательными. Свон засмеялась.

– Сними рубаху, – услышала она нежный голос великана. Свон, прислушиваясь к чудесному переливу звуков, сняла бы с себя не только рубаху, но вспомнив, что ничего другого и нет, с готовностью сдернула поясок. Торопливо, через голову стащила одежду: зачем возиться с пуговицами? Свон до дрожи в коленках хотелось покрасоваться перед мужчинами, ведь она всегда знала, что хороша собой. Чего скрывать?

– Подойди ближе к окну.

Ах, какой оказался чарующий голос и у второго бородача.

«Конечно, с радостью! Смотрите, вот я какая!»

Великан подошел ближе, прикоснулся к девичьей груди, попробовал в ладони ее тяжесть, повернул Свон спиной к себе, провел по позвоночнику пальцами, изучая плавность перехода к округлостям зада. Свон нравились эти неторопливые движения, ей хотелось ластиться к мужчине, словно она кошка. И как же она была разочарована словами нежного хозяина!

– Все, одевайся.

Последняя фраза совпала с окончанием действия зелья, и очнувшись Свон ощутила жгучий стыд. Трясущимися руками она пыталась надеть на себя рубаху, но никак не могла попасть в рукава. Слезы, хлынувшие из глаз, размыли лица людей. Одевшись, наконец, Свон нашла свой узелок, прижала его к груди и горько заплакала.

Но ни бородачи, ни старуха больше не обращали на нее внимания. Они торговались и переругивались. Продавщица была недовольна деньгами, которые ей предлагали за девушку. Как козырную карту выложила, что девчонка девственница. Покупатели по достоинству оценили припрятанный в рукаве козырь. Раздался звон монет, довольный смешок Изры. Схватив мешочек с деньгами, она засеменила в соседнюю комнату.

– А где вторая? – крикнул вслед тот бородач, что был небольшого роста.

– Вторая? – старуха остановилась и обернулась. Глазки забежали на ее бесцветном лице. – Какая вторая?

– Старуха! Ты нам обещала двух женщин! Мы и место приготовили для двух. Верни часть денег, раз из-за твоего неверного слова мы понесем убытки.

В этот момент открылась дверь, и в комнату зашла улыбающаяся Фокси. Изра мгновенно отреагировала.

– Вот вторая! Берите ее.

Мужчины развернулись к черноволосой девице. Свон в утреннем свете рассмотрела, что Фокси была полной ее противоположностью: небольшого роста, смуглая, с крупной грудью, широкими бедрами. Живые темные глаза, опущенные черными, как смоль, ресницами, смотрели то на одно лицо, то на другое. Вошедшая девушка не сразу разобралась из-за чего вызвала столь пристальный интерес.

– Это же Фокси! – разочарованно протянул великан.

– Что, не нравитша? – усмехнулась старуха. – А сам в прошлый раж не побережговал обжимать ее жа углом.

– Ты, старуха, различай. Одно дело тискать девку, другое – везти шалаву за тридевять земель.

– Не нравитша, не бери! Другой нет! – отрезала Изра.

Улыбка медленно сошла с лица смуглянки. Она только сейчас поняла, что старуха ее продает. Попятилась к двери, но сзади Фокси уже стоял тот, что был поменьше ростом. Он ловко схватил ее за волосы. Старуха, бросив деньги на скамью, ухватила бутылку и прытко подбежала к пытающейся вырваться компаньонке. Но силы были не равны. Скрученная по рукам, с запрокинутой головой, Фокси сделала один глоток, второй, третий. Но старуха не убирала бутылку, пока бывшая подельница не закашлялась, и зеленая жидкость не полилась через нос.

Бородач отпустил добычу, и она кулем упала у его ног. Глаза у Фокси стали безжизненными, она не замечала, что опьяняющая жидкость, капая изо рта, оставляет на светлой блузке безобразные пятна. Вскоре одурманенная зельем девушка не смогла даже сидеть и растянулась на полу в какой-то полудреме.

– Сколько ты за нее хочешь? – спросил великан. – Много не дам, Фокси не свежий товар. – И протянул старухе два серебряные монеты. Та заскулила, зашамкала, что девка отличная, расторопная, поэтому надо бы за нее дать золотой. Крепыш кинул еще один сребреник, и на этом торг закончился.

Безучастную ко всему Фокси великан поднял на руки и обернулся к застывшей Свон.

– Сама пойдешь или тоже зелья налить?

Не дожидаясь ответа, шагнул за дверь. Под надзором крепыша, которого старуха окликнула, как Пинг-Мо, Свон вышла во двор. У самого крыльца стояла добротная карета, в которую уже уложили Фокси. Свон заняла противоположную скамью. Рядом сел здоровяк и зашторил оба окошка.

Громкое «Но!», и карета покатила по ухабистой дороге, отчего пассажиров бросало из стороны в сторону. Мужчина, погруженный в свои мысли, не обращал никакого внимания ни на уснувшую Фокси, ни на плачущую Свон.

Но долгая дорога осушила слезы и заставила задуматься: что ее ждет впереди? Мысли о побеге оказались безумными: стоило Свон дотронуться до ручки двери, как она услышала спокойный голос великана, сидящего с закрытыми глазами и в расслабленной позе: «Хочешь, чтобы тебя связали?»

Его подельник, Пинг-Мо, также воспользовавшийся возможностью вздремнуть, криво улыбнулся.

К пристани подкатили во второй половине дня. Свон услышала шум моря и людской гомон, разбавленный криками чаек. Остро пахло рыбой и гниющими водорослями.

Когда карета остановилась, здоровяк достал из-под скамьи черные покрывала. Одно кинул Свон, в другое завернул спящую Фокси.

– Надень на голову. Там есть прорези для глаз, – буркнул и подхватил смуглянку на руки. Дверь открыл Пинг-Мо, сначала пропустил подельника, потом подал руку Свон.

Через прорезь она увидела, что карета остановилась в самом конце пристани. Здоровяк направился к лодке, в которой уже сидели двое. Они помогли ему с ношей. Сбив Фокси с рук, он подхватил Свон и тоже передал ее своим людям. Легко запрыгнув в лодку, великан отсалютовал крепышу, который, оттолкнув посудину от пирса, поспешил к карете.

Свон проводила глазами последнюю ниточку, связывающую ее с землей.

В карете под скамейкой остался один из ее цветочков, а в доме Изры, где кроме упавших в пыль жемчужин, за кроватью «нечаянно оброненная» осталась лежать шпилька с беленькой розочкой.

Свон видела, что в крытой повозке, в которой ее привезли к Изре, одна из рассыпавшихся жемчужин закатилась в угол – это и натолкнуло на мысль оставлять следы своего присутствия везде, где только возможно. Быть может, ее уловка укажет путь тем, кто ее будет искать? Вернее – если ее станут искать. В душе жила надежда, что Алекс ее не оставит.

Глава 6

Лодка подплыла к огромному кораблю, чей грозный вид поразил Свон. Носовая фигура парусника была выполнена в виде морды вепря с двумя парами клыков, устрашающе торчащими на несколько метров по обе стороны. Название судна подчеркивало образ дикого зверя. «Свирепый» встретил равнодушием, что свидетельствовало о том, что груз в виде пленниц являлся для команды обычным. Корабль готовился поднять паруса и ждал лишь прибытия здоровяка. Только сейчас прозвучало его имя. Зорг Иолай оказался капитаном «Свирепого».

Забравшись с помощью одного из матросов по сброшенной веревочной лестнице, Свон очутилась на палубе. Она впервые в жизни была в море, поэтому и сам корабль, и его неустойчивость пугали. Трудно привыкнуть, когда поверхность, на которой стоишь, все время находится в движении: то крен влево, то крен вправо, а то и нырок носом вперед, хотя волны отсюда, сверху, казались не такими уж большими.

Свон провели в небольшое помещение с двумя кроватями, на одну из них вскоре положили Фокси.

Кинув пленнице: «Располагайся, путь длинный», – Зорг прикрыл за собой дверь.

Незнакомые звуки, скрип, шорох, шум волн и ветра тревожили не на шутку.

Еще неизвестно, как себя поведет Фокси, когда проснется. Со смуглянки так и не сняли черную ткань, и она лежала на кровати бесформенной кучей.

Через некоторое время в каюту заглянул юнга. Молча поставив на стол поднос с едой, он тут же удалился, хотя Свон пыталась с ним заговорить.

В деревянных чашках исходило паром густое варево из бобов, рядом на подносе лежала пара кусков хлеба. Заглянув в кувшин, Свон убедилась, что там простая вода. От волнения есть не хотелось, но Свон заставила себя попробовать похлебку. Она оказалась вкусной, а хлеб свежим.

Бесконечный страх за свою жизнь, долгая дорога в карете и морская качка сделали свое дело – пленница, устав смотреть в сгущающиеся сумерки, ставшими темнее по воле ветра, нагнавшего туч, и с тревогой прислушиваться к шуму моря, уснула.

Пробуждение оказалось внезапным и необычным. Она задыхалась. Кто-то в темноте навалился на нее и душил подушкой. Изловчившись, Свон опрокинула неудачливого убийцу на пол. Усевшись на него верхом, она с благодарностью вспомнила Алекса и его уроки самообороны, которые не прошли даром.

Только по голосу Свон догадалась, что под ней в истерике бьется Фокси.

– Отпусти, тварь! – шипела та. – Все равно убью! Все из-за тебя!

Свон поразила ее ненависть.

– Разве я пришла в твой дом? Я работала на Изру? – спросила она, низко склонившись над девушкой. Локоть Свон не позволял той поднять голову, но мерзавка не слушала, твердила, как механическая кукла:

– Все из-за тебя! Все из-за тебя!

За спиной открылась дверь и в помещении стало светло. Вошедший поставил фонарь на пол и кинулся в сторону дерущихся женщин. Сильные руки оторвали Свон от извивающейся под ней Фокси.

– Черт вас подери! – над ухом прижатой к крепкому телу девушки раздался густой бас капитана. – Хотите отведать плетей? Я не потерплю кошачьих схваток на моем корабле!

– Она хотела меня убить! – выпалила Фокси, приподнимаясь с пола. Свон задохнулась от такой наглости.

Но Зорг оказался умным человеком. Фокси видела, как он оценивающе осмотрел обе кровати и по их виду догадался, кто стал зачинщиком драки – постель Свон была вся разво-

рошена: матрас съехал на бок, простыни сбились в кучу, но подушка оказалась на месте, в то время как подушка ее спутницы валялась на полу.

– Я не болван, – спокойно сказал он, отпуская Свон. – И предупреждаю тебя, Дикарка, еще раз полезешь к Беляночке – пойдешь ублажать команду.

Даже в полутьме было заметно, как лицо Фокси покрылось красными пятнами, но свой острый язычок она попридержала.

– Куда нас везут? – Свон решила на вопрос, поскольку неизвестность терзала сильнее, чем враждебное отношение Фокси. – Слышала, что в какой-то порт Форш. Что ждет нас там?

– В Форше самый большой рабовладельческий рынок из всех, что находятся на южном континенте. И тебя, милая, – Зорг поддел пальцем подбородок Свон, на мгновение остановив взгляд на ее губах, – ждет тот господин, который вывалит куш покрупнее. И я надеюсь выручить сказочную сумму.

– А если не выставлять на торги? – надежда не оставляла Свон. – Может лучше обратиться к моим родным, и они соберут нужную сумму?

– К чему пустые разговоры? Я знаю, ты круглая сирота, да еще и негодная верхушке королевства Эрия. Ты, наверное, уже поняла, как близко находилась к смерти? Скажи спасибо, Беляночка, я спас твою милую задницу. И возвращаться назад никак нельзя – в Эрии тебя поджидает костлявая старуха. И я совсем не об Изре, дорогая, – капитан громко хмыкнул, находя смешным сравнение. – Я о той, что не расстается с косой. А впереди маячит счастливая судьба, которая зависит только от тебя: проявишь чуточку сообразительности, будешь купаться в неге, нет – не пройдет и полгода, как твои кости будут лизать пески. Человек, купивший рабыню за баснословную сумму, не станет специально портить дорогую вещь. Запомни, Беляночка, ласковая и нежная женщина ценится куда больше, чем дикая кошка. Хотя и на диких находятся любители. Им нравится их укрощать через боль. Что? Не хочешь отведать плетей?

Заметив полный ненависти взгляд Фокси, направленный на Свон, Иолай решил и той объяснить, что ее ждет впереди:

– А ты, Фокси, будь хитрей. Не срывай злость на невиновных. Предупреждаю, если испортишь товар, быть тебе игрушкой у команды. Не думаю, что до берега живой доберешься. Парни у меня злые. Уяснила? А потому веди себя тихо.

Фокси все поняла. Ее не обманул спокойный голос Зорга. Девушка быстро смекнула, чьего расположения нужно добиваться, чтобы путешествие стало приятным. Поэтому она упала капитану в ноги и обняла его за колени.

– Мой господин! Разве ты не помнишь, как сладко тело Фокси? Как горячи ее поцелуи? Неужели не хочешь еще раз почувствовать, какой тигрицей я становлюсь в постели?

– В постели? – с ухмылкой ответил капитан. – Разве мы были с тобой в постели? Вспомни, я получил свое, прижимая тебя к грязной стене дома Изры. Да, ты старалась, но я же заплатил? И не я один. Да и купил я тебя у старухи недорого. Такие деньги не жалко потерять. Помни об этом, Дикарка.

Небрежно отпихнув Фокси, «господин» развернулся к двери.

– Подождите! – окликнула его Свон. – Разрешите мне заняться чем-нибудь. Я не привыкла сидеть без дела и зачахну от скуки. Тогда вы не выручите за меня и половины суммы.

Иолай удивленно посмотрел на Свон. Впервые ему попалась та, что желает работать. Обычно пленницы льют слезы и предаются безделью.

– И что ты умеешь?

– Отправьте меня к повару. Мои матушки работали на кухне, и я много чего понимаю в поварском искусстве, – с надеждой в голосе проговорила Свон.

– Искусство? У нас на корабле? – кривая усмешка скользнула по лицу капитана, который уже держал фонарь в руке. Оглядев фигуру Свон, качнул головой: – А почему бы и нет? Можно

и к коку. Он тоже большой любитель сочетать несочетаемое и вечно жалуется на нехватку рук. Ступай за мной.

И они покинули каюту, где в полной темноте осталась сидеть на полу раздосадованная Фокси.

Кухня или камбуз, как ее назвал капитан, была небольшим помещением, жарким и донельзя загроможденным хозяйственной утварью и продуктами в мешках, ящиках и бочках. В центре стояла жаровня, над которой на крюке висел большой котел.

Огромный черный человек, не уступающий в росте капитану, а в объеме и вовсе превосходящий его, орудовал черпаком с длинной ручкой.

Свон никогда не видела такую темную кожу, поэтому содрогнулась, приняв мужчину за демона. Отсветы пляшущего в его глазах пламени, игра света и теней на посуде и стенах камбуза создавали картину, соответствующую представлению об Аде. Запахи, вопреки ожиданиям Свон, привыкшей к кухне мамочек, были до того отвратительны, что пришлось зажать нос.

Наблюдающий за невольницей капитан улыбнулся.

– Что, Беляночка, не расхотелось стоять у котла? Ты же не думала, что камбуз пахнет розами? Здесь воняет солониной и квашеной капустой. Ты ведь не хочешь к концу путешествия остаться без зубов из-за цинги? – и громко рассмеялся, видя растерянность Свон.

Кок тоже заулыбался. Для него посещение гости было своего рода развлечением. Да, он знал, чем занимается капитан, и какой груз везет корабль, но ни одна из пленниц никогда не покидала свою каюту.

Свон быстро собралась с мыслями. Что она теряет, если откажется от кухни? Целый день находиться в компании безумной от злости Фокси? Лучше уж стоять рядом с дьяволом! Здесь она хотя бы сможет разузнать то, что поможет выжить. Свон сильно надеялась, что судно причалит к берегу для пополнения запасов воды, и тогда у нее появится возможность побега. А в каюте она денно и ночью будет сидеть под замком.

Свон всегда жила в окружении людей и не могла без общения. А каюта являлась клеткой. Клеткой с ядовитой змеей.

– Я останусь! – твердо заявила Свон.

Усмешка с лица Зорга Июлая слетела, а улыбка кока стала еще шире.

«Смеющийся дьявол не так уж и страшен», – поняла Свон, взглянув на черного великана.

– Тогда знакомься! Это Роки Блэк, – сказал капитан и, шагнув к коку, вытирающему руку о засаленный фартук, пристально глянул ему в глаза. – Роки, головой за нее отвечаешь. Следи, чтобы ребята девицу не задирали. Передай: рыб кормить отправлю, если с ней что-нибудь случится. Слово капитана.

Так Свон вновь оказалась на кухне, где в роли родных наставниц отныне выступал человек с кожей темнее ночи.

Они поладили. Роки не позволял ей выполнять тяжелую работу и с радостью принял роль насадки, потому как отличался добродушием и мягкостью. Эти положительные качества черного великана послужили поводом для насмешек команды. Матросы тут же окрестили кока «мамочкой Рокси».

Очень скоро Свон поняла, что сделала правильный выбор. На кухне происходили невероятно интересные вещи. Помимо того, что вся команда приходила сюда посплетничать, Свон обнаружила, что на корабельной кухне вершилась бытовая магия, чего никогда не происходило в замке Шовеллер. Роки не находил в этом ничего странного. Он пользовался магическими предметами так, будто чары были обычным делом.

Первое, что поразило Свон, это был сундук, в котором хранилось мясо и прочие скоропортящиеся продукты, предназначенные для стола капитана. Внутри ящика лежали куски льда, которые совсем не таяли, хотя на кухне было жарко.

– Это магические ледяные кристаллы. Невероятно дорогие и редкие. Не всякий богат позволит себе такой ящик. Иолай не поспешил, ведь его гости не должны питаться солониной, иначе потеряют свою красоту. Еще у меня есть «горючие слезы». Это огненные камни. Положишь такой в очаг, и он будет сутки сам по себе гореть. Поддерживать огонь не нужно. Но такие камни наперечет. Мы используем их для крайней нужды. Поставщики ледяных кристаллов и горючих слез тщательно охраняют тайну, где их добывают, поэтому и цена на такие нужные в хозяйстве вещи немаленькая.

Необычные предметы заинтересовали Свон, но больше ее взволновало упоминание о невольницах. Словно отгораживаясь от неблагоприятного промысла капитана, кок всех похищенных женщин называл гостями.

– Много девушек прошло через ваш корабль?

– Раз в два месяца перевозим по две-три гости. Чаще не получается.

– Ты был когда-нибудь на невольничьем рынке?

– Нет, не был. Я во время стоянки занят заготовкой припасов в обратную дорогу. Мы долго на берегу не болтаемся. Иолай подгадывает, чтобы сбыть гостей с рук за день-два и тут же на вырученные деньги покупает почтовых драконов. Пустые не ходим, – с гордостью подчеркнул Роки.

– Почтовых драконов? – удивилась Свон. – Я знала только о голубиной почте.

– Голуби для морских перелетов не годятся. Только драконы. Не видела никогда, что ли? Так я покажу. У нас на корабле есть. Вечером кормить пойдем.

– Да где же можно держать дракона? Корабль большой, но и драконы немаленькие. Я о них читала и на картинках видела, какие они огромные. Возят на спине лодьи с людьми.

– Так ты, наверное, о бойцовых драконах говоришь? Те гигантские. А почтовый чуть больше голубя. В клетке специальной сидит. Только ест да пьет, силы для перелета копит.

– А зачем нашему капитану почтовый дракон? С кем он переписывается?

– Так в нашем деле без знания обстановки в нужных странах не обойтись. Думаешь, законное это дело женщин в таком королевстве, как Эрия, похищать? Вот приплывет корабль за ними, а там вместо приятной компании нас будет ждать вооруженный королевский отряд. И что в итоге? Нас – в кандалы, корабль продадут, а денежки – в государственную казну. Нет, Зорг Иолай рисковать не станет!

Вечером они вдвоем пошли в каюту капитана. Там на крюке над столом висела внушительных размеров клетка. Сначала Свон думала, что она пуста. Но стоило Роки заговорить, как клетка затряслась, и появилась змеиная головка. Потом резко расправились перепончатые крылья. И вот перед девушкой поднялся дракончик во всей красе. Черная чешуйчатая кожа отливала синевой, желтого цвета глаза с вертикальными зрачками с интересом рассматривали гостью. Вид у дракончика оказался вовсе не злобный, хотя на рисунках в книге драконы изображались ужасными монстрами. Особое умиление вызвала его неуклюжая походка. Дракончик зашагал к дверце клетки вперевалку, словно утка. Роки протянул ему небольшой кусок мяса, и малыш мгновенно проглотил его, высоко задрав плоскую голову. Пока кок лез в миску за следующей порцией еды, зверь подпрыгивал от нетерпения и смешно стрекотал.

– У Иолая их два, – пояснил Блэк. – Дней через десять должен прилететь Кырк. Так зовут второго дракончика. Он похож на Дырка, но глазки у него красные. Кырк должен принести вести от оставшегося на берегу торговца: все ли спокойно после нашего отплытия. Ты видела Пинга-Мо, это ему принадлежит карета, на которой вас привезли.

– Почему ты так свободно обо всем рассказываешь? Не боишься, что капитану не понравится твоя словоохотливость?

Роки сначала даже не понял ее вопроса.

– А чего мне бояться? Кому ты сможешь рассказать наши тайны? Новому хозяину? Так капитан другого судна или кто другой тебя не купят. Денег не хватит. А богатому человеку

такие мелочи не интересны. Пользы нет, одна головная боль. Да и не вернешься ты назад. Никто из рабынь не возвращался. Ни живыми, ни мертвыми. Чего ты расстроилась? Ты красивая девушка и тебя быстро купят. Будут беречь и лелеять. Лучше прежнего заживешь.

Засыпая, Свон думала о словах Роки. Выходит, нет ей спасения. Как только корабль придет в порт, самое большое, через два дня ее продадут и увезут так далеко, что у Алекса не хватит ни денег, ни возможностей следовать за ней. Да и кто она для Алекса? Может, и матушки уже смирились с ее пропажей? Конечно, они будут вспоминать свою девочку, лить слезы, но ведь ничем помочь не смогут.

От этих мыслей стало настолько грустно и тоскливо, что Свон заплакала. На соседней кровати зашевелилась Фокси.

– Заткнись, – буркнула она. – Дай людям поспать.

«Интересно, – подумала Свон, – чем занимается целый день Фокси? Впрочем, какая разница? Чего бы не делала – главное, что больше не пытается убить».

С этой мыслью Свон и уснула.

Дни тянулись за днями. На корабле ничего необычного не происходило. Свон помогала на кухне, и растущая дружба с Блэком скрашивала ее пребывание в неволе. Любивший поговорить кок, ловко орудуя ножом или черпаком, с упоением пересказывал благодарному слушателю морские байки. Иногда делился впечатлениями о пребывании в том или ином порту, о нравах и обычаях жителей разных стран, встречаемых им в основном на рынках. Сам тоже с интересом слушал о прежней жизни Беляночки. В его глазах все чаще мелькало сочувствие и отеческая нежность. Зорга Свон видела редко, еду ему относил сам кок, всячески ограждая помощницу от встречи с грозным капитаном.

В один из дней Роки попросил Свон покормить драконов. Накануне вернулся красноглазый. Он сильно измотался в пути, поэтому мясо приходилось давать чаще. Кок не мог отлучиться, колдуя над котлом, а Свон было интересно глянуть на нового дракончика. Ходить одна по кораблю она уже не боялась, матросы помнили угрозы Зорга и даже не смотрели в ее сторону.

Порезав размороженное мясо на кусочки, Свон отправилась в каюту Июлая, но заметив, что дверь приоткрыта, остановилась. В помещении кто-то находился. Прислушавшись, девушка различила, что беседуют двое: бас принадлежал Зоргу, а второй голос – помощнику капитана Скиру-Кво, неприятному типу с лысым черепом и одним ухом. Роки как-то обмолвился, что второе ухо ему откусил боевой дракон во время восстания рабов в Форше. Свон помнила плотоядный взгляд, которым помощник провожал ее всякий раз, стоило им встретиться на камбузе. Его скрипучий голос нельзя было перепутать ни с каким другим.

– И что теперь делать? Возвращаться в Эрию никак нельзя, – тревога проскользнула в голосе Скира-Кво.

Название родины заставило Свон напрячь слух. Чтобы ее не заметили раньше времени, она сделала шаг в сторону и замерла.

– На этом корабле нет. Сначала отправлюсь на другом, как пассажир. Нужно будет в Эрии осмотреться, заново подобрать рискованных людей. Без продажи рабынь нам не прожить. Почтовые драконы не приносят такую выгоду, как женщины. Черт! – капитан принялся ходить по каюте. – Теперь придется искать, через кого сбывать драконов. Да, в Эрию на «Свирепом» однозначно соваться нельзя. Я знаю королевских дознавателей. Прежде чем Изру и ее племянника Марека со товарищами повесили, из них наверняка все сведения вышибли. Не удивлюсь, если принцу теперь известны имена каждого матроса «Свирепого».

– Торговец просто так пугаться не станет. Чтобы крепкий дом Изры до пепла сжечь, нужно здорово рассердиться! Если Пинг-Мо пишет, что бежит из королевства, значит, ему уже в затылок дышат. Чертова старуха! Кого она нам подсунула? Точно говорю, что в этой белобры-

сой девке дело. У кого еще могли быть такие украшения? У Фокси? Нет! А ведь именно найденные жемчужины стали доказательством вины. Последнее ухо отдам – в Свон дело! Может, ее в море утопить, пока не поздно?

– Я тебе утоплю! За нее мы Форше возьмем солидные деньги. Драконов покупать в этот раз ни к чему. Золото пригодится, чтобы корабль переделать до неузнаваемости. Башку вепря уберем, название другое дадим или даже новый корабль купим. Может быть так дешевле обойдется. Если в Эрию опять соваться, команду придется полностью сменить. Внешность свою подправим. Я бороду сбрею.

– Лучше избавиться от проклятой девки. Нет пленницы, нет проблем. Не видели, не знаем.

Послышался жалобный писк дракончика.

– Где этот Роки Блэк болтается? – недовольный голос капитана прозвучал у самой двери. – Давно должен был принести мясо для Дырка.

Дальше Свон слушать не стала, опасаясь, что ее присутствие обнаружат. Она вернулась на кухню, намеренно хромя и заранее сгорая от стыда – она собиралась соврать коку. Но как иначе объяснить, почему Дырк остался голодным?

– Роки, я упала и подвернула лодыжку. Не смогла дойти до каюты, – жалобным голосом объяснила девушка, протягивая коку миску с мясом. – Может ты кого другого пошлешь?

– Эх, милая, как же так? – всплеснул руками Роки. – Сильно болит? – увидев, что Свон мотает головой, успокоился. – Потерпи немного, я принесу ткань, чтобы стянуть ногу. А пока последи за огнем и не дай ему разгореться. Вот тебе скамеечка. Садись. Я сам покормлю Кырка и Дырка.

Как только Роки скрылся, Свон принялась бегать из угла в угол камбуза. То, что она узнала, сильно ее взволновало. Просто невозможно было усидеть на месте. Лихорадочные мысли кружили голову.

По ее следам идет принц!

Старуху и разбойников казнили!

Торговец людьми Пинг-Мо бежал из страны, но успел предупредить сообщников!

«А вдруг принц, разузнав о похищении женщин, уже организовал погоню за «Свирепым»? Вот было бы хорошо. В таком случае моя главная задача – выжить и дожидаться спасения».

Но следующие мысли охладили пыл. Спасение ли это? Какие интересы преследует принц? Может ее хотят убрать как ненужного свидетеля?

«Не стоит обольщаться, – решила Свон, – нужно быть готовой ко всему».

Мнимая больная едва не выдала себя, в последний момент услышав шаги Роки. Она бухнулась на скамеечку и только сейчас обнаружила, что огонь погас. Она стала усиленно дуть, пытаясь оживить угли.

Кок, заметив, как от натуги покраснелась его помощница, поднял ее вместе со скамеечкой и переставил ближе к двери. Поколдовав над очагом, результатом чего стало заигравшее под котлом пламя, обернулся к чувствующей себя виноватой Свон.

– Иди к себе в комнату и перевяжи ногу, – Блэк вытащил из кармана штанов кусок ткани. – Отдохни сегодня и постарайся никуда не выходить. Что-то произошло, Иолай в ярости. Ты случайно ничего не натворила?

Свон, чтобы не выдать себя дрожащим голосом, лишь покачала головой и, прихрамывая, отправилась к себе. Возле двери в каюту ей пришлось остановиться. Здесь ее тоже ждал сюрприз.

Глава 7

«Почему никто не закрывает двери? – первое, о чем подумала Свон, останавливаясь у каюты, откуда через приоткрытую щель доносилась какая-то возня. – И где горе-охранник, который должен сейчас подпирать стену?»

Сменная охрана – дополнительная забота капитана, желающего сберечь ценный груз. Свон радовалась такая предусмотрительность Зорга, – теперь можно было не бояться приступов ненависти Фокси и спать спокойно.

Свон заглянула в комнату. На кровати лежала обнаженная Фокси, а сверху на ней сидел Скир-Кво.

От неожиданности Свон вскрикнула и закрыла лицо руками. Голый череп и голый же зад помощника капитана выглядели одинаково мерзко. Тихое ругательство мужчины и глумливый смех Дикарки привели в чувство, и Свон попятилась назад, намереваясь бежать в камбуз, но рука подскочившего Скира-Кво втянула ее за ворот назад, а хлопок пятерней по двери и последующий грохот, с каким та закрылась, возвестили, что путь на волю отрезан. Перед Свон стоял голый мужчина, чей возбужденный вид вызывал тошноту и желание как можно скорее выбраться из западни. Или хотя бы закрыть глаза.

– Что-то ты сегодня рано, – зло проговорил Скир-Кво. – Ай, как нехорошо получилось! Нашей маленькой тайной завладела недотрога. И что же нам с тобой делать?

– А давай попортим ей личико. Тогда она никому станет не нужна. Ну, разве что твоим матросам, – захихикала Фокси, оказавшаяся за спиной Свон.

– Я буду кричать! – Свон все же открыла глаза. – Каюта капитана рядом, он услышит!

– Нужна ли ты капитану? – прошептал Скир-Кво, хватая потной ручищей Свон за подбородок. – Говорят, ты приносишь одни несчастья. Зорг не может решиться выкинуть тебя за борт, но мы ему поможем. Правда, Фокси?

Дикарка не успела ответить. Прикосновения к лицу лапищами помощника капитана были до того омерзительны, что Свон, желая освободиться, резко откинула голову назад и ударилась затылком о что-то твердое. Тут же Фокси закричала от боли.

– Она сломала мне нос! – согнувшись пополам, Фокси побежала к кровати, где уткнулась в сдернутую с постели простыню.

Но Скир-Кво не слышал причитаний любовницы. Он был занят. Получив крепкий удар коленом между ног, лежал, воя, на полу. Свон же, желая воспользоваться открытой лазейкой, резко распахнула дверь.словно на беду помощник капитана в этот момент встал на четвереньки, понимая, что нельзя отпускать на волю девицу, где все узнают о запретной связи с рабыней. Лысый череп оказалась как раз на пути движения двери, и ее удар окончательно вывел Скира-Кво из драки.

Обезумевшая от ненависти и боли Фокси с криком прыгнула на спину Свон и вцепилась ей в волосы. Не удержавшись на ногах, Свон опрокинулась назад, придавив Дикарку, и как не вертелась, никак не могла избавиться от вцепившейся в нее фурии. У голой Фокси было ощутимое преимущество: ей не мешало длинное платье.

Непримиримые противницы дрались и катались по полу, как дикие кошки. Изловчившись, Свон откинула Фокси, вскочила на ноги и бросилась к двери. Ей почти удалось выбраться из каюты, но вдруг нестерпимая боль обожгла плечо. Напоенный ненавистью Дикарки кинжал, выгашенный из ножен Скира-Кво, принимал дань кровью, полосуюя спину от шеи до самого копчика.

Уже теряя сознание, Свон увидела, как дверь в каюту распахнулась, еще раз ударив по голове лежащего неподвижно помощника капитана. Противно хрустнули шейные позвонки, и Скир-Кво покинул не только поле боя, но и бранный мир.

В проеме двери стоял Зорг Иолай. Его лицо искажалось от гнева. Сделав еще шаг вперед, капитан едва успел поймать падающую Свон. За спиной Иолая закричал кок. Он не мог поверить, что кто-то поднял руку на его Беляночку.

– Жива, – выдохнул капитан, увидев, что жилка на шее пленницы бьется. Его руки и камзол тут же густо окрасились кровью.

Блэк, шумно дыша и страшно вращая глазами, стал наступать на Фокси. Та тонко завизжала и поползла от него прочь, держа окровавленный кинжал в руках. От страха она забилась под кровать. Это спасло ее от быстрой расправы: невооруженный кок мог бы свернуть ей шею, словно цыпленку. Но он не стал доставать мерзавку. Еще успеет. Сейчас нужна помощь его девочке. Стукнув по кровати кулаком и грязно выругавшись, Роки выбежал из каюты, но даже в спешке не забыл закрыть ее на засов.

Фокси, не вылезая из укрытия, выла до самой ночи, проклиная судьбу и мертвого Скира-Кво, который лежал недалеко от нее в луже мочи и испражнений. Ее крики разносились по всему кораблю и взволнованные моряки, свободные от несения службы, стягивались к камбузу, желая разузнать, что же произошло с невольницами. Они с удивлением обнаружили, что огонь в очаге погас, еда не доварилась, а кока на месте нет. Небывалый случай за все время плавания «Свирепого».

Потянулись дни полные боли и отчаяния. Свон то приходила в себя, то вновь проваливалась в звенящую пустоту. Когда сознание вернулось, Свон обнаружила, что лежит на животе. Попробовав шевелиться, закричала от боли. Спина горела, словно ее долго били хлыстом. Еще донимала тянущая боль в руке. Поднеся ее к глазам, поняла, что это из-за колечка. Оно светилось неярким огнем.

– Мы пытались снять его, но не получилось, – услышала она тихий голос.

У кровати сидел улыбающийся Блэк. По его большому лицу катились слезы. Нос, и без того широкий, еще сильнее распух, и кок непрерывно им шмыгал.

– Как ты? – участливо спросил он.

– Больно, – помедлив, ответила Свон. Горло пересохло, губы покрылись коркой, а из трещин сочилась кровь. – Где я?

Кок поднес кружку с водой к губам Свон.

– Пей, родная. Ты в каюте капитана. Мы вместе ухаживали за тобой. Теперь ты выздоравливаешь: жар спал, раны больше не гноятся.

– Раны? Много их? – сделала пару глотков, спросила Свон.

Кок замялся.

– Нет, всего парочка.

– Но почему так больно?

– Порезы длинные. Одна рана глубокая, пришлось зашивать, – вздохнул Роки.

– Зашивать? – не поверила Свон. Она не знала, что можно шить человеческую кожу.

– Наш капитан сделал все аккуратно. Он опытный, не раз приходилось заниматься ранениями. На море всякое случается, – ласково объяснил кок. – Как заживет, мы нитки из тебя вытащим.

– Я стала уродом? – слезы градом потекли из глаз девушки.

– Что ты! – кок присел на корточки перед Свон и заглянул ей в лицо. – Зачем такое говоришь? В платье совсем заметно не будет.

– Я не боюсь шрамов, я боюсь своей участи. Если уродливую рабыню не смогут выставить на торги, скажи, что ее ждет? Команда матросов или дом падших женщин? В любом случае, это не то место, о котором мечтает невинная девушка.

– Я не буду продавать тебя, – глухой голос, раздавшийся рядом, напугал не только Свон, но и кока. Оба вздрогнули, и Свон застонала от вспыхнувшей боли. Кок нехотя поднялся и отошел в сторону, уступая капитану место у кровати.

Зорг Иолай не попал в поле зрения Свон, поэтому она не смогла оценить произошедшие с ним перемены. А они были разительными: Зорга невозможно стало узнать. Коротко стриженные волосы и чисто выбритое лицо превратили грозного главаря «Свирепого» в незнакомца. Оказывается, капитан отличался той мужественной красотой, о которой грезят юные девицы, начитавшись романов о благородных морских разбойниках.

Капитан отступил в тень. Если бы Свон могла обернуться, она изумилась бы жадному взгляду мужчины. Иолай сам не понял, когда в нем проснулись чувства к пленнице. Сначала его охватило отчаяние, что испортили дорогой товар. Потом, выхаживая больную, меняя повязки, дотрагиваясь до нагого тела пленницы, Зорг стал неистово желать ее. И бояться, что Беляночка умрет.

Зорг плохо помнил, как в ярости он приказал повесить на рее труп своего помощника в том виде, в каком он его обнаружил. Он не позволял снимать тело до сих пор, хотя мертвец страшно смердел. Это делалось в назидание всей команде: капитан не потерпит предательства.

Хотя Дикарка кричала, что она невиновна и сама стала жертвой насилия, Зорг вынес страшный приговор. Фокси получила десяток плетей и была сброшена в трюм, где каждый желающий мог удовлетворить свою похоть. Долгий путь и возможность развлечься, обеспечили Фокси бесперебойную вахту. Зоргу хотелось как можно сильнее уязвить ее.

Дикарку время от времени поднимали на палубу мыться. Матросам не хотелось потерять забаву до конца плавания. Каждый раз, как она оказывалась наверху, Фокси вопила, чтобы капитан пощадил ее, но он ни разу не вышел на зов Дикарки. Зорг все свободное время проводил возле кровати несчастной Беляночки, которая потихоньку выздоравливала.

– Я сделаю тебя женой. Только скину в Форше заказанный товар, и мы сразу отправимся на мою родину, – капитан не сомневался, что пленница предпочтет рабству замужество. С изуродованной спиной ей никуда не деться. А он же постарается не замечать шрамов и никому не позволит обидеть жену. Не страшно, что его по полгода нет дома, его старая мать присмотрит за невесткой. Нужно быстрее сделать Беляночку брюхатой, и все сладится. Пусть только она выздоровеет, тогда его ничего не остановит.

Так рассуждал капитан, с вожделием глядя на Свон, фигура которой легко угадывалась под тонкой простыней. Зорг мысленно представлял, как войдет в нее и изольется, делая своей. Натянутая ткань штанов выдавала желание, поэтому он сидел у кровати на корточках, желая скрыть свое вожделие от взгляда Свон.

– Ты будешь моей женой. Слышишь? – еще раз повторил он.

Свон повернула голову и невольно засмотрелась на красивое лицо. Она не могла поверить, что борода и длинные волосы могли до неузнаваемости изменить человека. Однако, как бы он ни был хорош собой, в памяти хранились его деяния и преступный промысел, которые никогда для Свон не сделали бы его привлекательным.

Она не ответила Зоргу. Медленно закрыла глаза, притворяясь, что сон взял над ней верх. Свон чувствовала себя слишком слабой, чтобы противостоять замыслам капитана. Время есть, до Форша еще не близко.

Дней через пять Свон стало настолько хорошо, что она вышла на палубу. Роки принес ей несколько платьев, оставшихся от предыдущих пленниц. Они соорудили из них вполне приличную юбку и просторную рубаху.

За время болезни Свон еще больше сдружилась с коком. Он напоминал ей матушку Берту: заботливый, добродушный, не обращающий внимания на грубости команды, пренебрежительно относящийся к человеку, занимающемуся «бабским» делом.

Оказывается, на многих кораблях у матросов не было уважения к кокам, особенно если те не могли ответить ударом кулака в нос. По уверениям Роки, кухня сама мстила злостным обид-

чикам. Несварение желудка – страшное дело, можно не дожить до берега, поэтому команда «Свирепого» старалась не переходить черту.

Однако с недавних пор поведение команды резко изменилось. Когда Свон появилась на палубе в сопровождении Роки, матросы осыпали ее злыми ругательствами, хотя до трагического случая были настроены мирно.

Свон невольно задумалась, откуда появилось столько агрессии?

Очень скоро причина выяснилась. Из трюма достали полубезумную Фокси. Специально ли ее вытащили в момент появления Свон на палубе, или это было совпадением, но встреча двух пленниц закончилась кошмаром. Увидев противницу, Фокси закричала:

– Так ты не сдохла? Чертово отродье! Смотри, что ты наделала, шлюха!

Грязная исхудавшая, голая Фокси указывала рукой куда-то вверх. Свон проследила за пальцем и чуть не упала в обморок: на рее болтался труп. Порыв ветра донёс тошнотворный запах гниения.

Только благодаря заботливым рукам, поддержавшим Свон, она осталась стоять. Закрыв лицо рукавом, девушка тяжело дышала.

– Снимите его, – раздался над ухом зычный голос Зорга. Испугавшаяся Свон обернулась и увидела, что ее поддерживал вовсе не Роки, а сам капитан.

Она хотела вернуться в каюту, но дикий хохот и завывания Фокси, увидевшей Июлая, остановили ее.

– Шлюха! Шлюха! – кричала Фокси, показывая на Свон. – Капитанская подстилка! Не видать тебе богача! Будешь лежать под грязным Зоргом, пока не надоешь ему!

Капитан дернулся, как от пощечины. Оставив Свон на попечение кока, Зорг большими шагами направился к обезумевшей женщине, возле которой стояли два матроса с ведрами, собираясь ее окатить водой. Увидев, что на них надвигается капитан, они кинулись в разные стороны.

Дальнейшие события показались Свон страшным сном. Кошмаром, который она не хотела смотреть, но не имела сил его прекратить. Члены команды, находившиеся на палубе, замерли, пораженные яростью капитана. Не нашлось ни одного смельчака, который кинулся бы наперерез Зоргу и остановил его. Капитан выглядел страшным и двинулся, словно дикий зверь.

Не чувствующая опасности, ослепленная злобой пленница продолжала выкрикивать ругательства. Потрясая кулаками, она сделала шаг, другой и, ступив в разлитую матросами воду, поскользнулась. Неловкая попытка удержать равновесие привела к тому, что Фокси с грохотом растянулась в луже.

Зорг подлетел к своей жертве и, схватив Дикарку за ногу, поволок к борту корабля, словно мешок с тряпьем. Страшно воющая Фокси, сдирая кожу на пальцах о палубные доски, пыталась зацепиться хоть за что-нибудь, но капитан не дал ей ни малейшего шанса. Достигнув борта, Зорг без усилий поднял Дикарку и одним взмахом руки выкинул в открытое море.

Послышался плеск воды, и капитан, даже не посмотрев вслед своей жертве, обернулся к людям, застывшим в ужасе от скорой расправы. Свон закрыла лицо руками и прижилась к не менее пораженному коку.

В этот момент с реи на палубу сорвался труп, на шее которого болталась перерезанная кем-то из матросов веревка. Капитан, находясь в диком раже, схватил то, что осталось от его помощника, и через мгновение Скир-Кво составили компанию Фокси.

– Кто еще хочет обидеть мою невесту? – капитан грозно оглядел собравшихся на палубе. Молчание команды и тихие всхлипы Свон служили ему ответом.

«Никогда не стану жить со зверем, – сказала она себе, пораженная до глубины души поступком Зорга. – Лучше смерть».

Кок хотел отвести Свон назад в каюту капитана, но она не смогла перешагнуть порог. Ей было страшно.

– Можно я вернусь к себе? – через силу обратилась она к подошедшему Зоргу. – Уже нет необходимости постоянного наблюдения. Мне лучше.

Иолоай внимательно посмотрел ей глаза и сразу понял, почему невеста не хочет находиться с ним в одном помещении. Он сам едва справлялся с проснувшимся в нем монстром.

– Хорошо, но пока не затянутся раны. Как только сможешь лежать на спине, станешь делить ложе со мной.

Капитан все еще был раздражен. Он успел отойти от всплеска ярости, под воздействием которого приговорил Дикарку к смерти и стал ее палачом, но ему нужно было унять горящий в груди огонь. Зорг боялся сорваться и еще больше отвратить от себя Свон.

– Я скоро приду к тебе, – добавил он. – Сегодня можно снять швы. Помоги ей, Блэк.

Кивнув коку, он отправился на капитанский мостик. Послышались грязные ругательства – Зорг срывал злость на команде. Матросы забежали по палубе, выполняя приказы разгневанного капитана. Через полчаса они убрали все следы присутствия несчастных Фокси и Скира-Кво.

Зайдя в свою каюту, Свон села на кровать и заплакала.

– Я не смогу жить с капитаном, – она уткнулась в широкую грудь Роки, примостившегося рядом с ней. – Лучше шагнуть за борт!

Кок осторожно погладил ее по голове.

– Не говори о смерти. Мы что-нибудь придумаем. Я не дам тебя в обиду.

Свон не верила собственным ушам. Роки Блэк встал на ее сторону, хотя знал, что противодействие капитану может обернуться смертью! Она подняла глаза и искала подвоха.

– Я полюбил тебя, словно ты моя родная дочь. Ты единственная, кто отнесся ко мне, как к человеку, тебя не напугала моя черная кожа. Ради моей доброй девочки я готов пожертвовать жизнью.

Кок вздохнул, никак не решаясь предложить Свон свой вариант спасения, который она может и не принять.

– Нам нужно продержаться до прибытия в порт, а потом мы сбежим. Я знаю к кому обратиться в Форше. Не зли капитана, дочка, делай все, что он скажет. Главное – сохранить жизнь. Если он ляжет с тобой в постель и возьмет, как женщину, не сопротивляйся. С потерянной невинностью жить можно. А от беременности я дам тебе зелье. Сегодня же сварю. Выпьешь сразу, как его семя изольется в тебя. Сделаешь это тайно, иначе не сносить нам головы.

Свон слушала Блэка, широко распахнув глаза. Он говорил страшные вещи. Поддаться Зоргу, чтобы остаться в живых? Нет, добровольно она не ляжет в кровать с ним.

Свон пыталась найти подходящие слова, чтобы не обидеть вставшего на ее защиту человека, но в каюту вошел заметно успокоившийся капитан. В руках он держал корзинку с глиняной бутылкой и тряпьем.

– Снимай одежду, – сказал он Свон, при виде его соскочившей с кровати.

Довольная ухмылка скривила лицо Зорга, когда он увидел, что невеста покраснела и крепче запахнула дрожащими руками ворот рубахи. Насладившись вдоволь ее смущением, Зорг смилостивился и пояснил цель визита:

– Будем снимать швы. А ты иди, занимайся своими котлами, мы справимся без тебя, – приказал капитан Блэку, не замечая, как кок переглянулся со Свон – был занят раскладыванием содержимого корзинки на столе.

Когда Роки нехотя покинул каюту, Иолоай закрыл дверь изнутри.

– Ты меня боишься? – спросил он, видя, как девушка попятилась. – Правильно делаешь. Ты жива, пока этого хочу я. Ты должна меня благодарить, что я решил взять тебя в жены. Диктовать условия не советую. Повернись ко мне спиной.

Развязав ленты на вороте, он помог Свон снять рубаху. Оставшись нагой, она прикрыла руками грудь. Капитан рассмеялся.

– Я выхаживал тебя все время, пока ты находилась в забытии, поэтому знаю каждую пядь твоего тела. Снимай юбку и ложись на живот. Живо!

От резкой команды Свон вздрогнула и потянулась к застежке. Она силилась понять, почему обходительное отношение к ней со стороны капитана изменилось на пренебрежительное. Неужели ее ценность, как человека, стала минимальной, после того, как Фокси испортила ее «товарный» вид?

И случайна ли смерть Дикарки? Может казнь была показательной не столько для команды, сколько для самой Свон?

Стало страшно. Не смея возражать, она легла на кровать.

Склонившись над ее спиной, Зорг заметил:

– Удивительно быстро идет заживление. В день, когда на тебя напали, я не знал, чем тебе помочь. С такими ранами обычно погибают от потери крови и сильной боли. Благодарю кока, он уговорил попробовать сшить раны. Пока мы срезали с тебя платье, кровь уже перестала течь, хотя этого никак не должно было случиться.

Послышался звук откупоривания бутылки, и на спину полилась жидкость с резким запахом. Чтобы отвлечься от боли, Свон начала считать, сколько раз ножницы перережут нитки, впившиеся в ее тело. Она сбилась на восьми, поскольку капитан опять заговорил:

– Откуда у тебя кольцо? Оно не простое? Я прав? Пока ты горела в лихорадке, оно светило ярко, но по мере выздоровления, его блеск спадал. Я подзреваю, что именно в нем причина быстрого заживления ран. И почему оно не снимается?

– Я не помню, откуда кольцо, – решила скрыть правду Свон. – Оно всегда было со мной. И я не знаю, как ответить на ваши вопросы.

– Оно явно магическое. Любая волшебная вещь может передаваться от хозяина к хозяину, и очень странно, что кольцо не снимается, хотя его свободно можно повернуть вокруг пальца. Когда мы прибудем в Форш, я наведу о нем справки.

Ножницы щелкали и щелкали. Казалось, капитан никогда не закончит. Измученная ожиданием, Свон обрадовалась, услышав спокойный голос Зорга:

– Ну, все. Швов больше нет. Не шевелись, – предупредил он, и на спину Свон легла мокрая тряпица. Многочисленные ранки начали ныть.

Свон надеялась, что капитан уйдет, но он сел на кровать и начал поправлять повязку и будто невзначай дотрагиваться до тела пленницы. То по плечам проведет рукой, то по ягодицам, которые не позволил прикрыть. Свон вздрагивала от омерзения. Капитан заметил ее мучения, и его лицо скривилось в усмешке:

– Дня через три ты сможешь лежать на спине. Тогда тебе не отвертеться, милая. Начнем нашу супружескую жизнь.

– Но мы же еще не женаты? – попыталась возразить Свон.

– Мы поженимся только для того, чтобы мои сыновья не были ублюдками. И никому нет дела, взял я тебя до свадьбы или после.

Накрыв Свон простыней, капитан вышел из каюты. В замке заскрежетал ключ.

Как только звук шагов стих, простыня полетела на пол, а следом за ней и повязка с мазью. Подняться было больно, но Свон пересилила себя. Встав на ноги, она сделала несколько наклонов. От резкого натяжения кожи стали лопаться края раны, и что-то теплое потекло по спине. Боль стала нестерпимой, и Свон рухнула на кровать в изнеможении. На льняных простынях тут же появились пятна крови.

– Ну, нет, – проговорила сквозь зубы пленница, опять поднимаясь с постели, – через три дня я точно не смогу лежать на спине.

Она наклонялась опять и опять, пока не упала обессиленная на пол.

Через некоторое время дверь открылась, и Свон услышала испуганный возглас. Но это не был голос капитана. В каюту зашел Роки и кинулся поднимать Беляночку.

– Что с тобой сделал этот зверь? – едва не плача, запричитал кок. – Да как же такое могло случиться? Я же просил тебя не дразнить Зорга? Что же теперь будет?

– Тише, Роки, тише, – прошептала девушка, – это не Зорг. Я сама.

– Зачем? Я не понимаю, зачем? – с отчаянием в голосе вопрошал Блэк, вытирая кровавые подтеки.

– Так надо. Мы должны продержаться до Форша, да, Роки? Я постараюсь остаться живой. Накрой спину тряпичей, а потом простыней. Если Зорг спросит, не скрывай, что нашел меня на полу и помог.

Сил говорить не осталось. Уже в забытьи Свон прошептала:

– Я не буду жить со зверем. Лучше смерть.

Глава 8

Проснулась Свон от резкой боли. Кто-то сдернул с нее простыню, пропитанную как и повязка кровью. Подсохнув, ткань прилипла к ранам намертво. Человек, резким движением оголивший спину девушки, прекрасно сознавал, насколько ей больно.

– Ну и как тебя угораздило? – чересчур спокойно поинтересовался Зорг.

– Я потянулась за водой, но запуталась в простынях и упала на пол. Прямо на спину.

Капитана не удовлетворило подобное объяснение. Сжав зубы, чтобы не наговорить лишнего, он решил отложить беседу на потом. Склонившись над ранами, Зорг потрогал пальцами некоторые из них. Острая боль заставила Свон застонать.

– Да, несколько швов придется наложить снова.

Иолай поднял невесту и перекинул через плечо. Свон закричала от рези и жжения в спине, но ее чувства больше не беспокоили капитана.

– Дабы с тобой ничего такого больше не случилось, поживи в моей каюте. Когда я буду занят, за тобой присмотрит мой человек.

Свон поняла, что капитан решил наказать ее, не веря в случайность падения. Теперь Зорг намерено хотел причинить ей страдания: зайдя в каюту, он швырнул ее на свою кровать. Навис над пленницей, глядя в ее широко распахнутые глаза, усмехнулся и поцеловал в губы. Больно и зло. Свон попыталась вырваться, отвернуть лицо, но капитан не позволил. Схватил за растрепанную косу, которую накрутил на кулак, и притянул к себе. И снова последовал долгий и яростный поцелуй, закончившийся укусом в нижнюю губу. Зорг отпустил задыхающуюся невесту. В его глазах, с интересом исследовавших лицо Свон, светилось удовлетворение. Ее губа распухла и кровоточила.

– Скажи, я похож на глупца?

Не дождавшись ответа, он резко перевернул Свон на живот.

Молча обработал спину отвратительно пахнущим лекарством, нагрел кривую иглу над пламенем свечи и достал нити из склянки, где они плавали в мутной жидкости.

– Приготовься, сейчас будет больно, – произнес он и сделал первый прокол.

Свон дернулась и застонала.

– Продолжишь дергаться, я привяжу тебя к кровати, – пригрозил Зорг и чуть позже добавил: – Думаешь, я не понимаю, почему ты ни с того ни с сего упала? Но ничего, если спина в первый раз быстро зажила, так и во второй раз раны без труда затянутся. Я подожду. Но не советую испытывать мое терпение.

Закончив работу, он опять наложил повязку с лекарством. Вытирая руки, Иолай наклонился и посмотрел в заплаканные глаза Свон.

– Дорогая, открою тебе один секрет: для удовлетворения мужчины не обязательно, чтобы женщина лежала на спине.

Похлопав ее по ягодицам, он направился к выходу из каюты.

– Береги себя, любимая. И поверь, мне наплевать, в каком состоянии окажется твоя спина, если я захочу тебя.

От стыда и боли слезы текли по лицу ручьем. Только появление кока несколько успокоило Свон. Роки принес похлебку, сваренную специально для его девочки.

– Капитан обидел тебя? Что он сделал, когда увидел спину?

Рассказывая о Зорге, Свон опять заплакала.

– Я умру, если он насильно возьмет меня. Нет, я не неженка и не дурочка. Знаю, что может делать мужчина с женщиной. Но мне Иолай до того отвратителен, что после я непременно покончу с собой. Я уже говорила, в море это сделать просто.

– Прекрати. Не заставляй меня страдать. Я даже представить не могу, что моей малышке придется расстаться с жизнью из-за какого-то мужчины, пусть это и капитан, – Роки встал на колени возле кровати, чтобы Свон могла видеть его и хорошо расслышала то, что он скажет. Глянув, плотно ли закрыта дверь, кок прошептал: – Я помогу тебе. Есть одна мысль, как отвлечь Зорга. Я слышал, что после убийства Фокси и Скира-Кво в команде бродит недовольство. Да, люди по-прежнему боятся капитана, но он поступил излишне жестоко с женщиной, которая дарила морякам счастье.

Кок вытер рукой голый череп, на котором от волнения выступили бисеринки пота.

– Так вот, к чему я веду? Мне удалось поговорить с парой лихих ребят, которые дружили со Скиром-Кво. Они не могут простить капитану бесславную гибель помощника и готовы отомстить. Убить Зорга нельзя, у него все козыри в руках: никто не хочет остаться без заработанных монет. Но досадить попробую.

Свон слушала, затаив дыхание. Ей совсем не нравилось то, о чем говорил кок, но она понимала – выбор невелик. Либо придется бесконечно терзать свое тело, чтобы оттолкнуть «жениха», либо капитан понесет хоть какое-то наказание за свои поступки и, может быть, забудет о ней. Пленница ясно представляла, что рано или поздно она может оказаться на месте Фокси.

– Что вы такое придумали? Я боюсь за вас. Вдруг тайна откроется, и тогда никому из заговорщиков пощады не будет.

– Пока капитан разберется, кто из команды пошел против него, до порта будет рукой подать. И потом, он настолько сильно обидел и напугал людей, что мало кто встанет на его сторону и предаст виноватых. Им жалко Фокси, ведь она слыла жаркой девкой, и каждый захочет хотя бы молчанием насолить капитану.

Свон понимала чувства команды. Доведенная до безумия Фокси не заслуживала такой страшной участи.

– Будь осторожен, Роки. Я не хочу тебя потерять, ты стал мне больше, чем друг.

Свон погладила ладонью черную щеку кока, он же нежно поцеловал ее пальцы. В этом поцелуе не было ничего от чувств мужчины к женщине. Это был поцелуй отца, который выказывает привязанность к дочери.

– Не переживай. Мы устроим так, что капитан забудет о любовных утехах. Клянусь.

Действительно, как и обещал кок, дней пять Зорг не появлялся в каюте. Свон вскоре узнала от приставленного охранять ее юнги причину отсутствия капитана.

Сначала у него разболелся живот, и он отлеживался в соседней каюте. Там стоял жуткий смрад, поэтому капитан допускал до себя лишь особо доверенных людей, в число которых входил и Роки.

Едва ему полегчало, как на его голову обрушилась новая беда: в трюме обнаружили течь именно в том месте, где хранился дорогой товар. Капитан распорядился поднять его на палубу, и пока откачивали воду и заделывали щель, Зорг спал рядом с тюками, никому не доверяя охрану ценного груза.

Днем позже Иолай наступил на ржавый гвоздь, неизвестно откуда появившийся на ступеньке лестницы, ведущей на капитанский мостик. Крик боли и поток ругательств доносились даже до самых отдаленных уголков корабля. Нога покраснела, распухла и не помещалась в сапог. Капитан страдал от нагноения, возился с ноющей раной, и все чаще и чаще срывал зло на матросах.

Вскоре пришло время снимать швы у Свон, но покалеченный Зорг не пришел. Он поручил эту ответственную работу коку. То ли Роки действовал более умело, то ли капитан получал особое удовольствие от стонов Свон, а потому специально доставлял ей боль, но на этот раз она совсем не почувствовала какого-либо неудобства.

Пару дней спустя, придя в очередной раз проведать помощницу, кок заметил, что повязка сбилась, и решил перемотать ее заново.

– Может, она уже не нужна? – тараторила Свон, активно помогая разматывать ткань. – Спина не болит. Я только перед юнгой притворяюсь, что встать не могу. Приходится стонать и плакать.

– Ничего, потерпи еще немного, до порта рукой подать. Форш... – начал кок и замолчал на полуслове.

Свон, обернувшись на друга, поняла, что происходит нечто странное: Роки словно оцепенел. Он не спускал глаз с ее спины.

– Что там? – волнуясь, спросила Свон, – Что-нибудь ужасное? Раны загноились?

– Я не понимаю, – запинаясь, произнес Роки. – Ничего не понимаю.

– Не пугай меня, пожалуйста, – застонала Свон, мысленно рисуя всякие ужасы. – Скажи, что ты видишь? Кожа лоскутами слезает или... о, ужас! Лепра? Поэтому я ничего не чувствую?

– О, нет! Ничего такого.

– Что же тогда?

Кок озадаченно потер затылок и выдохнул:

– Я вижу чудо.

– О, боже! Ну, говори скорей, что же там?

– Спина абсолютно гладкая. Ни шрамов, ни покраснения. Словно и не было тех ужасных ран.

Роки перевел взгляд на Свон. По ее щекам градом катились слезы, и мелко дрожал подбородок.

– Почему ты плачешь? – удивился он. – Радоваться надо – ты полностью исцелилась!

Свон закрыло лицо руками.

– Чему радоваться, Роки? Разве ты не понимаешь, что теперь Зоргу нет причины обходить меня стороной? Как только он узнает об исчезновении шрамов, я мигом окажусь в его постели.

– Ну что ты, милая! Сейчас ему совсем не до тебя, – успокоил ее Блэк. – Ну и потом, кто ему скажет, что ты здорова? Я по-прежнему каждый день буду приходить обрабатывать твои раны. Еще совсем немного, и мы сбежим. Я уже начал складывать еду в одну из лодок. И не беда, если не получу деньги за этот рейс. Я одинок и скопил достаточно, чтобы спрятать нас в Форше.

Свон, получив новую пищу для размышлений, тут же забыла о произошедшем с ней чуде, поэтому с головой окунулась в решение замаячившей проблемы.

– Мы не сможем прятаться в городе вечно: деньги рано или поздно закончатся.

– Что-нибудь придумаем, не переживай.

– Знаешь, Роки, мне нигде не случилось побывать, и друзей у меня не так много, но я знаю одного, который живет на севере Эрии в замке Дохо. Вот бы нам попасть к Даку.

– Ты уверена в своем друге?

– Он не выдал меня в замке Шовеллер, не выдаст и в Дохо.

– Почему Дохо? Я мог бы отвезти тебя на мою родину. Правда, среди чернокожих ты считалась бы нездоровой, и тебя бы сторонились люди, уж больно кожа белая. Но и это можно пережить.

– Вот видишь, я буду на твоей родине словно белая ворона. А на севере, в замке, принадлежащем графу Шовеллер, никому не придет в голову меня искать.

– Свон, прости, но я никак не могу понять: ты собираешься бежать от Зорга, или есть человек страшнее капитана? Если взять в расчет все твои слова, получается, кто-то еще охотится на тебя. Кто он?

Свон замаялась, но потом решила открыться.

– Ты думаешь, это королева натравила разбойников? – спросил Роки, выслушав запутанную историю похищения Свон. – Если ее сын незаконнорожденный, то наследовать престол он не должен.

Получив утвердительный кивок, кок потер лысину – на ней опять собрались капельки пота, что свидетельствовало о сильном волнении.

– Но почему принц ищет тебя? Хочет убедиться, что ты мертва и не выдашь тайну его матери?

– Я не уверена, что он знает тайну своего рождения. И потом, Эдуард мог легко убить меня еще в замке Шовеллер. Ни к чему было начинать эти игры с танцами, закопали бы меня где-нибудь в лесу и дело с концом. А сейчас он с демоническим упорством идет по моему следу, пытается Изру, сжигает ее дом, преследует подельников капитана. Наследник словно мстит, только вот кому и за что?

– А может он любит тебя?

– Какая любовь, Роки? Он видел меня от силы раза три: в первый раз, когда я была двенадцатилетней девчонкой, во второй раз у реки, ну и в третий на самом балу. А там его младший брат оказывал мне гораздо больше внимания, чем сам наследник. Роки, я уверена, что все дело в Кольце Жизни, – Свон потрясла в воздухе рукой. – Оно заживляет раны и не дает умереть. А такая ценная вещь не должна согнуться вместе со мной. Она принадлежит наследнику, вот он и идет по его следу.

Свон немного помолчала.

– Я бы и сама с удовольствием вернула кольцо, но оно почему-то не снимается. Наверное, от него можно избавиться, лишь отрубив мне палец или...

– Или убив тебя, – закончил страшную мысль Роки. – Получается, принц для нас также опасен, как и его мать.

Последняя фраза бальзамом легла на сердце Свон – кок сказал «для нас опасен». «Для нас», а не «для тебя». Роки настоящий друг.

– Не будем отчаиваться раньше времени, – с энтузиазмом продолжил кок, не понимая, как такая чудесная девочка могла настроить против себя половину мира. – Для начала решим проблему с Зоргом, а потом будет видно.

– Хорошо, – сказала Свон и положила голову на плечо друга. На сердце у нее отлегло, потому как вдвоем всегда проще справляться с превратностями судьбы.

За несколько дней до прибытия в Форш команда воспрянула духом. Тяжелое путешествие, омраченное гибелью помощника капитана и Фокси, подходило к концу. Матросам хуже смерти надоели солонина и капуста, поэтому каждый предавался мечтам, как он потратит на берегу свои денежки.

Свон и Роки готовились к побегу. Нужно было торопиться. Капитан шел на поправку и мог в любой момент заявиться к невесте. Зорг оповестил через юнгу, что священник ждет новобрачных в порту и обручит их прямо на корабле. На берег молодая жена не сойдет.

– Как Зорг мог предупредить священника? – недоумевала Свон.

– Ты забыла о почтовых драконах. Вчера из Форша вернулся желтоглазый. Капитан никогда не зайдет в порт, не убедившись, что на берегу все спокойно. Уверен, ничего хорошего Иолая в Форше не ждет, наверняка Торговая Лига разочарована потерей невольниц из Эрии. Я сумел прочесть письмо в Лигу еще до того, как оно было отправлено. Иолай написал, что рабыня-девственница, то есть ты, погибла во время драки, а вторую пришлось казнить. Но Зорг не может не причалить в порту – мы возем еще кое-какой товар, который ждут в Форше. Только поэтому капитан так торопится с женитьбой и сможет тебя защитить как законную супругу.

– От кого защитить? – на всякий случай поинтересовалась Свон. Она была уверена – свадебный обряд не состоится: невеста покинет корабль еще до того, как он войдет в порт. Роки

уже приготовил необходимые вещи и запас воды. Он считал, что лучше будет войти в город с другой стороны, для чего им придется под покровом ночи проплыть на похищенной шлюпке вдоль берега. Кое-кто из команды поможет им сбежать.

– Думаешь, у капитана достаточно денег, чтобы самому снарядить корабль в дальний поход? Золотом таких как он обеспечивает Лига, заказывая тот товар, что принесет ей наибольшую прибыль. Так что кроме сбережений, хранящихся у матушки Зорга, ему нечем ответить перед Лигой. Потеря рабыни-девственницы сильно расстроит торговцев.

Но планам беглецов не суждено было сбыться. За день до появления «Свирепого» в порту, на корабль опустился боевой дракон. О появлении того на горизонте прокричал юнга, и вся команда собралась на палубе. Его прилет был весьма необычным явлением, на которое стоило посмотреть: как правило огромные боевые драконы садились только на подготовленные площадки или крупные суда, к коим «Свирепый» не относился.

Дракон оказался настолько велик, что на палубе едва поместилась его голова, черное тело осталось лежать на воде, удерживаясь на плаву с помощью распластанных крыльев. К хребту великана крепилась беседка, из которой выбрались двое мужчин, одетых также странно, как и капитан во время торгов с Изрой – рукава их длинных черных камзолов перевивали кожаные ремни.

Свон, наблюдая за подозрительными гостями через щелочку двери, задумалась, для чего нужны такие странные и, казалось бы, неудобные кожаные украшения, ведь на корабле Зорг одевался по-простому – в просторную рубаху, ворот которой легко распахивал морской ветер. Когда гости подошли ближе, Свон разглядела, что за ремнями прятались ножи. Клинок были столь огромными, что их острия торчали у локтей, как безобразные железные наросты, способные навредить любому, кто только отважится подойти к торговцу Лиги со спины. В то же время, стоило обладателю оружия захотеть вытащить его, как его рукоять, крестом защищающая тыльную сторону ладони, легко ложилась в противоположную руку.

Бородатые гости прошли по шее дракона, как по мосту, и очутились на палубе быстрее, чем к ним успел выйти хромоногий капитан, а потому встреча состоялась недалеко от капитанской каюты. Зорг, заметив Свон, едва успел захлопнуть дверь перед ее носом и спиной загородил вход в каюту.

– О, какая неожиданность! Приветствую тебя, Лига Торговцев Форша на моем корабле, – деланно улыбаясь, поприветствовал капитан. – Что привело тебя, Кречет, на «Свирепый»?

– Дорогой Зорг, не будем терять время, – улыбаясь, ответил седовласый мужчина. – И оставим пустые слова для глупцов. Ни ты, ни мы таковыми не являемся. Лига уверена, что произошло недоразумение, и ты, как капитан, с которым мы работаем без малого пятнадцать лет, сможешь развеять его.

Зорг жестом пригласил гостей в свою каюту, но те отклонили предложение, дав знать, что визит не затянется.

– До нас дошел слух, что на «Свирепом» находится прекрасная девственница, – выступая вперед, произнес торговец, чей вид был более грозным, чем у улыбчивого Кречета. Кончики его ножей блеснули хищным светом, словно только и ждали, когда хозяин напоит их кровью. – Но письмо, присланное с желтоглазым драконом, опровергло добрую весть. Нас гложут сомнения, какое из сообщений правдиво?

– Да, сознаюсь, я несколько покривил душой, когда писал письмо. В чем каюсь перед Лигой, – Зорг Иолай повинно склонил голову. – Но когда вы узнаете, почему я написал, что обе пленницы погибли, простите мою маленькую ложь. Одна из девушек выжила, но теперь не представляет интереса для торговцев Форша, поскольку ее изуродовали в драке. Ее спину обезображивают два огромных шрама. Я пожалел бедняжку и решил взять в жены. Готов немедленно заплатить ту сумму, которую вы вырчили бы за изуродованную рабыню.

Слушая речь капитана, седовласый торговец внимательно смотрел на диск, прикрепленный к толстой цепи, свисающей с шеи его подельника.

– Он не лжет, – подтвердил Кречет, оторвав взгляд от магического кулона. – Камень Правды молчит.

– О! Теперь я понимаю, почему ты сбрил бороду и так скоро собрался жениться! – засмеялся второй торговец. – Ты влюблен? Неожиданно. – Но встретив суровый взгляд капитана, улыбаться перестал. – И все же, познакомь нас со своей невестой.

– Не злись, Иолай, нам нужно оценить твою женщину. Ты же сам предложил выкупить ее? – Кречет сложил руки на груди. – Надеюсь, ты безоговорочно примешь названную нами сумму. В противном случае, придется выставить на торги твою невесту. Но в них тебе придется участвовать на равных с остальными покупателями.

Зорг был раздражен, его рот кривила злобная судорога, тело напряглось, словно он был готов кинуться в драку, но возразить прибывшим торговцам не посмел. Одно их слово – и корабль сожжет боевой дракон.

– Свон, выйди! – крикнул он, распахнув дверь в ее каюту.

Когда девушка, до головы закутанная в серую простыню, появилась на пороге, лица гостей изменились.

– Красавица, какая же она красавица!

Серая ткань не смогла сделать Свон безликой. Торговцы разглядели и гладкость кожи, и необыкновенно яркие глаза, и белокурые волосы, что так редки в южных краях.

– Я думаю, даже с изуродованной спиной она может принести значительный барыш, – задумчиво произнес обладатель Камня Правды.

– Сними с себя тряпье, – скомандовал Кречет. – Все без остатка.

Зорг шагнул и встал перед Свон.

– Не забывайтесь, она моя невеста. Я готов купить ее по любой цене, но не заставляйте девушку обнажаться, словно она на торгах.

– Зорг, твоя вина велика. Ты не сумел довести ценный груз в сохранности. Поэтому не тебе противиться нашей воле, – говоривший мужчина пренебрежительно отмахнулся, словно отгонял назойливую муху.

– Она все еще девственница? – словно невзначай поинтересовался Кречет.

– Да, – выдавил сквозь зубы Зорг. Как же он раскаивался, что не взял Свон вопреки ее желанию! Сейчас это обстоятельство сбilo бы ее цену в глазах торговцев Лиги.

Капитан, злясь и на себя, и на незваных гостей, испытывая невероятное унижение от того, что не может им противостоять, только сейчас заметил, что его команда собралась на палубе и стала свидетелем его растерянности. Стоило ему сузить глаза, как все матросы кинулись врассыпную – никто не хотел попасть под горячую руку Зорга. Только кок отступал нехотя, не в силах оставить Свон наедине с тремя опасными мужчинами. Если бы Роки не был чернокожим, то многие заметили бы, как кровь отлила от его лица.

Оставшись в одной нательной рубахе, невольница подняла глаза на мужчин.

– Достаточно... Пожалуйста... – прошептала она.

– Нет, – ответил Кречет и подошли ближе. Провел рукой по гладкому плечу рабыни, будто невзначай дотронулась до ее груди.

Свон отшатнулась, но торговец, зная свое дело, рванул ворот ее рубахи, как частенько поступал на торгах, представляя товар лицом. Тонкая ткань с треском разлетелась на две стороны.

Свон беспомощно оглянулась на Зорга. Тот стоял, не в силах пошевелиться, поскольку нож другого гостя был прижат к его горлу. Однако носитель Камня Правды смотрел не на капитана, а куда-то в сторону и медленно доставал из-за ремней другой клинок. Свон проследила за его взглядом и увидела, что к ним приближается вооруженный огромным тесаком кок.

– Нет! – крикнула она ему. – Не подходи! Не смей!

Роки замер на месте, но тесак не спрятал.

– Ого! – улыбнувшись, произнес Кречет. – У нашей красавицы есть еще один защитник! Мы даже не покинули корабль, а цена уже выросла.

Произнеся это, он с силой рванул остатки рубахи, и Свон предстала перед мужчинами полностью обнаженной.

– Да, Зорг! Я понимаю, почему ты выбрал рабыню в жены. Она прекрасна! – Кречет взвесил груди Свон в своих ладонях. Потом, не отрывая ладонь от розовой кожи, провел ею по животу вниз, туда, где золотистые волосы указывали на вход в потайное место.

Свон не выдержала. Оттолкнув ненавистные руки, она присела, обхватив себя руками. Мертвая тишина, воцарившаяся на палубе, известила о том, что рабыня допустила роковую ошибку – теперь всем была видна ее спина, где самый дотошный человек не смог бы найти и намека на шрамы.

Дальнейшие события стали продолжением кошмара гибели Фокси. Только в роли жертвы на этот раз выступал недавний палач.

Зорг упал к ногам Свон.

Его рот беззвучно открывался, но зияющая на шее рана не позволяла сделать хоть глоток воздуха.

Кровь лилась темным потоком, стремительно унося жизнь капитана.

Последним его движением была попытка дотянуться до невесты. Рука Зорга, коснувшись колена Свон, безжизненно упала рядом с ее некогда голубыми туфельками. Они быстро окрасились в красный цвет.

Неожиданная гибель Зорга потрясла. Свон закричала и кинулась в каюту, но дверь была безжалостно выбита, а жертва оказалась в руках Кречета. Торговец нисколько не спеша направился к дракону. Свон, вися на плече Кречета, все же успела заметить, что нож, который обладатель Камня Правды, метнул в сторону Роки, не достиг своей цели, в то время как тесак кока ранил бородача, и теперь тот, зажимая рану на животе, шатающейся походкой шел по спине дракона, ощерившегося и злобно вращающего глазами. Зверь почувствовал запах крови и это волновало его.

– Роки! – окликнула Свон, уже утратив надежду на спасение – дракон шипел и близко не подпускал к себе чернокожего мужчину, грозясь его сжечь. В последней попытке договориться с Блэком, дав ему надежду встретиться с ней вновь, она выкрикнула, что было сил: – Дохо! Дохо! Иди в Дохо!

– Свон! – в бессильной ярости откликнулся Роки, но дракон уже поднял голову. Корабль сильно качнуло, кок упал и покатился к борту. Сильный ветер, поднятый крыльями дракона, не дал ему возможности уцепиться за снасти, и Блэк рухнул в воду.

– Нет! Нет! Нет! – билась Свон в руках Кречета.

Тот, сбросив свою ношу в беседке, медленно склонился над рыдающей женщиной. Нажав пальцами на какую-то точку на шее, моментально погрузил ее в сон. Пристегнув Свон ремнями и убедившись, что его сотоварищ еще дышит, Кречет уселся на стоящее впереди кресло и гортанно скомандовал: «Арроу!». Дракон начал подниматься в воздух.

Описав круг над покачивающимся на волнах кораблем, на палубу которого высыпали испуганные матросы, дракон, услышав новую команду «Форш!», взял направление в сторону порта.

Кречет был уверен: оставшееся на борту корабля богатство в виде товара не пропадет. Менее чем через полчаса к «Свирепому» подойдет судно Лиги. Выгрузка произойдет прямо в море, после чего корабль отправят в ремонтные доки, и тот вскоре обретет нового хозяина. Что случится с командой, как сложится ее судьба, Кречета не волновало. Он торжествовал.

Лига Торговцев никогда не ошибалась. Зоргу не удалось обмануть ее и спрятать баснословно дорогую невольницу, чье появление в Форше ожидали с таким нетерпением.

Глава 9

– Ну почему мне так не везет? Словно слепого котенка подкинули к чужому порогу, нет ни отца, ни матери, увезли от матушек, – Свон сидела на полу в небольшой комнатке и рыдала от бессилия что-либо изменить, от жалости к себе, от страха перед будущим, – а теперь еще отняли Роки! Роки-и-и! Роки, родненький, где же ты? Жив ли?

Беззаботная жизнь в замке Шовеллер казалась сказочной: первый поцелуй и томление чувств, платье в атласной коробке и жемчужное кольцо... Она ли была в том необыкновенно красивом наряде, на который оборачивались высокородные женщины и мужчины? С ней ли танцевали оба принца?

Свон проснулась внезапно и долго не могла сообразить, где находится. Свет в помещение проникал через узкие окна, забранные густой решеткой. Да и он нужен не был. Зачем свет пленнице, лежащей в совершенно пустой комнате?

Закутавшись в покрывало, ступая по мягкому ковру, выстилающему полы от края до края, Свон стучала в двери, кричала в окна, но никто на ее зов так и не откликнулся. Только когда усталое солнце дотронулась в прощальном жесте до каменных стен, собираясь уступить место ночи, двери распахнулись, и в комнату вошли три служанки. Одна несла кувшин и большой таз, другая – два деревянных ведра, третья – объемный мешок и стеклянную лампу, в которой дрожал огонек.

Женщины, одетые в свободные одежды тусклых цветов, полностью закрывающих их тела, с мудрено повязанными платками на головах, которые скрывали не только волосы, но и лица до самых глаз, были неприветливы. Свон пыталась заговорить, но служанки отмалчивались, жестами показывая, что не понимают эрийского языка.

Одно из принесенных ведер предназначалось для малых нужд, во втором плескалась вода. И то и другое порадовало пленницу, но пить отчего-то не позволили.

Поставив таз центре комнаты, старшая из женщин дернула Свон за руку, показывая тем, чего от нее ждут. Из развязанного мешка извлекли куски мягкой ткани, гребень, разложили какие-то мелочи, о предназначении которых можно было только догадываться.

Когда на голову полилась теплая вода, пленница подставила ладони, желая глотнуть хоть капельку, но грубый окрик заставил подчиниться и терпеливо ждать окончания купания.

Во время растирания пахучими маслами, Свон чувствовала себя неловко: не было ни одного места на теле, где бы ее не потрогали чужие руки.

Волосы, которые прежде Свон никогда не оставляла распущенными, заплетая в косы даже на ночь, женщины завили в локоны и оставили лежать на плечах.

Служанки исчезли также бесшумно, как и появились, уступив место другим – таким же хмурым и неприветливым. Они принесли с собой низкий столик, заставленный яствами. В стеклянном кувшине плавали лепестки розы, и Свон едва дождалась, когда ей нальют воды. После нехитрой пищи на корабле, еда показалась божественной.

Непонятная истома, охватившая Свон, тянула прилечь на ковер. Служанки унесли стол и остатки еды, несколько не беспокоясь о том, что пленница опьянела от простой воды.

Мысли Свон путались, комната плыла перед глазами, наполнялась тенями и голосами. Сначала она услышала музыку, потом поняла, что находится на балу. Ее любимое платье было совершенно цело и сияло чистотой. Она потрогала легкую ткань и засмеялась.

Неужели похищение и долгое путешествие в Форш ей приснились? И как можно было заснуть на балу? Наверное, это усталость. Села на диванчик и провалилась в кошмар. Какое счастье, что разбойники, Изра и Зорг всего лишь выдуманные разумом люди!

Ей протянули ладонь, и Свон радостно вложила в нее свою руку.

– Когда я смотрю на вас, у меня холодеет в животе, – призналась Свон Эдуарду, ведь это он вел ее в круг танцующих. – Помните, как вы поцеловали меня у сторожевой башни? И не отнекивайтесь! Я точно знаю, это были вы! От вас тогда пахло так же приятно!

– О чем она говорит? – за спиной послышался голос какого-то брюзги.

– Не слушайте ее, она пьяна, – ответил Эдуард и обхватил ее еще крепче. Свон в ответной ласке прижалась к нему всем телом, но украшающие камзол пуговицы неприятно врезались в ее тело.

Свон опустила глаза и... закричала от ужаса. Она была совершенно голой и находилась в объятиях какого-то незнакомца, который лишь рассмеялся, поняв, что действие одурманивающего напитка закончилось.

– Хороша-а-а, – протянул тот мужчина, что стоял за спиной. Он был невысок и тучен. Ремни, удерживающие клинки, перетягивали его руку словно обручи пивную бочку. – И сколько за эту красавицу дают? Мы не прогадаем?

– Если она не попадет на торги, как того требует покупатель, можем безбедно прожить целый год, – ответил Кречет. Он тоже был здесь и равнодушно наблюдал, как предмет торга пытается закрыться руками. – Согласись, Илим, такой платы за рабыню-девственницу Форш еще не знал.

Илим, самый высокий из тройки, наклонился и поднял с пола покрывало. Скрутив его в узел, кинул Свон.

– Возможно, – качнул он головой, соглашаясь. – Но сегодня в Лигу пришел еще один покупатель. Он тоже просил не выставлять девушку на торги.

Кречет скрипнул зубами, понимая, в какую опасную переделку они попали.

– Если мы примем неправильное решение, – произнес он, – то можем потерять всё.

– Оба покупателя всеильны и способны стереть Форш с лица земли, – высокий торговец остановил задумчивый взгляд на Свон. – Теперь я не знаю, радоваться, что девчонка попала в наши руки, или огорчаться?

– Глупо упускать столь редкий шанс, – вмешался толстяк. – Не лучше ли свести покупателей на торгах внутри Лиги – пусть они сами решают, кому из них достанется девственница. Иначе мы увезем ее в город, и тогда надежды, что рабыня достанется тому или другому, будут минимальны.

– Значит все-таки торги? – Кречет погладил бороду. – Кто из вас отправится на встречу с покупателями и скажет им, что условия продажи изменились? Я свою работу сделал – доставил рабыню сюда, теперь ваш черед.

На следующий день златовласую рабыню нарядили в невесомые одежды и завели в богато украшенную круглую залу с большим количеством окон. Стены, отделанные резным перламутровым мрамором, оттеняли мерцающие серебром занавеси, и легкий ветер раздувал их подобно парусам. Пахло морем и цветами.

Свон, плохо скрывая дрожь, медленно шла к помосту, на котором ее ждал Кречет. Проходя между двумя рядами кресел, в которых располагались покупатели, она сжалась от страха – некоторые из мужчин прятались за масками.

«Кому из них я достанусь?»

Ее взгляд скользил по равнодушным лицам покупателей и вдруг зацепился.

В одном из кресел сидел Алекс.

Надежда оказаться свободной и вернуться на родину ударила по обостренным чувствам и из глаз полились слезы.

Алекс кивнул и ободряюще улыбнулся.

Свон едва сдержалась, чтобы не кинуться к нему. Ей хотелось вцепиться в его камзол и не отпускать до тех пор, пока она не окажется дома. Почувствовав настроение невольницы, Кречет опустил ладонь на ее плечо и громко произнес:

– Перед вами рабыня, о которой мы с вами говорили. Есть ли у присутствующих желание, чтобы она сняла с себя одежды?

Щеки Свон загорелись от стыда.

Кроме Алекса в зале находились еще несколько знакомых ей людей. Те самые бородачи в одежде Лиги торговцев Форша, что приходили посмотреть на нее ночью, стояли у входа, словно в карауле.

Сидящий рядом с Алексом мужчина в маске на вопрос Кречета первым произнес твердое «нет». Он не спускал с нее глаз, и Свон обратила внимание, как напряжена его фигура.

Кресла через проход занимали люди, одетые в черные балахоны. По расслабленным позам этих покупателей можно было предположить, что происходящее действие их просто забавляет. Хотя жадный блеск глаз в прорезях маски никак не вязался с беспечным видом. Один из них на вопрос Кречета тоже произнес «нет», и то лишь потому, что Алекс наклонился и воззрился на него с угрозой.

– Обе стороны предложили Лиге равную цену, поэтому нам пришлось нарушить принятые ранее договоренности и объявить торги, – голос Кречета хоть и был лишен окраски, все-таки выдавал волнение хозяина. Свон, которая не раз слышала, как говорит глава Лиги Торговцев Форша даже в смертельно опасных ситуациях, по едва заметным вибрациям смогла понять, насколько могущественны те покупатели, что сидят напротив нее. Кречет их боялся, но намечающийся барыш делал его дерзким. – Кто из вас даст большую сумму, тот и заберет невольницу себе. Что могут предложить господа с левой стороны?

Мужчина, сидящий рядом с Алексом, подал ему знак, и тот четко ответил:

– Мы удваиваем сумму.

Ладонь Кречета, лежавшая на плече Свон, увлажнилась от пота и дрогнула. Помня вчерашний разговор, девушка сообразила, что сумма, прозвучавшая сейчас, колоссальна. Однако, человек в черном балахоне, сидящий справа от Свон, лениво произнес:

– Добавляю к упомянутой сумме боевого дракона.

Кречет выдохнул и убрал ладонь с плеча невольницы. Тут пришло время Свон затрястись от страха: кто противостоит Алексу? Сможет ли он достойно ответить? И откуда у ссыльного дворянина столько денег? Хватит ли у него золота, чтобы приемная дочь кухарки оказалась на свободе?

– Утраиваю сумму, – голос старого друга почему-то донесся издалека. Свет медленно тускнел. Мысленно задаваемые вопросы превратились в маленьких светлячков и вихрем закружились вокруг Свон. «Что происходит? Почему никто не обращает внимания на мельтешение тысячи огоньков? И отчего так кружится голова?» – это были последние ее мысли перед тем, как она потеряла сознание.

– Добавляю к этой сумме двух боевых драконов, – равнодушным голосом произнес человек в черном балахоне. Никто из присутствующих не видел, что его пальцы под покровом широкого рукава пришли в движение. Они выводили сложную вязь заклинания, и Свон, послушная воле мага, начала медленно оседать на пол.

Кречет подхватил девушку, к нему на помощь кинулся Алекс, но подлетевшие к помосту бородачатые представители Лиги успокоили всех:

– Это всего лишь обморок! Мы вынесем невольницу на свежий воздух. Наши женщины о ней позаботятся. Продолжайте торги.

Присутствующие в зале проводили взглядом удаляющуюся фигуру торговца с рабыней на руках. И опять никто не заметил, что на губах человека в черном балахоне цветет улыбка.

Свон лежала на ковре в просторном шатре из белой ткани. Слышался шум моря и крики чаек. Несколько женщин сидели рядом с ней и махали большими веерами, разгоняя горячий воздух. Волосы Свон, подчиняясь потокам, щекотали кожу лица. Создавалась иллюзия насто-

ящего ветра, гуляющего из стороны в сторону и тревожащего своими прикосновениями белое убранство шатра.

Внезапно одна из женщин уронила веер и рухнула ничком. Вторая тоже начала креститься, пуская изо рта кровавые пузыри.

Едва пришедшая в себя Свон зажмурилась. Ей показалось, что странный сон, начавшийся с полета светлячков, продолжается и стал еще страшнее.

Испускаемый служанкой сиплый вздох заставил открыть глаза, и Свон с ужасом увидела, что в спине умирающей торчит короткая стрела. Пятно крови медленно расплзлось, окрашивая бесцветную одежду в ярко алый.

Еще одна женщина повалилась к ногам Свон. Выпущенная беспощадной рукой стрела пронзила ее горло, и широкая струя крови билась из раны толчками.

Свон хотела закричать, чтобы позвать стражу, и даже набрала полные легкие воздуха, но, словно рыба, выброшенная на берег, лишь беззвучно открывала и закрывала рот. Попыталась подняться, чтобы спастись бегством, но поняла, что не может пошевелиться.

В бессильной панике наблюдала она, как кинжал кромсает ткань тыльной стороны шатра, куда вскоре шагнул человек в одежде Лиги Торговцев Форша. Бородач склонился над обездвиженной пленницей, словно хотел убедиться, что она та самая, за кем его отправили, и, остро глянув в большие от страха глаза, ловко завернул добычу в ковер. Очутившись внутри, Свон начала задыхаться, но похититель, не церемонясь, водрузил тяжелый сверток к себе плечо, чем вышиб из несчастной девушки дух, и покинул беседку.

Пробежав всего-то с десятков шагов, бородач вытряхнул добычу на пол беседки, установленной на спине дракона. Белый, как снег, ящер повернул огромную морду и с интересом наблюдал за лежащей на полу светловолосой пассажиркой.

«Арроу!» – раздался крик усевшегося на свое место погонщика, и, дракон, повинувшись команде, оторвался от земли. Несколько взмахов крыльями, и в воздух взметнулись миллионы песчинок.

Ни одна душа не вышла из дома, и не удивилась столь внезапному смерчу. Покупатели увлеченно торговались за рабыню, а представители Лиги мысленно упивались свалившимся на них счастьем. Такие высокие ставки старый портовый город еще не знал.

По команде погонщика дракон начал разворачиваться в сторону моря. Хорошо, что Свон крепко пристегнули ремнями, иначе ее обездвиженное магией тело вывалилась бы на крутом вираже. То, что для похищения к ней применили магию, сомневаться не приходилось. Чей-то тщательно подготовленный план удался – пленница покинула мраморную комнату до завершения торгов. Определенно, рабыня стоила больших денег – ведь похититель, не задумываясь, убил несколько невиновных женщин.

Закончив разворот, дракон полетел к береговой линии, и перед его пассажирами открылись величественные виды древнего города.

Архитектура зданий Форша поражала разнообразием. Под крылом дракона раскинулись разномастные по размеру площади, создавая разноцветьем своих торговых шатров и павильонов причудливый рисунок. С высоты они выглядели так, словно мастерица-волшебница собрала яркие лоскуты и, сшив из них огромное одеяло, бросила его на красные пески, испещренные то тут, то там белыми камнями. То белокаменные дворцы возносили к небесам свои башни, а рядом с ними, точно безглазые карлики, ютились низкие здания, на стенах которых не было видно ни одного окна. Плоские крыши домов, заросшие зеленью и вьющимися растениями, чередовались с синими и зелеными куполами, которые умелые зодчие расписали звездами. А в самом центре города, словно жемчужина в раковине, тянула ввысь свои остроконечные шпили, венчаемые флюгерами и стягами с раздвоенными языками старинная крепость, построенная из редкого перламутрового камня – оплот власти порочного Форша.

Высокие башни, исполинами вставшие над городом, словно стражники, несущие неустанный дозор, соединялись между собой подвесными мостами. По ним неспешно шли люди в богатых одеждах. Каждая такая башня венчалась короной – площадкой для приземления драконов.

На извилистых улочках кипела своя жизнь: толпы людей с корзинами, лотками и мешками спешили от одной площади к другой. Вдоль городских стен тянулись торговые ряды – открытые павильоны, где активно шла торговля любым товаром, в том числе живым. Свон различила группу раздетых женщин, жавшихся друг к другу. Каприз судьбы избавил ее от участи испытать унижение на уличных торгах.

В небе кружили большие птицы. Приглядевшись, Свон поняла, что это драконы. В книгах подробно описывались подобные ящеры, и, судя по тому, что она видела на картинках и наяву – все они имели черный окрас. Белоснежный дракон, на котором ее вез похититель, скорее всего, был такой же редкостью в здешних краях, как и белокурая девушка.

Погонщик, до сих пор не обращающий на пленницу никакого внимания, вдруг обернулся к ней и, махнув рукой, показал на что-то внизу:

– Смотри, смотри! Туда, где доки!

Дракон сделал плавный маневр, и Свон увидела, что с правой стороны небо заволочло черным дымом. На пристани царила суета, люди бежали в разные стороны, корабли снимались с якорей и, неуклюже двигаясь в небольшом водном пространстве, пытались покинуть бухту. В воздухе летали искры, слышались хлопки, горящие куски парусины опасно мотало ветром. Они могли в любой момент сорваться с мачт и унести туда, где скопились неповоротливые груженные товаром корабли.

Это полыхал «Свирепый». Свон узнала парусник по носовой фигуре. Змейки огня лизали морду вепря. Казалось, деревянная фигура ожила и двигала огромными клыками в такт потевшему управлению кораблю. На палубе, где гигантскими свечами горели мачты, не было ни единой души. Свон почувствовала облегчение: она не желала команде, с которой провела больше месяца в пути, смерти. Перед глазами встал образ улыбающегося кока, и ее сердце заняло от тоски. Где Роки? Выжил ли? Доведется ли им когда-нибудь встретиться?

Она хотела было расспросить погонщика о судьбе команды, но голос еще не вернулся, а мужчина не посчитал нужным объяснить.

Огонь, рвущийся по мачтам вверх, вернул Свон еще одно воспоминание: разговор Зорга и его помощника Скира-Кво, который она нечаянно подслушала. Тогда она узнала, что наследник сжег дом Изры. Может быть гибель «Свирепого» тоже его рук дело?

Подумав об Эдуарде, Свон представила его лицо. Вспомнился задумчивый взгляд принца, который она ловила на себе во время их неудавшегося танца, приподнятые уголки губ, готовые разойтись в улыбке, когда она путала фигуры. Потом в памяти всплыли такие подробности, как блеск карих глаз, появляющаяся между бровями складка... И запах духов цветущих цитрусовых деревьев. Словно наваждение – стоило Свон подумать о принце, как она словно наяву почувствовала этот легкий аромат.

Что-то смутно-знакомое отметила она в одном из присутствующих на торгах. Волнение и страх не позволили ей подробнее разглядеть человека в маске, сидящего рядом с Алексом.

Мысленно Свон сняла с лица мужчины маску и задохнулась от озарения. Это был Эдуард! Но почему же она не узнала его сразу? Что помешало? Нереальность того, что за нее мог торговаться чуть ли не первый человек Эрии, или радость от близкой свободы, которая все объяснила бы без ненужных терзаний?

Но как Алекс смог уговорить наследника прибыть на торги? Неужели опальный дворянин имеет столь значительный вес при дворе? А был ли Алекс в опале на самом деле?

У Свон закружилась голова. Ей казалось, что вот-вот откроется некая истина, объясняющая, почему наследник участвует в ее судьбе. Может быть, она ему интересна как женщина?

Или дело все-таки в ценном кольце? А вдруг вся кутерьма из-за тайны его рождения? Но зачем тогда предлагать на торгах большие деньги за человека, знающего опасные тайны? Не проще ли дать сгинуть в каком-нибудь гареме?

«Ах, да, – Свон обреченно вздохнула, – корона стоит дороже».

У нее возникло подозрение, что и Алекс, и наследник давно связаны между собой. Но насколько давно? Когда ссыльный дворянин появился в ее жизни?

Память подсказала: Алекс пришел после ярмарки вместе с Амали, вызвавшись нести тяжелые корзины. Как раз после чудесного спасения служанки из реки, и отъезда графской семьи в столицу. Именно тогда у Свон появилось ценное кольцо. А теперь напрашивался вывод, что Алекс присматривал не за ней, а за ценной вещью, которая по какой-то причине не хотела покидать палец сироты.

«Это что же получается: Алекс-надзиратель?»

Заодно, и учитель. Грамотный, терпеливый, отзывчивый, все умеющий. И любящий кухарку Амали, которая намного его старше. Подозрительно? Без сомнений! Любовь дворянина, пусть и опального, и простушки, вдовы... Хм. Алекс находился пять лет рядом с ними, помогал, поддерживал. И пытался спрятать Свон, когда она узнала тайну королевы!

«Кто ты, Алекс? Ради кого прибыл в Форш? Ради меня? Или по долгу службы принцу? Друг ты мне или враг?»

Окончательно запутавшись в догадках и доводах, Свон решила отвлечься, и принялась смотреть на то, что происходило внизу. Дракон летел над морем. На бескрайнем водном просторе не было ни острова, ни корабля. Солнце медленно садилось за горизонт. Ветер трепал косу, выбившиеся пряди метались по лицу. Становилось холодно. Увидев, что пленницу бьет озноб, погонщик вытащил из-под сиденья шерстяной плед и накинул на нее. Тепло и мерное покачивание погрузили Свон в дрему.

Она проснулась от того, что ее берут на руки. Дракон лежал посередине мощеной площади. В свете луны виднелись зубцы высокой оборонительной стены, а во дворе горели десятки факелов. Повернув голову, Свон разглядела мрачное каменное строение, вершина которого терялась в темноте.

Когда ее несли мимо дракона, тот шумно выдохнул через ноздри, подняв частицы земли в воздух. Погонщик недовольно прикрикнул на него. Но дракон вдруг потянул морду к его рукам, словно хотел еще раз взглянуть на пленницу. То ли необычный цвет дракона делал его не таким страшным, то ли Свон была не в себе, но она успела погладить его шершавую губу. В ответ дракон оскалился, и пленница могла поклясться, что дракон улыбнулся! И еще она поняла, что скованность рук пропала. Действие магии заканчивалось.

Похититель занес Свон в достаточно освещенную комнату, хорошо прогретую, благодаря горящему камину. Погонщик положил ношу на мягкую постель и, не произнеся ни слова, удалился. Свон приподнялась на локтях и огляделась. И полог над кроватью, и ковры на полу, и стены, украшенные гобеленами, свидетельствовали о том, что она находится не на востоке. Слишком разнились стили западных и восточных стран.

Спустив ноги с кровати, Свон осторожно встала. Пока она решала, подойти ей к двери или выглянуть в единственное не зарешеченное окно, послышался торопливый стук каблуков. Дверь распахнулась, и в комнату вошла прекрасная леди.

Увидев незнакомку, Свон облегченно выдохнула. Лицо рыжеволосой красавицы светилось добротой. Она радостно улыбалась девушке, словно встретила родного человека, легкими шагами пересекла комнату и заключила гостью в объятия.

Невольница оторопела от столь теплого приветствия. Незнакомка не торопилась выпустить ее из кольца своих рук, и этот дружественный жест позволили Свон расслабиться.

– Как я рада прижать тебя к своей груди! – пропела рыжеволосая. Именно пропела, до того ее голос был чист и приятен слуху.

Красавица, ее поведение, ласковый говор ошеломили Свон. Минутное человеческое отношение – и напряжение, копившееся с момента похищения, враз схлынуло. У Свон неудержимо потекли слезы, от едва сдерживаемых рыданий затряслись плечи, но незнакомка обняла девушку еще крепче и зашептала на ухо:

– Успокойся, милая Свон. Ты дома. Тебе больше ничего не грозит.

Свон почувствовала, что незнакомка беременна. Ее объемные одежды не позволяли сразу распознать большой срок. Это обстоятельство внушило Свон еще большее доверие к женщине.

Глядя в утешение плачущую Свон по спине, молодая женщина увлекла ее к кровати и, разняв объятия, села рядом. Протянув гостье платок, она участливо посмотрела ей в лицо.

– Ну-ну, дорогая! Перестань лить слезы. Ты должна радоваться: все ужасы остались позади!

– Я радуюсь, – прошептала Свон. – Не могу поверить, что все кончилось. Спасибо вам за участие. А где Алекс?

– Кто такой Алекс? И, пожалуйста, никаких «вы»! Мы же с тобой сестры.

– Сестры? – теряясь в догадках, спросила Свон.

– Почти. Во всяком случае, скоро станем. Я Леоль – жена брата твоего будущего мужа. Согласись, мы будем не только сестрами, но и добрыми подругами?

– Кто мой будущий муж? – уловила Свон самое важное из потока слов.

– Узнаю мужчин! – засмеялась Леоль. – Не удосужились спросить, согласна ли ты выйти замуж, но уже все распланировали! Со мной было также!

Свон хотела повторить вопрос, но Леоль невозможно было остановить: румянец покрыл ее нежную кожу, пухлые губы расплылись в смущенной улыбке, взгляд мечтательно взмыл ввысь, словно там гнездились все ее приятные воспоминания.

– Ах, дорогая Свон! Как все было красиво и романтично! Мой любимый пришел однажды утром в мою комнату, взяв на руки прямо из постели, и отнес в зал, где был совершен свадебный обряд. Никто из гостей, приглашенных разделить с нами радостный миг, не обратил внимания, что невеста стояла босиком и в ночной рубашке. Главное – свершилось чудо, к которому мы стремились все эти годы. Я была счастлива!

Коротко взглянув на Свон, рыжеволосая красавица продолжила свой рассказ:

– Может быть, ты нас осудишь. К чему была такая спешка? Если бы ты знала, через что нам пришлось пройти! Верный рыцарь спас даму, то есть меня, из пучины несчастий, куда ее вогнала злодейка-судьба! Три года назад череда бед обрушилась на мой дом. Сначала погиб старший брат – его убили грабители, когда он возвращался от короля. Буквально через полгода был отравлен младший брат. Бедняга промучился неделю, прежде чем Бог забрал его к себе. Мои несчастные родители не могли пережить потерю сыновей и умерли в один день. Их нашли в постели: обнявшись, они лежали рядом друг с другом.

Леоль взяла из рук Свон платок и промокнула им набежавшую слезу. Вздохнув, она продолжила:

– В течение года я сделалась круглой сиротой и наследницей большого состояния, в которое входили более пятнадцати крупных замков и несчетное количество угодий, лесов, деревень. Вокруг меня сразу же началась суета: появились дальние родственники, желающие взять на себя управление моим имуществом. Я едва отбивалась от алчущих женихов, которые еще при жизни родителей не давали мне прохода, а после смерти и вовсе словно с цепи сорвались. Но никто из них не мог сравниться ни по уму, ни по красоте с любимым, с которым я тайно встречалась. Почему тайно, спросишь ты? Ты знаешь, к чему обязывает богатство? Равные должны выбирать равных. Наш союз никогда не одобрил бы король. Но мы так любили друг

друга! Мой избранник все время был рядом, поддерживал и, наконец, взял ответственность за судьбу сироты. Разогнал женихов, жадных родственников, навел порядок в замках. Заменял слуг, распустившихся от безнаказанности и погрязших в воровстве, на своих людей. Теперь замки охраняются, и я спокойна. За себя и за будущих детей.

Леоль ласково погладила свой живот и грустно улыбнулась.

– Это вторая попытка. Мой первенец умер, едва появившись на свет. Мне дали попрощаться с дочкой, когда я лежала в послеродовой горячке. Казалась, девочка только что уснула.

Леоль виновато посмотрела на свою собеседницу.

– Ты столько пережила и понимаешь, как нужна помощь в тяжелый момент. Опять мой муж поддерживал меня, утешал, ухаживал, возился со мной, когда я капризничала. А через год чудо повторилось, и вот-вот появится наш малыш. Я счастлива. Уверю тебя, ты тоже будешь счастлива, ведь мой муж и твой жених так похожи!

Свон заморожено слушала сбивчивый рассказ Леоль, не решаясь вставить слово, боясь обидеть новоиспеченную подругу. Ей хотелось узнать, о ком так тепло отзывается Леоль, кому доверила свою жизнь? И, наконец, кто этот загадочный жених? Миллион мыслей пронеслось в ее голове, когда она слышала подсказки: король, братья, тайный брак. Сердце гулко стучало в предвкушении желанного имени.

– Так кто же мой жених?

Глава 10

– Слышишь шаги? – Леоль подняла палец вверх и загадочно улыбнулась. Свон прислушалась и действительно услышала чей-то мягкий, но торопливый шаг. Ее сердце зашло в диком ритме, а во рту пересохло. – Это наверняка он!

«Эдуард?!»

Увидев, кто распахнул дверь, Свон не сумела скрыть разочарования.

– Камиль! – радостно вскрикнула Леоль, обернувшись на вошедшего в комнату черно-волосого мужчину. – Я хочу пожуричь тебя. Почему ты не сказал Свон, что готовишься взять ее в жены? Неужели решил последовать примеру моего мужа и привести невесту на свадьбу в ночной рубашке?

Она радостно засмеялась, не обращая внимания ни на напряженный взгляд Камилля, устремленный на Свон, ни на внезапную бледность гостыи.

– Леоль, твой муж заждался тебя, – тихо произнес Камиль.

Рыжеволосая красавица смутилась, осознав, что стала лишней. Придерживая низ живота, она неловко поднялась с кровати и поспешила к выходу.

– Мы еще увидимся за ужином, дорогая Свон, – обернулась она у двери.

Тишину, воцарившуюся в комнате после ухода Леоль, нарушали лишь потрескивающие в камине поленья. Камиль – тот самый черноволосый незнакомец, что произвел неизгладимое впечатление на женщин замка Шовеллер, тот самый мужчина, чей завораживающий взгляд безошибочно выделил из толпы неприметную служанку, тот самый Бахриман, что рассказал Свон о Кольце Жизни, чем ввел ее в смятение, подошел к очагу и, взяв кочергу, поворошил угли. Сноп искр ярко осветил задумчивое лицо.

– Как ты? Не сильно тебя утомила Леоль?

Свон предпочла промолчать.

– Смотрю, ты расстроена. Ожидала вместо меня увидеть другого человека?

Не дождавшись ответа на свой вопрос, он скривил губы в улыбке:

– Решила молчать?

Пристроив кочергу у каминной решетки, Камиль подошел к креслу, легко поднял его и поставил напротив кровати, на которой сидела Свон.

– Поговорим?

Удобно расположившись, он поднял глаза на девушку.

– Кто я теперь? – не выдержала его взгляда Свон. – По-прежнему воспитанница графа Шовеллер или рабыня, проданная в Форше? Гостыя или невольница?

Камиль все понял правильно и, улыбнувшись, сказал:

– Начнем с того, что ты больше не рабыня.

– Значит, я могу покинуть замок и вернуться на родину? – уточнила Свон.

Камиль поморщился:

– Нет. Пока нет.

Но увидев горькую улыбку на лице Свон, добавил:

– Это для твоей безопасности. Мы с трудом вытащили тебя из Форша, поэтому придется смириться с временной несвободой.

– Я хочу знать, почему ты...

– Почему тебя спас я, а не принц?

Свон хотела задать совсем другой вопрос. Почему он назвался ее женихом, ведь они знакомы совсем недолго. Но чтобы понять, что Камиллю нужно от нее, какие цели он преследует, решила не перебивать и выслушать до конца.

– Милая Свон! Я спас тебя. И прежде всего, от принца. Тебе показали горящий корабль? Знаешь ли ты, что до этого сожгли дом Изры и жилище некоего торговца по имени Пинг-Мо? Его, старуху и каждого члена банды во главе с Марексом казнили. Понимаешь ли ты, что, следуя за тобой по пятам, наследник уничтожает всех, кто хоть как-нибудь оказался причастным к твоему похищению? Сначала я не понимал, к чему такая жестокость. Но потом разобрался: ты владеешь некоей государственной тайной. Основная цель Эдуарда – ты. Исчезнешь ты, и исчезнет угроза королевству Эрия.

Свон не выдержав, перебила Камиля:

– Но принц мог уничтожить меня еще в замке Шовеллер! К чему такая сложная игра? Его люди легко придушили бы меня в темном закоулке. Зачем приглашать на бал, вежливо обходиться, ухаживать, дарить драгоценности, танцевать?

– О, значит я прав. Тайна есть.

Камиль опять улыбнулся, а Свон от досады, что ее провели, закусила губу, ругая себя на чем свет стоит.

– Милая Свон, я знаю, почему тебя не тронули. Они просто не могут. Все дело в Кольце Жизни. Пока ты его носишь на пальце – ты, можно сказать, бессмертна. Это не абсолютное бессмертие и не гарантия того, что будешь жить тысячу лет. Нет, далеко не так. Но тебе не грозят смертельные раны и болезни, самый сильный яд и гибель от кровопотери. Тебя невозможно ни задушить, ни утопить. Естественно, все это может с тобой случиться, и ты испытаешь страшные муки, но не умрешь. Раны заживут, зарубцуются, и ты проживешь отведенный Богом срок.

– Меня совсем нельзя убить? – воодушевилась подобной мыслью Свон.

– Можно. Например, вырезав сердце или отрубив голову. Но никто, знающий о Кольце Жизни, не захочет убивать его хозяина или хозяйку. У невзрачной на вид безделицы есть один секрет: как только погибает от насильственной смерти тот, на чьем пальце красуется Кольцо Жизни, оно тут же утрачивает магические свойства. Кольцо – древняя и баснословно дорогая реликвия. Наследник сделает все, чтобы вернуть себе возможность жить, не боясь ядов и болезней. Он точно не тронет тебя, пока ты носишь кольцо. Зато может поступить по-другому: заставить снять магическую вещь и вернуть ему.

– Я с удовольствием отдала бы кольцо сама, но не могу. Оно не снимается.

– Каждое Кольцо Жизни, а их осталось всего пять, передается от человека к человеку с помощью магической фразы, свойственной только этому кольцу. Ты не помнишь, что произнес Эдуард, когда спас тебя от гибели?

– Нет, не помню.

– Теперь ты понимаешь, почему тебя преследует принц? Он старается сохранить государственную тайну и вернуть реликвию. Пока ты владеешь украшением, ты неуязвима. Если же тебе случится попасть к Эдуарду в руки, он хитростью или шантажом заставит тебя произнести магические слова и вернет принадлежащее короне. Не сомневайся, как только ты скажешь заветную фразу, твои дни будут сочтены.

Сделав паузу и оценив, насколько сильное впечатление произвели его слова на Свон, Камиль продолжил:

– Я предлагаю тебе защиту. Старинный род жрецов Сулейха, владеющий сокровищами половины мира, не даст жену одного из своих сынов в обиду. На раздумья у тебя есть всего два дня. Отсюда ты выйдешь либо моей женой, либо сделаешься добычей наследника. Выбирай!

– Зачем я тебе?

– Любовь, – ровным голосом произнес Камиль.

Свон немного иначе представляла признание в любви, поэтому ни капельки не поверила новоявленному жениху. Появилась еще одна загадка, с которой ей предстоит разобраться. А в запасе всего два дня.

– Третий вариант возможен? – спросила она на всякий случай.

– Побег? – иронично улыбнулся мужчина. – Нет. Из замка ты не сможешь выбраться.

Заметив быстрый взгляд Свон в сторону не зарешеченного окна, Камиль поднялся с кресла.

– Смотри, – сказал он.

Подойдя к распахнутым настежь створкам окна, высунул руку наружу, держа навесу кожаную перчатку. Огромный столб пламени мгновенно вырос откуда-то снизу и испепелил мужской аксессуар.

Камиль спокойно закрыл окно.

– Если не хочешь стать пищей для дракона, не высовывайся.

«Хорошо, что до прихода Леоль я не успела выглянуть в окно, иначе превратилась бы в горстку пепла», – подумала впечатленная показательным выступлением Свон.

– Скоро подадут ужин, а завтра Леоль познакомит тебя с устройством замка. В нем есть внутренний дворик, заросший цветами, где она обычно проводит время. Не тревожь ее ужасами своего путешествия, ей скоро рожать, – посоветовал Камиль, направляясь к двери. – Мой брат с нетерпением ждет сына.

Поклонившись, «жених» покинул комнату.

Свон пересела в кресло, стоящее у камина, и уставилась на огонь. Ей нужно было подумать.

Внезапно послышался неприятный скрежет. Когда Свон обернулась, то заметила за окном промелькнувшую тень. Приблизиться она опасалась, но все-таки решилась, рассудив, что ничего ужасного не случится, если она только глянет, откуда раздается столь противный уху звук.

«Я же не буду высовываться по пояс!»

Только подойдя к подоконнику, Свон заметила, что стекло запотело и на нем проявилось слово из четырех коряво написанных букв.

Пока Свон, заинтригованная надписью, раздумывала, что означают эти странные буквы, они начали исчезать. Еще мгновение, и от них не осталось и следа. А за окном возникла огромная драконья голова, которая подышала на стекло, и слово вновь четко проявилось.

От неожиданности Свон отпрянула в сторону, но успела поймать на удивление умный взгляд дракона. Убедившись, что девушка смотрит на него, белоголовый еще раз дыкнул, ткнул мордой в проявившееся слово и улыбнулся, ощерив всю сотню острых зубов.

Только теперь Свон поняла, что за окном находится тот самый дракон, что привез ее в замок Леоль.

Как известно, улыбка может творить чудеса. Неожиданно для себя самой, Свон, поддавшись обаянию уже знакомого ящера, высунулась в окно.

Не веря до конца, что чудовище может писать, она взглянула на обратную сторону стекла и легко смогла прочесть слово, которое до того казалось бессмысленным набором букв. Оно гласило «ВРЁТ».

– Кто врёт? – поинтересовалась Свон у дракона, и тут же добавила. – Камиль?

Белоснежный ящер важно кивнул головой, и через мгновение растворился в темноте. За спиной Свон послышались шаги.

– Хозяйка, что вы делаете? Разве вас не предупредили – окно открывать нельзя? Там злобный дракон, который сожжет вас своим огненным дыханием!

Поздняя трапеза проходила в большом зале. В просторном помещении свободно гуляли сквозняки, которые не в силах были сдержать даже плотные разноцветные гобелены, развешенные на стенах. Огонь в камине, трепещущий от потоков воздуха, совсем не согревал сидящих за столом людей.

Место напротив Свон оставалось не занятым. На противоположных концах длинного стола расположились Леоль и незнакомый мужчина, внешне похожий на Камиля. После представления друг другу, Свон узнала, что он и есть Халид, старший брат ее «жениха».

Рыжеволосая красавица казалась молчаливой. Она неохотно ела и без конца куталась в шерстяную шаль. Свон так же, прислушавшись к совету служанки, оделась в принесенную для нее теплую одежду. Но даже меховая жилетка не спасала от холода. В замке было настолько сыро и темно, что создавалась гнетущая атмосфера, и только приятный голос Леоль, изредка звучащий в зале, немного успокаивал Свон.

Ей хотелось как можно быстрее вернуться в комнату и возобновить столь не вовремя прерванную «беседу» с дружелюбным драконом. Но застолье тянулось и тянулось. Неловкую тишину лишь иногда нарушал короткий обмен репликами между супругами. Халид не проявлял никакого интереса к Свон, и вел себя так, словно гости за столом не существовало, что ее вполне устраивало.

Ужин подходил к концу, но Камиль так и не появился. У хозяев это обстоятельство не вызвало ни недоумения, ни недовольства. Видимо его отсутствие было привычным делом.

А Свон пустой стул радовал. Она боялась Камиля, который делал все, чтобы поселить в ней ненависть к принцу. Рассказывая о том, как Эдуард немилостиво уничтожает разбойников и работорговцев, сам жрец почему-то умалчивал о гибели ни в чем неповинных женщин, что наверняка по его приказу пали от рук наемника.

«Вполне может быть, я не должна была так рано прийти в себя и увидеть страшную расправу, – думала Свон, вспоминая, как Камиль делал из себя героя-спасителя служанки, за которой гонится могущественный убийца. – Нужно быть с ним осторожной. Он коварный враг».

После подачи десерта Леоль пожаловалась на озноб и, извинившись, покинула зал, поддерживаемая под руку Халидом. Свон решила, что и ей пора в свои покои.

У дверей ее поджидала служанка, которая проводила в комнату и помогла переодеться ко сну. Уходя из спальни, угрюмая служанка, отвечающая на все расспросы лишь «да» или «нет», заперла за собой дверь на ключ, отчего Свон опять почувствовала себя пленницей.

По пропадающему свету луны Свон поняла, что за окном маячит драконья морда. Накинув на плечи покрывало, Свон распахнула ставни настезь.

– Привет, – прошептал дракон и широко улыбнулся.

Сложно, весьма сложно назвать шепотом тот неясный рык, который донесся до слуха Свон. Она оглянулась на дверь, переживая, что их могут услышать.

– Не пугайся, – опять «зашептал» ящер. – Это окно единственное с северной стороны замка. Нас никто не услышит.

– Я не знала, что драконы умеют разговаривать!

– Драконы не умеют. Открою тебе страшную тайну: я один такой, – белоголовый подмигнул Свон.

Свон не стала спрашивать, что еще умеет дракон. Его способностей к письму и к подмигиванию оказалось достаточно, чтобы понять: этот красавец – необычное существо.

– Отчего вдруг ты мне доверился?

– Я хочу загладить вину. Ты, скорее всего, не помнишь, но мы уже встречались.

– Как? Я никогда раньше не видела белого дракона! До недавнего времени я вообще никаких драконов, кроме тех, что нарисованы в книжке, не видела. Нашу встречу сложно было бы забыть!

– Ты была совсем малюткой.

Признание дракона поразило Свон так сильно, что она села на ковер. В голове пронеслись сотни вопросов, которые следовало бы задать, но бедняга не смогла совладать с чувствами,

поэтому просто расплакалась. Наконец, появилось существо, которое может пролить свет на ее прошлое!

– Ну, ты чего, крошка? – ласково спросил дракон. Он вертел головой, пытаясь увидеть сидящую на полу девушку, но большая морда не помещалась в оконном проеме.

Вытирая краешком ночной сорочки глаза, Свон поднялась и подошла ближе к дракону.

– Скажи, милый дракон, кто я? Откуда я и кто мои родители? Ты их видел?

– На первый вопрос, уж прости, ответа не знаю. Семнадцать зим тому назад меня наняли, чтобы я украл дитя и отнес его в замок Шовеллер.

– Шовеллер? Этим ребенком была я?

Дракон кивнул, а потом, как-то приосанившись, словно давно готовил свой рассказ, зашептал:

– Позволь рассказать все подробно и, пожалуйста, не перебивай. Мне нужно излить душу. Знаешь, у драконов она тоже есть, и свершенная подлость гложет ее почище волчьих зубов, что в голодную пору грызут высохшую кость. Так вот, дом, куда мне надлежало прибыть как можно скорее, находился высоко в горах. Я летел, преодолевая силы, но потом долго кружил в небе, дожидаясь возможности стащить ребенка, но он, словно мать чувствовала беду, находился все время внутри усадьбы.

Дракон виновато посмотрел в глаза Свон.

– И вот, в полдень несчастная женщина вынесла люльку в небольшой садик на обратной стороне двора. Она немного посидела рядом с засыпающим ребенком, а потом что-то привлекло ее внимание, и она спешно вернулась в дом. Я видел, как она сомневается, взять дитя с собой, или нет, но все-таки оставила младенца и ушла, оглянувшись на люльку лишь раз.

Вздыхнув, дракон продолжил свой рассказ. Свон боялась пропустить хоть слово, поэтому так близко наклонилась к драконьей морде, что чувствовала его дыхание. Не особо приятное дыхание, видимо дракон недавно съел кого-то вместе со шкурой. Скорее всего козла.

– Я не стал дожидаться более подходящего случая и, спустившись так низко, насколько мог, подцепил люльку. Уже поднявшись в небо на достаточное расстояние от земли, мне вдруг захотелось вернуться назад. Не знаю, что заставило меня развернуться: жалость ли к тебе, такой маленькой и беззащитной, или сострадание к женщине, которая никогда не увидит свое дитя или...

Дракон закрыл глаза и опять вздохнул. Свон не замечала ни смрада от дыхания дракона, ни сильных воздушных толчков от его выдохов. Дракон знал женщину, державшую дитя в своих руках!

– Это была моя мама?

– Да. Я уверен в этом. Как только я увидел тебя в Форше, сразу понял: ты и есть та самая малышка из Окайро. Крошка, ты очень похожа на свою маму. Один в один.

– Ты можешь отнести меня к ней?

Свон забыла, что она невольница. Ей хотелось в место с волнующим названием «Окайро», туда, где находился ее дом.

– Когда я возвратился, то издали заметил столб черного дыма. Подлетев ближе, понял, что горит дом. Сделав круг-другой, я увидел под сенью скал женщину в черном одеянии. Она спокойно наблюдала, как огонь перекинулся на дворовые постройки, деревья и цветы в маленьком садике. И она не была твоей мамой. Ее темные волосы трепал горный ветер, и женщина пыталась заправить их под накидку.

И опять долгий вздох. Дракон виновато посмотрел на Свон.

– Я не мог долго кружить. Впереди ожидала дорога в замок, а ты могла проснуться в любой момент. Прости, но твоя мама погибла. Невозможно было выжить в «адовом огне». Горел именно он, я знаю. Женщина в черном творила магию и, если бы я не выкрал тебя...

– Меня бы тоже ждала смерть в огне, – закончила Свон, потрясенная до глубины души страшной историей. Она только что обрела надежду увидеться с матерью, и тут же ее утратила.

– Прости, малышка. Ты можешь винить меня в чем угодно, но вон как оно все получилось...

– Кто тебя послал похитить ребенка?

– Я не знаю. Это был высокий мужчина в богатых одеждах, который выкупил меня у торговцев Форша за день до полета в Окайро. Я не решился бы на преступление, но мужчина держал в заложниках мою Трилли – драконицу, которую я любил больше жизни. Новый хозяин обещал нам свободу. Но как только я вернулся, меня опять ждали торговцы Форша. С тех пор я ни разу не встречал того богача и потерял след Трилли.

– Как же тебя зовут? – Свон вспомнила, что дракон так и не представился.

На улице начинало светать, и Свон обратила внимание, что у дракона глаза цвета голубого льда. Очень необычные, прозрачные. И вообще, дракон сильно отличался от остальных ящеров, которых ей довелось увидеть за время своего путешествия. Взять хотя бы того великана, что увозил ее с корабля: его желтые глаза отражали злость, полностью соответствующая свирепому виду.

– Гри. Называй меня Гри. Ты знаешь, что у драконов по имени можно определить большой он или маленький? Я средний по размеру, поэтому мое полное имя состоит из дюжины букв. А у почтовых драконов их всего-то четыре. Не надо тебе запоминать мое полное имя. Я сам себя наказываю сокращением его до трех букв. Я не достоин длинного имени.

Свон поняла, Гри принижал себя. Даже у дракончиков Кырка и Дырка имена длиннее.

Свон вздохнула, вспоминая своих подопечных. Где они теперь? Спаслись ли с горящего корабля? Сердце тут же зануло от тоски по Роки. Черный великан тоже мечтал о свободе. О свободе для нее.

– Разве ты не можешь улететь и жить свободным, как мечтаешь? Что тебя держит здесь? Ты прикован цепями? – Свон высунулась по пояс в окно, и удивилась, как высоко она находилась. Да, Гри совсем не маленький дракон.

– Нет, драконов не держат на цепи. Нас сковывает магия. Мы можем взлететь только по команде погонщика. Ты, наверное, слышала, как они кричат «Арроу»? Я бы оборался до хрипоты, если бы вздумал взлететь с помощью такой простой команды, но к сожалению, сами себе мы не можем приказывать. Я пробовал. Не работает.

– А если я его произнесу?

– Не знаю. До сих пор погонщиками были только мужчины. Попробуй, крикни мне «Арроу»!

– Я не стану напрасно пробовать, – ответила Свон, поправив съехавшее с плеча одеяло. – Если я крикну, ты тут же улетишь и оставишь меня одну. А я хочу, чтобы мы улетели вместе.

– Но для этого тебе нужно выбраться из комнаты и сесть на место погонщика. А ты, как я погляжу, заперта.

– Постой! – Свон задумалась, вспомнив, что дракон не говорил о погонщике, когда похищал ее. – Кто правил тобой, когда ты летал в замок Шовеллер? И почему тебя не видели ни колдунья в черном, ни слуги замка Шовеллер?

– Пфф, – выдохнул дракон через нос. – Как много вопросов. Но раз уж мы нужны друг другу, я открою все тайны. Во-первых, ты права, я могу летать без погонщика. Достаточно произнести команду «Арроу». Но! Кто мне крикнет это слово, когда я приземлюсь, а потом вновь захочу вновь взмыть в небеса? Как долго мне придется шастать пешком, пытаясь найти охотника покричать, чтобы я полетел?! «Арроу» – это разрешение к полету. Без него я словно простая лошадь.

– А как же я оказалась на земле, когда ты принес меня к замку Шовеллер? Кто тогда прокричал тебе магическое слово, позволив вернуться восвояси?

– Никто. Я просто вытряхнул тебя из люльки. И даже не приземлялся. Правда, люльку потащил с собой, потому что хозяин на этом настаивал. Я потом долго размышлял и пришел к выводу, что, скорее всего, на пеленках было вышито твое имя, а хозяин хотел сохранить его в тайне. Богатые часто нашивают родовые гербы на одежду. А та усадьба в горах выглядела далеко не бедной.

– Ладно. К Окайро мы еще вернемся. Но почему никто не видел, как ты кружил в небе?

– Смотри внимательно! – Дракон гордо вскинул голову и, желая видеть, какое производит впечатление на старую знакомую, косил на нее глаз. – Сейчас я покажу тебе фокус.

Неуклюже отодвинувшись от окна, Гри задрал морду вверх, распахнул крылья, и ... исчез. Свон ахнула от неожиданности. Это было невероятно! Куда подевался большой дракон?! Не мог же он раствориться в воздухе?!

Насколько неожиданно Гри пропал с глаз, так же неожиданно появился вновь.

– Я говорил тебе, что я особенный?! – с гордостью в голосе произнес дракон, складывая крылья. – Мое брюхо, крылья, шея снизу покрыты серебристыми отражающими чешуйками. Когда я в небе, то становлюсь невидимым для тех, кто находится на земле. Нечестные люди пользуются моей необычностью и, боюсь, из-за этого я никогда не обрету свободу. Если, конечно, ты мне не поможешь!

– Ой, за разговорами я совсем забыла спросить о важном. Почему ты написал слово «ВРЁТ» на стекле? Что ты знаешь о Камиле?

– Он страшный человек, – понизив голос до шепота, Гри придвинулся ближе к уху Свон. – С ним тебе грозит смерть.

Глава 11

– Расскажи подробнее. Я не понимаю, – потребовала тихим голосом Свон. – Зачем Камиль хочет жениться на мне? Что ему нужно?

– Ты когда-нибудь прежде слышала о жрецах рода Бахриман, к которому принадлежат Камиль с Халидом? Нет? Знаешь ли ты, что среди них нет ни девочек, ни женщин? Они воспитывают сыновей. И все, как один, являются вдовцами.

Свон вспомнила о Леоль. Женщина казалась счастливой, живя с Халидом. К тому же ждала от него ребенка.

– Гри, ты что-то путаешь?! Как же Леоль? И ее ребенок, который может родиться девочкой?

– Подумай, куда деваются женщины, вышедшие замуж за жрецов? И дочери, которых они производят на свет?

– Наверное, они, подобно Леоль, живут в своих замках?

– Нет. Их умерщвляют. Бахриманы тайно создают могущественную империю. Для этого они женятся на наследницах огромных состояний. Как только в браке появляется сын, мать становится не нужна. Ребенок будет наследником всего богатства. Думаешь, смерти родных Леоль случайны? Жрецы решили прибрать к рукам крупное графство и в течение трех лет сделали Леоль единственной прямой наследницей. Первым ее ребенком была девочка, которая не прожила и часа. Такая же участь постигнет и хозяйку замка, стоит ей родить сын.

– Нет, не может быть! Ты ошибаешься! – горячо воскликнула Свон. – Допустим, с Леоль все произошло так, как ты описываешь: она богатая наследница, которая является лакомым кусочком не только для Бахриманов. Но я тут с какого бока припека? Я же простая сирота. Чем могут поживиться жрецы, если Камиль женится на мне?

– Пока не знаю. Но они ничего не делают беспричинно. Я с ними уже много лет, и ни одна женщина не выжила. Вдовцы везут новорожденных сыновей в Сулейх к Верховному жрецу. Следующими по важности в иерархии рода Бахриманов идут принцы Халид и Камиль. Почему Халиду так важно получить сына? Со временем именно сын Халида делается Верховным жрецом. Что в Сулейхе происходит с младенцами, какие совершаются ритуалы, я не видел. Но повзрослев, дети становятся фанатично преданными единой идее: мировому господству. И Камиль, и Халид воспитывались без матерей, но являются наследниками огромных состояний своих родительниц. Все повторяется из года в год, и никто из правителей королевств не догадывается, что большая часть их земель давно находится в руках жрецов рода Бахриман. Кто может их остановить?

– Какие ужасные вещи ты рассказываешь. В это трудно поверить, – Свон задумчиво вертела на пальце Кольцо Жизни. – Случалось ли, чтобы какая-нибудь наследница отказывалась выходить замуж и Бахриманы оставались с носом?

– Нет. Посмотри на Леоль. Сначала Халид влюбил ее в себя, потом стал опорой и защитником. Куда спрятаться сироте, как не за широкую спину спасителя?

– Но со мной все иначе: нет наследства, нет влюбленности в Камиля.

– Хорошо. Мы не знаем, кто ты и чем владеешь. Но у тебя есть замечательная вещица: Кольцо Жизни, которое само по себе является богатым наследством. Если ты умрешь естественной смертью, то оно достанется твоему мужу.

– Камиль мне объяснил, что я буду жить очень долго, а в случае насильственной смерти кольцо станет обыкновенным.

– Тут кроется какая-то хитрость, уловка, о которой мы не подозреваем. И не дай бог нам узнать ее.

Оба вздохнули одновременно.

– Если все обстоит так, как ты утверждаешь, тогда нам нужно бежать из этого страшного места как можно скорее.

– Наконец-то, ты поняла, – обрадовался Гри. – Светает, – дракон посмотрел на небо. – Вот-вот появится солнце, и нас заметят стражники. Увидимся вечером, Свон. Готовься к побегу!

Его голова стремительно нырнула вниз, а Свон забралась в постель, но сон долго не шел к ней. В голове крутились мысли о маме, которую она не помнила, Камиле и Леоль. Решив, что днем обязательно навестит беременную женщину и уговорит ее бежать вместе с ними, Свон уснула.

Утром в комнату зашла служанка. Не желая тревожить гостью, она села у двери в ожидании, когда та проснется. Давно остыл завтрак, дразнивший запахами кофе и булочек, а девушка все спала.

Не сразу служанка заметила, что опасное окно открыто. Когда сквозняк от приоткрытой двери выгасил полотна занавеси наружу, снизу взвился огненный смерч, грозя сжечь все на своем пути. Дракон отлично нес сторожевую службу.

Наступил полдень, и Свон открыла глаза. Она не могла поверить, что так долго спала. Перекусив на скорую руку, попросила служанку указать ей дорогу в покои Леоль. Женщина вела ее длинными анфиладами, через просторные галереи, залы, на стенах которых висели портреты бывших обитателей замка, рыцарские латы и гобелены с картинками доблестного прошлого. С портретов на Свон с печалью и надеждой взирали лица людей. На ней лежала миссия по спасению последней из их рода. Провожая глазами каждый нарисованный взгляд, Свон ощущала растущую в сердце тревогу. Как отнесется к ее словам Леоль? Поверит ли?

Когда они вышли во внутренний сад замка, Свон поразились разнообразию клумб и кустарников, обильно цветущих в столь тесном пространстве, создавая уютную композицию в союзе с ажурной беседкой, небольшими качелями и низенькими скамеечками. Если бы Свон довелось провести в замке более длительное время, сад стал бы ее любимым местом.

Служанка словно растворилась в воздухе, но скрип железных петель закрываемой за ней двери подсказал, что за деревьями, посаженными вдоль периметра двора, существует второй вход в сад.

– Свон, это ты? – раздался голос Леоль из беседки. – Ох, и долго же ты спишь. Я уже дважды посылала за тобой. Камиль хотел с тобой встретиться, но дела заставили его покинуть наш райский уголок.

Обнаружив хозяйку замка полулежащей на диване у стола со сладостями и фруктами, Свон присела рядом с ней.

– Здравствуй, Леоль. Как ты себя чувствуешь?

– Прости, я за ужином была не приветлива. Мне нездоровилось.

Свон обратила внимание, что даже сейчас Леоль кутается в шерстяную шаль, хотя яркое солнце достаточно нагрело воздух.

– Сейчас тебе лучше? – Свон не слишком хотелось начинать тревожный разговор, но ее подгоняло время.

– Милая Свон, до рождения ребенка осталось меньше месяца. Я боюсь, что лучше мне уже не будет. Каждый день начинает болеть что-то новое. К болям в спине добавились слабость и отеки. Не переживай, лекарь осматривал меня и не нашел никаких отклонений. Мое тело готовится к появлению на свет новой жизни.

– Расскажи мне, пожалуйста, что ты знаешь о жрецах Сулейха. Твой муж принадлежит к этому роду? – Свон не знала, как начать разговор, поэтому решила зайти издалека.

– Я мало знаю о Бахриманах. Сулейхом правит Верховный жрец. Камиль и мой муж, а также те жрецы, что встречались мне, называют его Отцом. На самом деле он их отец или нет, не могу сказать точно. Но мне не верится, что у одного человека может быть сотня детей.

– Почему нет? Если у него была, например, сотня жен, то вполне возможно. По-другому никак не получается, – предположила Свон. – А где матери этих детей? Они тоже живут в Сулейхе?

– Как-то не задумывалась об этом. Знаю только, что у Халида и Камилля есть сводные братья по отцу, но их матери давно оставили наш мир.

– Как они умерли?

– Халид не помнит мать. Видимо, она умерла, когда он был ребенком. На мои расспросы он отвечает одно: «О моих родственниках ты узнаешь, когда родишь сына, и мы отправимся в Сулейх».

– А я слышала, что в Сулейхе женщин нет. Только мальчики и мужчины.

– Ой, Свон, какая ты смешная. Наверное, слушаешь глупых служанок? Чего они только не рассказывают. Одна из них выдумала такие ужасы о моих родных, что я плакала несколько дней. Она уверяла, что в их гибели виноваты жрецы! Но более преданных, отважных и приятных людей, чем жрецы, я никого в жизни не встречала!

– И где же эта служанка?

– Халид отправил ее в деревню. Он сильно разгневался и приказал сменить всех слуг. В замке сразу стало спокойно. Ни сплетен, ни наветов. Если хочешь, пожалуйся Камиллю, и он утихомирит болтливую служанку, выдумывающую нелепые байки.

– А может эти байки вовсе не выдумка? Тебя не смущает, что, влюбившись в Халида, ты начинаешь терять одного родного человека за другим? Тебя не удивляет, что в замке не осталось преданных слуг, работавших при твоих родителях?

– Что ты несешь? – забеспокоилась Леоль, спуская с дивана ноги. – Кто внушил тебе настолько крамольные мысли?

– Леоль, ответь: что ты сделаешь, если мои слова – правда? Как защитишь себя и свое дитя?

Леоль закрыла уши руками.

– Я не хочу слушать тебя. Кто ты такая, чтобы клеветать на моего мужа и смущать беременную женщину страшилками? Прошу, оставь меня в покое и покинь сад.

– Но у меня есть свидетель чудовищных деяний жрецов! Нужно бежать от них, пока не поздно!

Свон не знала, как убедить Леоль. Может быть, услышав рассказ дракона, она поверит и согласится бежать?

Леоль встала с дивана и, подняв руку с вытянутым указательным пальцем, сердито произнесла:

– Прошу покинуть сад вон через ту дверь. Я старалась быть тебе сестрой, но теперь не уверена, что Камиль захочет жениться на такой бессердечной лгунье, как ты, Свон.

– Гри... – девушка уже хотела раскрыть тайну говорящего дракона, но Леоль завизжала, топая ногами:

– Вон! Вон отсюда!

Сбежались слуги, в одном из окон, выходящем во внутренний двор, появился Халид. Грозно сведенные брови мужчины не сулили Свон ничего хорошего. Опустив голову, она смиренно последовала за появившейся служанкой.

Они еще не дошли комнаты, когда услышали топот бегущего человека. У Свон от страха душа ушла в пятки.

Что она наделала? Не только не сумела уберечь Леоль, но и себя погубила, а, может, еще и дракона. Если ее будут пытаться (от жрецов можно ожидать всякого), вряд ли она сможет вынести сильную боль.

Бегущим человеком оказался Камиль. Он втолкнул Свон в комнату, а служанку грубо схватил за волосы, запрокинув ее голову назад.

– Это она тебе наплела?! Она?! – тыкал он пальцем в воющую от ужаса прислугу.

Свон смотрела на «жениха», и не узнавала его. Куда исчез тот спокойный, уравновешенный и обходительный человек, еще недавно мирно беседующий с ней? Новый Камиль в ярости оказался страшен. Его глаза светились безумием. Рот исказила жуткая гримаса ненависти, а на губах выступила пена. Встряхнув за плечи несчастную, угодившую к нему в руки, Камиль волоком подтащил служанку к окну и демонстративно распахнул его настежь.

– Она? Говори!

Его бешено сверкающие глаза впились в бледное от испуга лицо Свон.

– Нет, нет, нет! – отчаянно закричала она, протягивая к нему руки с мольбой.

– Кто?! Кто тогда?!

Не дождавшись ответа, жрец подхватил визжащую и сопротивляющуюся служанку на руки и высунул ее по пояс в окно. Тут же взвился огненный столб, и женщина дико закричала. Крик, в котором слились и боль, и непередаваемый страх, острым ножом полоснул по нервам Свон.

– Я все скажу, только отпустите ее!

Судорожно сглотнув, Камиль вытянул из окна захлебывающуюся в рыданиях служанку и поволок к двери, за которую и вышвырнул вон.

Когда он снова обернулся к Свон, его лицо хранило спокойствие. Словно и не было вспышки ярости, словно не он порывался убить женщину на глазах у невесты. Единственным напоминанием о едва не разыгравшейся трагедии был запах жженных волос.

– Говори, – жрец двинулся в сторону девушки, и ей пришлось пятиться, пока она не уперлась спиной в стену. Растерявшись, не зная, что сказать, Свон выпалила первое, что пришло на ум:

– П-п-погонщик. Мне рассказал погонщик, который привез сюда.

Камиль поверил. Он знал, что в замке никто не мог проболтаться: все люди, прежде чем поступить на службу, тщательно проверялись. Расправа над служанкой проводилась лишь для устрашения Свон. И, похоже, это возымело свое действие.

Ударив кулаком по стене, мужчина с досадой выкрикнул:

– Жалкий торгаш! Не зря мы отрезали ему голову! Предатель! Своих предал, нас предал. Собака!

И снова на его лицо легла маска безразличия. После полученного признания Камиль заметно успокоился. Свон тоже смогла перевести дух и настороженно следила глазами за жрецом. Какое он примет решение?

Спустя некоторое время услышала жесткий ответ:

– Ты выйдешь за меня замуж. Хочешь того или нет.

– Лучше умереть, – запальчиво возразила девушка. – Меня в любом случае ждет смерть, как и тех женщин, которые попадают к вам в руки!

Но видя, как опять темнеют от гнева глаза Камиля, как искажается его рот, Свон тут же спохватилась. У нее еще оставалась возможность сбежать из замка. Так зачем напрасно будить злость в Камиле?

Подумав, она добавила уже более мирно:

– Два дня, что вы дали на раздумье, еще не истекли.

– Тебе не грозит смерть. Ты забыла о Кольце Жизни.

– Кольцо, которое хочет заполучить Верховный жрец?

Видимо, Свон попала в точку. Камиль яростно глянул на нее, но быстро взял себя в руки.

– Наш отец получит это Кольцо Жизни.

– Но доживет ли он до моей естественной смерти? Ведь по-другому вам его не снять, – расхрабрилась Свон.

– Глупая женщина! Мы добиваемся всего, что нам нужно. У тебя есть два варианта, и оба нас устроят. Первый: ты выходишь за меня замуж, рожаеть здорового сына и доживаешь свой век в сытости и покое. Второй: просидишь в подземелье, испытывая страшные муки все отведенное богами время, и умрешь среди крыс. Кольцо в любом случае достается нам, но качество твоей жизни при этом окажется разным. Выбирай.

– Скажите, зачем вам нужен сын от сироты, не обладающей ни землями, ни богатством, ни властью? Или вы что-то знаете о моем происхождении?

По лицу Камилля пробежала тень, и Свон поняла, что опять угадала.

– Кто я, Камиль? Кто я такая? От вашего ответа зависит мой выбор.

– Я все сказал. И ...

Что хотел добавить Камиль, Свон не узнала, потому что в комнату влетел Халид:

– Он нашел ее! Скоро будет у стен! Войско в дневном переходе!

– Не переживай, брат. Время есть. Займись Леоль, – чересчур спокойно ответил Камиль.

Халид кивнул головой и выбежал в коридор. Свон не выдержала:

– Что он будет делать с Леоль? Кто нашел? Кого нашел?

– Ты лучше беспокойся о себе. Теперь, когда принц приближается, у меня не осталось выбора. Свадьба состоится сейчас же.

Схватив упирающуюся Свон за руку, он потащил ее по коридорам, где в разные стороны бежали люди, бряцая оружием. В основном это были мужчины, похожие на Камилля и Халида. Свон поразилась, как много их находилось в замке! Целая армия!

Одному из жрецов Камиль на ходу крикнул, чтобы тот собрал свидетелей. Через некоторое время в богато украшенную комнату, куда жрец привел Свон, зашли люди. Высокий старик в красном балахоне держал в руках толстую книгу, которую он открыл и приготовился делать запись, обмакнув перо в чернильницу. Перо мелко подрагивало, выдавая волнение старца. Рядом с ним встали толстяк в поварском колпаке и женщина, нервно теребившая в руках фар-тук. Оба дрожали от страха и жались друг к другу, задрожав озираясь по сторонам.

Рывком подняв Свон с кресла, на которое она села в ожидании, Камиль громко произнес, обращаясь к слугам:

– Вы присутствуете на свадебном обряде девицы Свон Винталь и Камилля Бахримана из Сулейха, и должны засвидетельствовать, что ритуал проведен в полном соответствии с принятыми законами королевства Эрия, на территории которого мы сейчас находимся.

Человек в красной одежде стал напевно произносить слова обряда, но «невеста» не слышала их. Она находилась в сильном смятении. До сих пор она знала себя, как Свон, воспитанницу графа Шовеллер, без указания какой-либо фамилии. Камиль же произнес полное имя: Свон Винталь. Что это значит?

Большим потрясением для нее оказалось то, что она находится на родине – в Эрии! Как такое могло случиться? Плавание по морю в течение месяца и перелет дракона длинной в неполные сутки – цифры несопоставимые. «Наверно, мы находимся на одном из южных островов Эрии, которые сильно удалены от столицы», – Свон представила карту Эрии, на которой королевство выглядело, как стручок перца, вершина которого упиралась в горы Белое Безмолвие, а острый кончик в Спокойное море.

В себя Свон пришла, когда свидетели расписывались в книге, а мужчина в красном поздравлял ее с замужеством.

– Я не согласна! – крикнула Свон. – Я не ответила ДА!

Но слуг уже уводили вооруженные люди, а старик, посыпав влажные чернила песком, и, дождавшись, когда запись высохнет, сдул песчинки, захлопнул книгу и быстро, стараясь не смотреть в глаза Свон, покинул комнату.

– Я не согласна! – Свон обратилась к «мужу», терпеливо ждущему, когда их оставят одних. – Я никогда не лягу с вами в постель. Я... я.. я убью себя. Найду способ, и убью. Вам ничего не достанется: ни кольцо, ни дитя.

У нее началась истерика, она билась в руках мужчины, кусалась, царапалась, ее куда-то волокли, и только сильная пощечина успокоила Свон. Очнувшись, новоиспеченная жена поняла, что лежит на полу, а над ней нависает Камиль.

– К сожалению, дорогая жена, пока ты билась в истерике, мы упустили время. И, как бы мне ни хотелось, я не успеваю выполнить свой супружеский долг и оставить свое семя в тебе. Без этого ритуала я не смогу провести тебя по магическому пути Бахриманов. И обычным способом, через ворота, покинуть замок теперь тоже не получится – мы окружены. – По красивому лицу мужчины прошла судорога. – Слишком быстро Эдуард добрался до нас. Но не радуйся, моя милая Свон. Тебя ждет сюрприз: сын у тебя никогда не родится. Ни от меня, ни от Эдуарда. О дочке тоже забудь. Ты просто не сможешь иметь детей. – Камиль разразился издевательским смехом. Вытирая глаза, на которых проступили слезы, зло кинул: – Старухи ведь не рожают!

С этими словами он надел на палец, на котором находилось Кольцо Жизни, другое колечко – чуть большего размера. Как только оно плотно село поверх Кольца Жизни, тело Свон пронзила острая боль.

Тяжело дыша, она лежала у ног Камилля, не в силах подняться. Руки и ноги ее не слушались. Неведомый огонь выжигал всю кровь. Он так быстро разливался по венам, что напоминал торопливое пламя, что пожирает иссохшие ветви.

Перед глазами Свон поплыл белый туман.

Она попыталась снять верхнее кольцо, но оно не поддавалось, намертво сросшись с Кольцом Жизни.

– Нет, не получится, – спокойно заметил Камиль, глядя на корчившуюся в муках Свон. – Это Смертельная Пелена. Она имеет свойство сокращать любую жизнь. Все продолжит идти своим чередом, но в тысячи раз быстрее. В течение нескольких недель, дорогая женушка, ты превратишься в древнюю старуху и умрешь. Кольцо Жизни воспримет смерть как естественную, и его легко можно будет снять с пальца. Уверяю тебя, любимая, я не пропущу твоего последнего вдоха и сам закрою некогда прекрасные глаза.

Дверь под напором дерущихся снаружи людей затрещала. Камиль неспешно встал на колени и поцеловал Свон в губы.

– Давно мечтал об этом, милая. До встречи!

Сделав высокомерный жест рукой, Камиль холодно произнес:

– Дорогу идущему Бахриману!

Из воздуха перед ним материализовалась сияющая арка. Жрец быстро шагнул под ее своды и растворился в зияющем темном провале.

Королевские гвардейцы, вломившиеся в комнату спустя мгновение, нашли только девушку, лежащую на ковре без чувств.

Глава 12

Когда Свон пришла в себя, рядом сидел улыбающийся Алекс и гладил ее по щеке. Она поднялась и обняла старого друга, пряча слезы облегчения.

– Все хорошо, милая моя! Все хорошо! – постукивал он ее по спине. Так обычно успокаивают самые близкие люди.

Открылась дверь, и в комнату ворвался Эдуард.

Свон задохнулась от внезапно нахлынувшей радости. Принц показался ей необыкновенно красивым: его лицо еще не остыло после яростного боя, и на щеках горел румянец, отросшие волосы разметались по широкому развороту плеч, глаза, найдя ее, широко раскрылись и потеплели – из них ушло переживание, оставив место другим чувствам, которые проявились в порывистом объятии.

– Ты задушишь ее, Эдуард! – Алекс уступил место рядом со Свон своему покровителю. Свон пропала.

Невероятная нежность унесла все тревоги.

Прижатая к телу Эдуарда, Свон с наслаждением слушала, как гулко бьется его сердце. А когда дыхание мужчины коснулось ее волос, а губы проложили цепочку поцелуев от лба до впадины под шеей, Свон отмела все сомнения. Не может быть врагом человек, так пылко выражающий свои чувства.

– Наконец-то я тебя поймал, – выдохнул Эдуард.

Его страстный порыв и смутил Свон, и обрадовал. Раньше она видела в принце холодного государственного деятеля, но теперь он предстал перед ней взволнованным, нежным и ...влюбленным?

За спиной кашлянул Алекс, и принц, придя в себя, отпустил Свон и сделал шаг назад.

– Не убегай больше, пожалуйста. Нам о многом нужно поговорить.

Свон, как замороженная, смотрела на Эдуарда. Она не успела произнести и слова, как он опять обнял ее и, наклонившись, коснулся губами ее губ. Поцелуй получился быстрым, жадным, ошеломляющим.

– Жди меня здесь и никуда не уходи.

Легкое пожатие руки, и наследник скрылся за дверью, только витающий в воздухе слабый аромат цитрусов, смешанный с запахом крови и пота, напоминал о том, что все произошедшее со Свон не сон.

Алекс, подмигнув раскрасневшейся от смущения подопечной, выкрикнул: «Привет от мамочек!», и убежал следом за принцем.

Прислушиваясь к шуму на нижних этажах, Свона поняла, что в замке продолжают боевые действия. Подойдя к двери, она увидела двух гвардейцев, которые тут же преградили ей дорогу.

– Простите, леди, вас выпускать не велено. Идет бой и Его Высочество опасается за вашу жизнь, – вежливо, но твердо предупредил один из них и закрыл перед ее носом дверь.

Свон в растерянности вернулась вглубь комнаты и поймала в зеркале, стоящем у шкафа, свое отражение. На лице цвела глупая улыбка, а пальцы замерли у губ, которые хранили поцелуй Эдуарда. Подойдя ближе, Свон пристальнее взгляделась в отражение, и не смогла сдержать крика.

Ушат холодной воды не оказал бы такого отрезвляющего действия, как седая прядь, появившаяся у виска. Лихорадочно отодвинув волосы с лица, Свон застонала от бессилия что-либо исправить. Сеть морщин множилась прямо на глазах, щеки теряли девичью упругость, а кожа тускнела и становилась сухой, как старый пергамент. Рывком Свон расстегнула платье и сдернула его с себя вместе с нижней рубашкой. Еще вчера налитые груди висели, бедра утра-

тили упругую округлость, а ребра и тазовые кости стали выступать так сильно, словно перед зеркалом стояла не молодая дева, а измученная тяжелой работой и болезнью женщина.

Как она могла забыть о словах Камиля?! Лихорадочно одевшись, Свон заметалась по комнате. Что делать? Предстать перед принцем в таком виде? Ей невыносимо было увидеть брезгливость на его лице. Дождаться его и умереть от стыда? Или еще лучше – угаснуть глубокой старухой на его руках? А в это время появится ненавистный Камиль и убьет принца из-за Кольца Жизни? Такого допустить нельзя!

Но и изменить ничего не получится. Кольцо, как она не дергала его, сниматься не хотело. Заветные слова она так и не узнала, поэтому смерть казалась неминуемой.

Ее начавшуюся истерику прервал стук в окно. Свон совсем забыла о драконе! Он вновь нетерпеливо постучал когтем по стеклу.

Девушка рывком открыла ставни. Дракон поначалу не заметил произошедших с ней изменений и принялся о чем-то быстро говорить, но запнулся на середине слова.

– Что с тобой, Свон? Ты как-то странно выглядишь. Заболела?

– Ох, Гри! Я превращаюсь в старуху и скоро умру, – заплакала Свон. – Камиль надел на меня Пелену Смерти.

– Так сними ее!

– Я не могу, – Свон не захотела пускаться в объяснения. – А ты почему еще здесь?

– А кто бы мне крикнул «Арроу»? Моего погонщика убили, жрецы пользуются дорогой Бахриманов, а остальные просто боятся подойти, – дракон повертел головой, оглядывая пространство вокруг себя. Благо, окно выходило на задний двор, и никто из сражающихся людей не крутился под ногами. – Давай, спускайся, время не ждет. Леоль нужна помощь.

– Я не могу выйти. Гвардейцы меня стерегут.

– Забирайся на мою голову, и я спущу тебя.

Когда Свон двигала кресло к окну, то поняла, что к внешним изменениям прибавилась слабость.

– Надень теплую одежду, – посоветовал дракон. – Нам предстоит лететь высоко, поэтому будет холодно.

Свон быстро надела меховую жилетку. Порывшись в шкафу, нашла шерстяные чулки и прихватила с постели теплое одеяло, решив, что оно пригодится Леоль.

С трудом забравшись на каменный подоконник, Свон никак не могла решиться перебраться на голову дракона. И тогда ему пришлось поторопить ее:

– Ты можешь не застать Леоль живой, – тихо проговорил он. И Свон тут же прыгнула на его плоскую голову. Сердце обмирало, пока дракон плавно спускал ее вниз. Очутившись на земле, она узнала у Гри, как найти Леоль, и поспешила к входу в замок.

Никто не останавливал пожилую женщину, метавшуюся между бегущими слугами и королевскими гвардейцами, охваченных азартом погони за наемниками жрецов.

В ее голове, словно молот, стучали слова Гри: «Можешь не застать Леоль живой». Что случилось с рыжеволосой красавицей? Неужели Халид навредил жене? Но он же так ждал сына!

Найдя в лабиринте коридоров замка нужные покои, Свон открыла дверь и тут же споткнулась о мешок, лежащий у порога. В комнате царил сумрак, и, только упав, Свон почувствовала, что под ней лежит не мешок, а человек. Мертвый мужчина смотрел на нее стеклянными глазами. В ужасе она отползла к стене, и тут же наткнулась на еще один труп. Женщина ничком лежала у кровати, а рядом с ее головой валялся большой чепец служанки.

В душной комнате пахло кровью.

Свон вырвало раз, потом – другой. Позывы продолжались до тех пор, пока желудок полностью не очистился. Как только она смогла дышать, у нее началась истерика. Свон не сразу поняла, что вой, рвавший тишину комнаты, исходит от нее.

– Мамочки, мамочки, – скулила она, отползая к окну, где через плохо задвинутые занавеси пробивался свет.

С трудом поднявшись на ноги, она дернула портьеру, и та сорвалась вниз, впуская в комнату потоки солнечных лучей. За окном мелькнула голова дракона. От неожиданности Свон вздрогнула, но, увидев, что Гри пристально смотрит в одну точку, проследила за его взглядом и обнаружила Леоль. Та лежала на высокой кровати, прижимая к себе окровавленные простыни.

– Кто вы? – спросила она слабым голосом, когда Свон склонилась над ней. – Моя девочка умерла. Видите, она не дышит.

Леоль развернула покрывало, показывая бледное личико ребенка.

Очередной удар подкосил ноги, и Свон рухнула на колени. Под ногами хлюпало, и подол платья быстро намок. Посмотрев вниз, она увидела, что все вокруг залито кровью. Чья это кровь? Служанки, Леоль? А может, это сама Свон истекает кровью?

Сильно кружилась голова и тошнило. Волосы прилипли ко лбу, мешали. Желая их убрать, Свон подняла руку, с ужасом замечая, что та тоже по локоть в красном. Ей едва удалось заглушить в себе желание кричать.

«Надо взять себя в руки! Леоль нужна помощь!» – Свон пыталась вернуть себе здравый смысл, встретившись взглядом с умирающей женщиной.

– Халид сам убил малютку, когда лекарь поздравил его с дочерью. Потом расправился с ними, – несчастная опустила глаза туда, где лежало два трупа. – Зачем я не послушалась Свон? Зачем обозвала ее лгуньей и выгнала?

«Она не узнает меня».

Свон поднялась, желая помочь женщине, которую покидала жизнь: на кровати неудержимо росло пятно крови.

– Леоль, подскажи, что делать? Может у тебя есть какой-нибудь магический амулет? Или снадобье, чтобы остановить кровь? Подожди, я посмотрю в сумке лекаря.

Леоль схватила горячей рукой запястье незнакомки, нечаянно забредшей к ней в комнату, останавливая ее. Ей нужно было выговориться.

– Лекарь предупреждал, что я больше не смогу родить: слишком слабое здоровье. А Халиду, оказывается, не нужны дочери, – Леоль заплакала. – И я не нужна.

Свон попыталась выдернуть кисть из хватки умирающей, и та отпустила ее, но взмолилась:

– Не уходите.

– Нет-нет, я не уйду! Я только посмотрю, чем можно помочь.

Тихий плач Леоль вскоре сменился стонами. Бледное лицо исказилось от напряжения. Она выпустила из рук мертвую девочку, приподнялась над подушками и, уцепившись за простыни, протяжно завывала. Новый поток крови хлынул из-под ее согнутых в коленях ног, и под мокрой простыней кто-то тоненько пискнул.

– Ребенок? – спросила с изумлением упавшая на подушки Леоль. – Еще один? Живой?

Свон отогнула край покрывала и увидела маленький кряхтящий комочек. Весь красный, но целый и невредимый.

– Перережьте пуповину. На столике есть нож, – глаза Леоль сияли лихорадочным блеском.

Передвинув скользкое тело ребенка на сухое место, Свон нашла нож, лежащий рядом с другими инструментами лекаря, перерезала пуповину, завязав ее нитью у животика младенца. Свон доводилось помогать Берте при родах одной из служанок в замке Шовеллер.

Найдя пеленку и намочив ее в тазу, аккуратно вытерла маленькое тельце. От соприкосновения с холодной тряпкой ребенок заплакал.

– Это мальчик, – сказала Свон матери, заворачивая того в пеленки.

Леоль протянула слабые руки, желая быстрее прижать сына к себе, и Свон положила его ближе к матери, улыбающейся сквозь слезы. Та гладила его личико, шептала что-то нежное, а глаза лучились счастьем.

Пока Леоль была занята сыном, Свон переодела девочку в чистое белье и положила на другую сторону кровати.

– Как он прогадал! – мать подняла глаза на Свон, до сих пор не узнавая ее. – Прошу вас, не отдавай сына Халиду. Спрячьте мальчика! Назовите его Петром, как моего отца. Там, – она указала пальцем на изголовье кровати, – висит медальон. Возьмите его с собой. На нем нарисован мой портрет. Я подарила его Халиду, но он не захотел носить, думая, что это безделица. Медальон старинный, он переходит из поколения в поколение и служит доказательством принадлежности к нашему роду. Без него ни один человек не может претендовать на наследство графа Пигеон.

За окном маялся дракон, переживая за женщин. Свон, скрывая слезы, сидела возле Леоль и напряженно прислушивалась к ее словам, ведь голос роженицы становился все слабее. Ребенок на руках матери заснул, не ведая, что это были первые и последние объятия родного человека.

Через полчаса всхлипывающая Свон забрала дитя из рук мертвой женщины. Завернув его в теплую шаль, прижала к себе. Другой рукой подхватила сумку лекаря, куда уже уложила все, что может пригодиться в дороге и, оглянувшись последний раз на бездыханные тела, покинула комнату.

Она благодарила Бога, что никого не встретила, пока шла по галереям и переходам. На Свон было надето самое простое платье, из найденных в гардеробе Леоль, а свою одежду, испачканную кровью, она бросила у шкафа. меховая накидка надежно скрывала ребенка от глаз посторонних.

Где-то плакала женщина, хлопали двери, на верхних этажах слышался топот бегущих людей. Кругом валялись вещи и разбитая мебель. Со двора несло гарью. Когда Свон завернула за угол замка, то увидела, что горит ее комната: огонь вырвался наружу через окно.

Дракон приплясывал от нетерпения. Свон забралась на его спину по опущенному крылу, устроила ребенка у себя на коленях, завернувшись с ним в одеяло, и как можно громче крикнула: «Арроу».

Гри легко взлетел.

В этот самый миг до беглянки донесся зов, полный отчаяния: «Свон! Свон!!!». В этом крике она узнала голос Эдуарда.

Замок быстро уменьшался в размерах, а встречный ветер сдувал слезы с лица пожилой женщины, сидящей на драконе.

– Дохо! – крикнула она, и еще раз повторила более уверенно. – Дохо! Гри, держи путь на север!

Если бы Свон отправилась одна, дорога до Дохо заняла бы гораздо меньше времени. Но ответственность за судьбу малыша – наследника большого состояния, на которое наложили лапу жрецы рода Бахриман, делало ее осторожной и рассудительной не по годам.

Перелетев на драконе через водную гладь (замок Леоль, оказывается, находился на острове), Свон попросила Гри приземлиться у ближайшей рыбацкой деревни.

Малыш порой жалобно пищал, потом засыпал тревожным сном. Он нуждался в молоке и чистых пеленках. Свон вслушивалась в его дыхание, боясь, что сын Леоль последует за матерью.

Гри знал ближайшие земли, как своих пять когтей, поэтому приземлился не в маленькой деревеньке, а в довольно приличном прибрежном городе. В Туксе существовала всего одна центральная улица, зато там стоял ряд таверн, предлагающих ночлег для путешественников и торговцев рыбой. В одной из них Свон надеялась получить еду и теплую воду для малыша.

Дракон высадил Свон за холмом, боясь привлечь к себе внимание. Он собирался поохотиться, но лесов с пасущимися жирными оленями по близости не наблюдалось, поэтому Гри пускал голодную слюну, вспоминая упитанных коров, замеченных им в часе лета от Туксы.

– Не бери с собой все драгоценности Леоль, – советовал Гри, наблюдая, как Свон собирается. – Мало ли желающих поживиться за счет беззащитной женщины с младенцем на руках? Двух колечек достаточно. Не торопись возвращаться, отдохни. Приходи сюда на рассвете.

Свон перекинула сумку через плечо, прижала к себе малыша и, как с горки, скатилась по крылу дракона.

Гри покачал головой, видя, с каким трудом она поднялась. В разговоре со Свон он обмолвился о ее беззащитности лишь потому, что не хотел лишней раз напоминать, как она выглядит. Зеркало в какой-нибудь харчевне непременно отразит пожилую женщину.

– Свон! – окликнул он ее. – Ты забыла сказать мне «Арроу».

Она оглянулась, прокричала «Арроу» и прикрыла личико младенца от взметнувшейся вверх пыли. Дракон растворился в вечернем небе.

До Туксы Свон добралась в сумерках. Улица озарялась светом, падающем из окон домов да редкими факелами, установленными вдоль дороги, и только по толпе жаждущих выпить или уже набравшихся хмельной браги людей, вываливающихся из питейных заведений или входящих туда, представлялось возможным определить, насколько таверна популярна у гуляющей братии. Свон искала место поспокойнее

Зайдя в первую же, она отказалась от мысли остаться там. За прилавком стоял мужичок в засаленном фартуке. Его неприятное лицо с бегающими крысиными глазками, густой винный дух и запахи плохой кухни, отшибали всякое желание задержаться или попроситься на постой.

В Туксе Свон обнаружила преимущества ее нынешнего почтенного возраста: к ней не цеплялись подвыпившие посетители, поэтому она спокойно ходила из таверны в таверну. Повезло только в четвертой: помещение блистало чистотой и в нем не околачивались любители крепкого пойла. Улыбка розовощекой полногрудой молодки, вышедшей навстречу, окончательно убедила Свон в правильности выбора.

Криста, так звали внучку хозяйки таверны «Гнездо голубки», провела посетительницу в небольшую комнату на втором этаже, где кроме кровати стоял сундук с плоской крышкой, а на нем – кувшин с водой и полотенце.

Когда в руках Свон заплакал ребенок, Криста ойкнула от неожиданности.

– Мне нужно накормить малыша. Помогите найти молоко, – попросила Свон, разворачивая шаль.

– Ой, какой маленький! Это ваш внук? – склонилась над ребенком разговорчивая молодка.

– Да, его мать умерла в родах. Он ничего не ел более суток, только пил.

Криста опять ойкнула и убежала вниз. Через некоторое время в комнату вошла горбатая старуха, с трудом передвигающая опухшие ноги, и опирающаяся на клюку.

– Криста сказала, тебе нужна помощь с младенчиком? – кряхтя, она села на сундук. – Ну, покажи мне его. Не бойся. Я не только хозяйка таверны, но еще и знахарка. У меня приличный дом. Здесь не ошивается всякое отребье в поисках выпивки и развлечений. В моей «Голубке» горячительные напитки не принимают внутрь. Ими растирают тело, которое скрутила болезнь.

Свон поднесла голенького ребенка ближе к старухе. Та, отложив клюку, потрогала его головку, осмотрела сморщенное тельце, засунула малышу в рот палец, а потом понюхала его.

– Слабый. Родился раньше срока. Близнец еще был? Последыш, значит. Трудно такого выходить, но ежели живой останется – на высокую ступень взойдет. Я вижу его будущее по знакам, только мне ведомым.

– Бабушка, пожалуйста, помогите, – взмолилась Свон, доставая из кармашка жилетки кольца и протягивая их старухе.

Та недовольно посмотрела на немолодую женщину:

– Называй меня Гретой. Какая я тебе бабушка?

Она взяла в руки драгоценности, взвесила их на ладони, попробовала на зуб, а потом коротко бросила.

– Жди.

В дверях Криста, столкнувшись со старухой, вскрикнула от неожиданности и едва удержала таз с горячей водой. Грета клюкой ударила внучку ниже поясницы и поковыляла прочь.

– Сейчас мы нальем сюда прохладной водички и искупаем нашу детку, – хлопотала над тазом молодка. Потрогала локтем воду, посюсюкала, беря малютку в руки. – У меня их двое: мальчик и девочка. Большие уже.

Вскоре вернулась Грета, неся узелок, в котором обнаружили бутылочка с молоком, бурый порошок в склянке и белый камень, названный старухой «амулетом для дитятка».

Вымытого начисто малыша накормили молоком, смешанным с водой и бурым порошком. Грета объяснила, что порошок она готовит сама из стосил-дерева. Это снадобье делает любое молоко пригодным для маленьких детей.

Все с умилением смотрели, как Петрик (так назвала его Криста) сосал, причмокивая, а потом качнул вспотевшей от усилий головкой, отказываясь от бутылочки, и тотчас же заснул.

Старуха попросила распеленать младенчика и, шепча, приложила амулет к покрасневшему пупку.

– Он сохранит его жизненные силы. Когда дитятко поправится, будет здоровье приумножать. А вы следите за цветом камешка: коли покраснеет – плохо малышу, коли почернеет – смерть рядом. И не обязательно болезнь смертная. Худой человек, желающий ему зла, тоже камешком высвечивается.

Утром отдохнувшая Свон пришла к холму, где ее уже ждал сытый дракон. Рядом с его туловищем на траве были разбросаны обглоданные кости.

Гри порадовался за младенчика, который за ночь заметно окреп. А его няньку беспокоило то, что молоком запастись на долгий срок не удастся, поэтому придется часто останавливаться там, где пасутся коровы.

Проблема с молоком решила на следующем привале. Пока Свон купала Петрика в крестьянском доме, куда попросилась на ночлег взамен на драгоценный камень, дракон притащил к месту встречи корову. Довольный своей смекалкой, он приплясывал на месте, рассказывая, что собирается таскать буренку в лапах во время перелета. И даже показал, как это будет выглядеть. Сделав в воздухе с обезумевшей от страха коровой три круга, Гри заметно утомился и отказался от своей затеи.

Однако его идея прижилась. Свон успешно обменяла корову, которую дракон отказался тащить туда, откуда взял, на малорослую козу. Весь оставшийся путь до Дохо ее перевозили в большой корзине, надежно прикрепленной к пассажирской беседке, и отпускали пастись, пока каждый занимался своими делами: Свон малышом, дракон поиском пропитания.

Только через полтора месяца их путешествие подошло к концу. В каждом селении, где путешественники останавливались на ночлег, они расплачивались деньгами, вырученными за драгоценности у одного из ростовщиков в крупном городе. Свон выбрала, на ее взгляд, не самые дорогие изделия, но полученная сумма обрадовала ее: нянька запаслась теплыми

вещами для Петрика, пополнила запасы порошка стосил-дерева да набрала еды для себя и козы. Впереди их ждал горный край, где дули холодные ветра, а снега на скалистых склонах не таяли даже летом.

Распросив местных жителей, Свон узнала ориентиры, которых им нужно держаться, чтобы добраться до крепости Дохо. Что ожидает их в северном замке графа Шовеллер, она старалась не загадывать. Все равно иного пути не видела.

Еще одно обстоятельство торопило ее пристроить ребенка – время. Свон каждый день замечала, как изменялись ее руки: они покрылись старческими пятнами и морщинами. Умываясь утром, она чувствовала, насколько тонкой и дряблой сделалась кожа лица, а некогда роскошная коса потеряла золотистый оттенок. Сколько ей еще осталось? Ответа Свон боялась.

Иногда снились кошмары: будто она лежит на снегу, где-то рядом плачет Петрик, а над ней склоняется Камиль и хищно ожидает, когда она сделает свой последний вдох. Просыпаясь в поту, Свон теснее прижимала к себе мальчика, боясь, что тот умрет вслед за ней или сгинет в людском мире, не помня своего рода. Нескрываемый ужас вызывало видение, в котором за Петром являлись жрецы. В этом сне она видела его молодым и красивым, но с холодными, как лед, равнодушными глазами.

Нет, Свон не могла допустить, чтобы из Петрика вырос второй Халид, убивающий детей и женщин. Она помнила, какие надежды возлагали Бахриманы на сына Халида – он должен со временем принять сан Верховного жреца и получить власть над всеми землями, добытыми путем гибели матерей.

Глава 13

Погрузившись в раздумья, Свон даже не заметила, что долина закончилась, и дракон парил над горами. Завернувшись в одеяло, как в кокон, прижимая к себе убаюканного полетом малыша, Свон почувствовала себя защищенной, и только неясное будущее заставляло сжиматься сердце.

На высоте дули ледяные ветра, но Гри они не пугали. Он, явно ликуя, выкрикнул, что ему по душе снежное безмолвие, и от избытка чувств запел какую-то драконью песню.

За время путешествия белый дракон стал для Свон родным. Легкий и веселый нрав Гри не давал ей впадать в уныние. Любой его рассказ о прежней жизни, даже самый печальный, обязательно заканчивался верой в хорошее.

Оказывается, Гри тоже был сиротой. Свон никогда не задумывалась, как воспитывают боевых драконов, и с удивлением узнала, что погонщики сами собирают драконьи яйца в местах гнездования диких ящеров. Опасная работа приносит немалую выгоду. Найденные яйца складывают в прохладном помещении, и, как только драконы проклюнутся, их начинают готовить к служению человеку. На каждого погонщика приходится два-три молодых дракона, но в итоге отбирается лишь один – самый сильный. Едва вылупившись из яйца, крылатый ящер слышит свое первое «Арроу», вплетенное в магический ритуал подчинения.

Как случилось, что среди десятка черных яиц затесалось белое, никто из сборщиков не знал. Необычную находку сразу отбраковали, но не уничтожили, потому как людям стало интересно, что же в итоге получится. Яйцо хранили в сундуке, стоящем в том же помещении, где жили погонщики, и те частенько открывали крышку, чтобы полюбопытствовать, как меняется зародыш, который удивительным образом просматривался через толщу скорлупы, поднесенной к пламени свечи. Никто не задумывался, что повлияло на необычные способности дракона – тепло или излишнее внимание работников фермы, но что-то определенно произошло, и Гри еще не вылупившись уже понимал человеческую речь.

Выбравшись из треснувшей скорлупы глубокой ночью, белоголовый дракон перво-наперво поинтересовался у спящего на сундуке мальчишки:

– Эй, там, наверху! Подскажите, пожалуйста, когда ожидается кормежка новорожденных?

Шепелявая речь, доносящаяся из сундука, привела ученика погонщика в такое изумление, что тот, открыв крышку и испугавшись стоящего на задних лапах белого дракончика, врезал ему по морде.

Так Гри получил первый урок: не стоит открывать рот, если тебя не спрашивают.

Паренек, позвав старших, не сумел убедить погонщиков, что дракон умеет говорить, поскольку тот прикинулся несмышленным птенцом и тихонько чирикал в углу сундука – Гри просто не знал, какие звуки должен издавать новорожденный дракон, а чириканье воробьев слышал и не раз.

Ученику отвесили затрещину за излишнюю фантазию и опять отправились спать, а «новорожденный» принялся терпеливо дожидаться утра и еды.

Изучая пространство, в котором он оказался запертым, Гри обнаружил еще одно яйцо. Нет, оно не было белым. Как и положено, черный цвет скорлупы отливал глянцем, но в свете лампы, проникающем через отверстия, сделанные в стенках сундука, Гри разобрал, что оно слишком маленького размера, и погонщики, именно по этой причине отложив яйцо, о нем просто-напросто забыли.

Гоняя находку из угла в угол, дабы скоротать время до первой кормежки, белый дракон нечаянно расколотил ее, и на свет вывалился еще один дракон. Так Гри впервые увидел Трилли – любовь всей своей жизни.

Когда погонщики обнаружили, что на свет появилась маленькая немощная самочка, участь ее была решена. Но вмешался Гри и не дал ее унести. Он рвал руки погонщиков когтями, бил крыльями, но отстоял Трилли. Такая отвага Гри удивила людей, и они оставили Трилли в живых.

Целый год Гри и Трилли обучались наравне с остальными драконами, и вот, наконец, наступило время, когда их выставили на торги.

В Форше выяснилось, что белый дракон не оправдывает надежд на быстрое обогащение – покупатели обходили его стороной, уж очень непривычно тот выглядел. И только торговцы Лиги Форша поняли, что за бесценный дар попал к ним в руки. Они заметили, что вставший на дыбы дракон вдруг стал невидимым.

Трилли сунули в придачу к белоголовому. От нее уже и не знали, как избавиться – деньги, которые давали за малышку, не оправдывали даже еды, и только большая привязанность Гри к черной драконихе сохраняла ей жизнь.

Прошло несколько лет служения в Лиге Торговцев Форша, где Гри выполнял самые сложные и опасные миссии, на которые не могли отправить черных ящеров, казавшихся по сравнению с ним тупыми коровами. Дошло до того, что белый дракон начал обходиться без наездника, стоило лишь нашептать ему на ухо место, куда он должен отправиться.

И вот однажды на пороге драконьего двора появился высокий человек, которому требовалось похитить ребенка из поместья в Окайро.

Сделка с ним сулила огромные деньги, а потому торговцы Лиги Форша закрыли глаза на неблагоприятное желание покупателя, но белый дракон вдруг заартачился. Никакие уговоры и посулы не могли заставить его выйти из загона. Гри упирался лапами и мотал головой, хотя погонщики сорвали голоса, крича «Арроу». Его нещадно хлестали по бокам, а он страдал от боли и упирался. Лишь когда люди в бессильной ярости выгнали на середину двора Трилли и, облив ее горячей жидкостью, поднесли факел, Гри сдался. Но он навсегда запомнил ненавистный образ покупателя, ведь именно тот посоветовал погонщикам сломить Гри через его привязанность к малышке Трилли.

Надеясь поквитаться, белый дракон бросал на незнакомца злобные взгляды, но господин Посол – так его называли торговцы, оказался умным человеком. Он подкупил Гри обещанием, что после исполнения заказа выкупит его и Трилли и подарит драконам свободу.

Что такое свобода для дракона? Это проведение магического ритуала, снимающего зависимость от команды «Арроу», и возвращение на родину. Правда, белоголовый не знал, где его родина, но думал, что разберется с этим позже. Гри воодушевила возможность получить для себя и своей подруги полную независимость от людей. Но когда дракон вернулся с пустой люлькой, то узнал, что господин Посол продал его жрецам Сулейха, а Трилли увезли на драконьи торги.

Бахриманы, применив магические цепи, целый год выбивали из белого дракона дух непокорности и добились своего, полностью сломив и подчинив.

Гри до сих пор тосковал об утраченной любви. Он разуверился в людях, и только встреча со Свон возродила в нем надежду на обретение свободы.

– А как ты понимаешь, куда нужно лететь, если тобой не управляет погонщик? Ну, например, как нашел поместье Окайро? – услышав печальную историю, Свон не осталась равнодушной. Ей было жалко малышку Трилли, которую продали в рабство, разлучив с любимым другом. Свон как никто другой понимала чувства Гри и всей душой желала, чтобы драконы вновь встретились.

– Это магия. Очень сильные погонщики могут наговорить маршрут, и я просто физически не сверну с заданного пути. С помощью магии мы с детства намертво привязаны к людям.

– Откуда же ты такой необычный взялся?

– Не знаю. Да и не важно. Для меня главное – найти Трилли. Конечно, после того, как мы снимем с тебя заклятие Смертельной Пелены.

– Разве это возможно? Камиль сказал, что я состарюсь и умру в считанные недели.

– А еще он говорил о любви к тебе. Стоит ли напоминать, что он лжец? – видя, как Свон удрученно покачала головой, добавил: – Не отчаивайся раньше времени, сестричка. Пристроим мальчика и займемся тобой.

– Если успеем.

– Успеем, до Дохо крылом подать.

Замок Дохо открылся взору внезапно. Он врос одним боком в скалу, защищавшую его от врагов и ледяных ветров, дующих с Белого Безмолвия – страны вечных льдов, где обитают невидимые чудовища. О них рассказали Свон в приграничном городе – последнем на их трудном пути в Дохо.

– Ни один путник, вознамерившийся проникнуть в ледяную страну, так и не вернулся назад, – помешивая варево в котелке, рассказывала беззубая старуха, что милостиво согласилась приютить Свон. Сытый Петр тихо посапывал на ее руках, а за стеной жадно жевала солому коза, уже привыкшая к долгим перелетам на спине дракона. – Те, кому посчастливилось вовремя остановиться, видели, как их друзья, спустившиеся на покрытое снегом плато, вдруг взмывали высоко в небо, а потом падали к их ногам. На лицах бедолаг навсегда застывала маска ужаса. Кто-то невидимый предупреждал о грозящей опасности, если им вдруг вздумают последовать за погибшими.

– Что же прельщает смельчаков в столь негостеприимном краю? – поинтересовалась Свон, вытирая капли молока с пухлых щечек Петра.

– Там всюду лежат ледяные кристаллы, которые никогда не тают, – прошептала старуха и многозначительно кивнула. – Они манят своим холодным светом, и охотники за богатством теряют головы. Каждый, кто стоял у отвесной скалы, видел, как густо кристаллы покрывают раскинувшееся внизу плато. Безумцам кажется, только спустись и зачерпни горсть не тающих льдинок, и ты век будешь жить безбедно.

– Ой, а я знаю, о каких кристаллах вы говорите! – Свон вспомнила, что видела эти невероятно дорогие камни в камбузе «Свирепого», где Роки хранил их в капитанском ящике для продуктов. – Как же их все-таки достают, если невидимые чудовища так усердно охраняют свои богатства?

Старуха не стала скрывать, что небольшие осколки кристаллов можно найти и в приграничной части королевства Эрия.

– Их сбором занимаются скалолазы королевской пограничной службы. Правда, откуда на скалах берутся кристаллы, никто не знает, – бабушка сняла с огня котелок и поставила его на стол. Свон потянула носом. Есть очень хотелось. – Эти самые магические камни сами по себе появляются то тут, то там, словно кто-то щедрой рукой их раскидывает. Поэтому пограничникам чуть ли каждый день приходится совершать обход. Но и наш люд в стороне не остается, так и норовит из-под носа королевских скалолазов камешек-другой увести.

– Контрабандисты что ли? – Свон переложила Петра на кровать и, вернувшись к столу, подтянула ближе к себе тарелку, полную густой похлебки.

– Куда же без них? Где богатство, там и лихой народ, – вздохнула старуха и, протянув краюху хлеба, приказала: – Ешь давай! А то ноги еле волочешь. Сколько же годков тебе, болезная? Чую, в одно время мы с тобой родились. Войну междоусобную помнишь? Я тогда девчонкой была...

Свон едва не подавилась.

Замок Дохо врос в ту часть отвесной скалы, что территориально принадлежала Эрии. Узкие бойницы, расположенные в стратегических местах крепостной стены, хищно смотрели

на редких путников, пробирающихся горными тропами. Небольшой двор и нависающие над ним скалы не позволяли приземляться внутри крепости крупным боевым драконам.

Покружившись, но так и не найдя подходящего места, Гри высадил своих пассажиров недалеко от внешней стены замка. Свон, добравшись до нее утопая в снегу по пояс, постучалась в мощные деревянные ворота, для пушей крепости обшитые металлическими полосами. Звук ударов оказался таким слабым, что она сама едва расслышала его. Снимать рукавицы не хотелось: даже в них пальцы начали коченеть.

«Как же в таком холоде живет бедняга Дак, ведь он привык к теплу и роскоши?»

Пока Свон раздумывала, как дать знать людям внутри крепости, что к ним заявили непрошенные гости, ворота открылись сами, и из них выехал отряд всадников. Люди, сидящие на низкорослых мохнатых лошадях, были укутаны так, что открытыми оставались лишь глаза.

Свон отступила в сторону, боясь, что ее собьют с ног.

Только сейчас всадники заметили странную путницу, и по команде старшего остановились. Лошадиные морды напугали своей близостью, и Свон попятилась назад. Оступившись, она упала.

– Кто такая? – раздался грозный окрик. – Откуда взялась?

Свон не успела ответить, поскольку громко заплакал испугавшийся Петрик.

Детский плач удивил крикуна. Он ловко спешил и подошел ближе. Подавая руку сидящей на снегу женщине, поинтересовался:

– Это твой дракон с козой на спине пытается спрятаться между скал?

– Мой, – улыбнулась Свон, представив, как нелегко приходится Гри.

«Надо было козу сразу с собой взять».

– И что ты здесь ищешь, старуха?

– Убежища.

– Какую цель преследуешь, забравшись так далеко?

– Спасение дитя.

Услышав такое, незнакомец взял из ее рук тяжелую сумку, закинул за свое плечо и пошел к воротам. Свон, облегченно вздохнув, поковыляла следом. Петрик за время путешествия набрал в весе и сильно оттягивал руки, поэтому ей тяжело давался поход по глубокому снегу.

Увидев ее шаткую походку, спешил и второй всадник.

– Давайте я понесу ребеночка.

Буря чувств отразилась на лице пожилой женщины, что немало удивило отзывчивого всадника: радость сквозь слезы, облегчение и печаль. Старушка с готовностью отдала Петрика, который в чужих руках сразу же перестал хныкать. Мужчина снял с лица шарф и, подбадривая, широко улыбнулся. Но даже если бы он не открыл лица, Свон все равно узнала бы его.

Перед ней стоял Дак.

Прошло всего неполных три месяца с момента их последней встречи, но младший сын графа Шовеллер разительно изменился. Где его пухлые щеки и нездоровый цвет лица? Где взгляд обиженного подростка? Где капризный голос? Перед ней стоял самый настоящий мужчина – уверенный, мужественный и такой ... родной.

Ее привели в жарко натопленную комнату. Свон с трепетом наблюдала за действиями друга. Изнутри ее разрывало желание кинуться к нему на шею и выплакать все, что пришлось испытать за время разлуки.

Ничего не подозревающий Дак положил ребенка на потертый, оббитый кожей диван, и, сдержанно извинившись, удалился.

Свон, оглядев аскетически меблированную комнату, устало стянула с головы платок, сняла меховой зипун и начала раздевать ребенка. Петрик опять заплакал.

– Сейчас, сейчас, маленький. Попросим теплой воды и помоем тебя. Позовем Гри с козой, и будет у нас молочко, – приговаривала она, растирая холодные ручки и ножки малыша.

В комнату вернулся избавившийся от теплой одежды Дак.

Свон, отвлекаясь лишь на мгновение от младенца, с удивлением отметила, что друг заметно похудел: никто не смог бы назвать его толстяком. Дак раздался в плечах, избавился от живота, отросшие до плеч волосы и горящий на щеках румянец делали его привлекательным. Он походил на доброго молодца, выросшего на свежем деревенском воздухе.

– Ребенок голоден? – спросил младший отпрыск графа Шовеллер, склонившись над диваном и с теплотой во взгляде рассматривая Петрик. – У вас есть, чем его накормить?

– Да, козье молоко. Козу нужно подоить.

В их разговор вмешался мужчина, оказавшийся старшим в отряде всадников. Когда он снял верхнюю одежду, Свон узнала в нем одного из стражников замка Шовеллер, который дружил когда-то с Амали и Бертой. Его звали Бертран. Да, именно так. Он часто посмеивался, сидя на кухне у очага, что их имена с поварихой схожи, поэтому, как тетка, должен получать лишнюю порцию пирога.

– Ваш дракон не подпускает к себе наших людей, – пожаловался Бертран. – Он не слушает команды погонщиков, поливает их огнем. Что с ним делать?

– Я сама позову его, вот только ... – замялась Свон, глядя на машущего ручками Петрика.

– Младенцем займусь я, – в комнату вошла широкобедрая женщина. – У меня месяц назад родилась доченька, молока на всех хватит.

Свон первый раз разлучалась с малышом, поэтому забеспокоилась, но видя, как будущая кормилица воркует над ним, отогнала тревогу прочь.

– Ну, и как тебя зовут? Петрик? Ах, да тебя искупать нужно! – она смешно поморщила нос, разворачивая нижнюю пеленку. Мальчик замер и настороженно рассматривал улыбающуюся незнакомку. Но когда та, беря его на руки, цокнула языком, вдруг улыбнулся во весь беззубый рот.

– Это Сара, моя жена – ей можно доверить мальчонку, – сказал Бертран, с нежностью глядя вслед красавице, уносящей малыша.

Свон, вспомнив о драконе, опять надела зипун и поспешила во двор. Ее сопровождали закутанные в теплые плащи охранники. Выйдя за ворота, Свон прошла по тропинке ближе к скалам, за которыми слышалось отчаянное блеяние козы.

– Гри! Гри, спускайся сюда. Все в порядке! Нужно идти в крепость!

– Да, у нас есть драконий сарай! – подсказал один из стражников. – Ваш Гри не заскучает, он найдет там приятную компанию, состоящую из двух драконов.

Дракон, высунув морду из-за уступа, прислушался к словам человека. При слове «драконихи», он приподнял надбровную дугу и оскалился.

– Не бойтесь, – успокоила охранника Свон, видя, как тот в ужасе отшатнулся. – Дракон так улыбается.

Она еще раз окликнула Гри и повернулась к крепости. Ноги промокли, и очень хотелось опять оказаться в тепле. Свон беспокоилась о Петрике. Не станет ли он плакать в чужих руках?

Дракон с блеющей козой на спине медленно спустился со скалы и последовал за Свон. Подойдя к воротам, он с подозрением оглядел их, но они оказались достаточно размера, чтобы пропустить его с беседкой на спине.

Драконий сарай прижался к левому боку замка. Чем ближе к нему подходила процессия, тем яснее оттуда доносился характерный для ящеров запах, который буквально сшибал с ног.

– Козу, козу снимите! – крикнул подоспевший Бертран. Проследив, чтобы козу-кормилицу хорошо устроили, Свон вернулась в дом. Петрика в комнате не оказалось, но гостью успокоили, что его искупали и покормили. Сейчас он спит рядом с дочерью Бертрана.

Свон стыдливо стянула с ног промокшие сапоги. Она не могла скрыть досады, когда увидела свои ступни. Темные вены разбухли и змеились по иссохшей ноге, словно корни столет-

него дерева. Мужчины отошли в сторону, стараясь не смущать раздевающуюся пожилую женщину. Услышав стон, вырвавшийся у Свон, они переглянулись, но решили, что гостья устала, поэтому поспешили пододвинуть к ней ближе стул.

Свон обрадовалась, когда рядом с ней поставили чьи-то войлочные сапожки. Правда, они были большого размера, но выбирать не приходилось: тепло и ладно. Сразу же кухарка (судя по засаленному фартуку женщины) принесла кувшин с горячим молоком и краюху хлеба. Свон с аппетитом набросилась на нехитрую еду. Пока она ела, все лишние люди вышли, и в комнате остались двое: Дак и Бертран. Они терпеливо дожидались, когда незнакомка насытится.

– А теперь, давайте, познакомимся, – предложил Бертран, видя, как пожилая женщина аккуратно собрала крошки со стола в рот и допила молоко.

Свон вздохнула. Она не знала, как ей представиться. Придумывать имя не хотелось, но поверят ли ей, расскажи она свою историю?

– Мы давно знакомы с тобой Бертран. И с тобой – Дак Шовеллер, – тихим голосом произнесла она, пытливо вглядываясь в лица мужчин.

Видя удивление, спокойно пояснила:

– Мы встречались в замке Шовеллер. Я та самая Свон, которую граф приютил семнадцать лет назад. Нет, не надо смотреть на меня, словно я ненормальная. Я расскажу свою историю, и вам решать, верить мне или нет.

На крепость опустилась мгла. За стеной заунывно выл ветер, кружа ледяные крупинки снега. Небольшую комнату освещал только огонь, весело пляшущий на сухих поленьях, потому что никому из присутствующих не пришлось в голову зажечь свечу, стоящую на столе, настолько необычную историю рассказывала им пожилая женщина.

Когда она закончила, Дак решил уточнить некоторые моменты, чтобы знать, не самозванка ли сидит перед ним.

– Скажите, где вы нашли записку, которую я оставил в день отъезда из замка? – осторожно начал он, надеясь получить правильный ответ. – И что было написано на клочке бумаги.

Свон обеспокоенно посмотрела на Бертрана, боясь открыть ему королевскую тайну.

– Не бойся, – подбодрил Дак. – Бертран мне больше, чем друг, и знает, за что меня сослали в Дохо.

– Записка была написана на странице, вырванной из молитвенника. Нашла я ее в нашем тайнике, устроенном в косяке двери. Там было написано одно слово: «королева».

Дак выдохнул. На его лице отразилась смесь чувств: он испытал облегчение от того, что перед ним действительно сидела Свон, и невероятную печаль от того, что вся рассказанная ею история – чистая правда. Его подруге, судя по ее виду, осталось жить совсем недолго.

Он подошел к ней, поднял со стула и крепко обнял. Плачущая от радости Свон потерялась в его мощных объятиях. Она нашла друзей.

Дак, желая подбодрить подругу, гладил ее по голове.

– Тш-ш-ш, все устроится. Я не знаю, как все случится, но все будет хорошо! – он торопливо вытер предательски набежавшие слезы и смущенно улыбнулся. – Для тебя, Свон, есть еще один сюрприз. Только боюсь, выдержит ли твое сердце?

Вдруг во дворе раздался страшный рев, и земля содрогнулась.

Все, кто был в комнате, выбежали наружу. Свон на ходу надевала зипун. По знакомому реву она догадалась, что в драконьем сарае бушует Гри.

«Что еще натворил мой белый дракон?»

Она уже не думала об обещанном Даком сюрпризе, ее беспокоили шум и продолжающиеся сотрясения здания.

Когда в окружении испуганных людей она добралась до драконьего сарая, то увидела странную картину: ее дракон прыгал на месте, как шаловливый козленок. Грацией козлика он

не отличался, поэтому его прыжки были ужасно тяжелыми и сопровождались трубным ревом. Комичность картины никак не вязалась с ожидаемым, поэтому все, набившиеся в сарай люди, застыли, открыв рты.

Только когда вошли стражники с факелами, стало ясно, что прыгает от радости не один дракон. Возле него приплясывает, растопырив крылья, дракон небольшого роста.

– Гри! Что случилось? – крикнула Свон, забыв, что люди не знают о способности дракона к человеческой речи.

Услышав родной голос, дракон резко наклонил голову и радостно выдохнул всего одно слово: «Трилли!».

Свон засмеялась. Не только она нашла своих друзей, но и крылатый друг встретил любимую. Она погладила белоголового по шершавой губе и крикнула недоумевающим людям:

– Все в порядке! Дракон радуется встрече со старой знакомой!

Поняв, что представление закончилось, люди стали расходиться.

Но стоило Свон выйти на свежий воздух, как ее подхватил Дак и потащил к стоящему на крыльце человеку. В его руке была стеклянная лампа, и тусклый свет озарял лицо огромного мужчины.

– Роки! – произнесла удивленная Свон, и силы оставили ее. Кок, ничего не понимая, подхватил падающую на ступени женщину.

– Неси ее в южную спальню! – скомандовал Дак.

Роки почти бежал, ему казалось, что незнакомка вот-вот умрет на его руках.

«И чего она смотрит с такой печалью! Ох, а теперь и вовсе глаза закрыла!»

Нет, Свон не лишилась чувств в очередной раз. Она просто уснула От усталости, от переизбытка впечатлений.

Когда она открыла глаза, рядом с кроватью сидело двое мужчин. По лицу Роки текли слезы, он шмыгал распухшим носом.

– Свон! – произнес он, прежде чем опять начать рыдать в большой платок.

– Я рассказал ему твою историю. Он сразу поверил. Только ты могла знать о готовящемся побеге со «Свирепого» и прочих мелочах, связанных с жизнью на корабле.

– Ну как же ... Ну как же... – не смог закончить фразу плачущий мужчина.

Свон присела, облокотившись на подушки.

– Как же меня угораздило? Нет? Как же меня спасти, чтобы я не умерла от преждевременной старости? – увидев утвердительный кивок, она вздохнула. – Пока не знаю. Но время, я думаю, еще есть. Нужно поискать в книгах. Не может быть, чтобы нигде не описывалась Пелена Смерти. Я отправлюсь в замок Шовелелр. В нем богатая библиотека, я думаю, там я смогу найти ответы на многие вопросы.

– Я еду с тобой, – воодушевился Дак. – Ребенка оставим здесь. В Дохо он в безопасности. Сильный гарнизон королевских пограничников не даст никакому врагу приблизиться к Петрику. Главное, чтобы Бахриманы не узнали, что их наследник появился на свет. Но об этой тайне кроме нас четверых никто не знает. Бертран будет воспитывать его как своего сына. Мы уже договорились. Свон, не переживай, Сара вполне заменит родную мать.

– Вы можете мне? – с надеждой в голосе спросила Свон.

Вдруг кок заплакал еще громче. Дак обнял его за плечи и заглянул в лицо, но Роки старательно отвел взгляд. Свон сразу поняла, что Блэк чего-то боится.

– Роки, пожалуйста, расскажи, что ты наделал? – ласково спросила она. – Мы должны знать, к чему готовиться.

Последовал еще один протяжный вздох.

– Завтра-послезавтра здесь появится Эдуард. Я отправил к нему Кырка. Мы уговорились: как только белый дракон прилетит в Дохо, я сразу дам принцу знать.

– Когда ты встретил Эдуарда? – взволнованно спросила Свон. Ей срочно нужно было придумать, что делать дальше. Открываться принцу она не хотела. Страшно даже представить, как он отреагирует на ее рассказ, а еще страшнее – увидеть брезгливость или жалость на его лице. Нет, лучше умереть!

– Он поймал меня, когда я пробирался в Дохо.

– Как это поймал?

– Свон, милая. Давай я расскажу все по порядку, а потом мы решим, что говорить ему, когда он зайвится в крепость.

– Подождите! – Дак встал со своего места. – Если я не выпью, то не переживу этот день. Вы решили угробить меня своими историями.

Дак удалился на несколько минут, и Свон успела оглядеться. Комната, в которой они находились, имела такую же скромную обстановку, как и предыдущая. Кроме кровати, небольшого сундука у узкого окна, кресла с обшарпанными ручками, пары стульев и колченогого стола в ней ничего не было. Ни гобеленов на стенах, ни плотного занавеса, ни камина. Но холода не ощущалось. Вытянув ноги, Свон почувствовала, что под одеялом лежит завернутый в тряпку теплый камень. Она слышала, что в северных странах люди согревают постели подобным образом, и не удивилась столь странной грелке. На полу комнаты лежал темный ковер. В скудном освещении одинокой свечи можно было различить, что он основательно протерт.

Роки сидел, кутаясь в шерстяное одеяло, хотя был одет в меховую безрукавку. Он молчал во время отсутствия Дака и продолжал прятать глаза. Свон не стала расспрашивать друга, она видела, как собирался с мыслями.

Глава 14

Вместе с Даком в комнату зашла кухарка, неся поднос с темной бутылкой и тремя глиняными чашами. Свон с теплотой в душе отметила, что некогда капризный Дак уже привык пользоваться простыми вещами. Хоть из одного отпрыска графа Шовеллер вышел толк.

Разлив вино, он дождался, когда каждый пригубит его, и осушил свою чашу большими глотками. Тряхнув отросшими кудрями, громко выдохнул. Повернувшись к не успевшему выпить Блэку, хлопнул его по спине.

– Давай, друг!

Роки встрепенулся, сделал глоток, вытер ладонью пухлые губы, почти не выделяющиеся цветом на фоне черного лица, и укоризненно блеснул белками глаз на улыбающегося Дака.

– Помнишь, Свон, при каких обстоятельствах мы расстались? – бывший кок дождался кивка подруги и продолжил. – Тебя уносил на плече человек из Лиги, а я ничего не мог сделать. Бессилие раздирало меня. В ярости я кинулся следом, думая, что успею запрыгнуть на дракона. Не знаю, как все обернулось бы, если бы я смог это сделать. Но я не успел.

Напряженная поза Роки, то пальцы, сжимающиеся в кулаки, то ладонь, рубящая воздух, показывали, как сильно он переживал момент расставания.

– Роки, садись рядом со мной, – позвала его Свон.

Когда он со вздохом перебрался к ней на кровать, Свон обняла его за плечи, чтобы будоражившие Блэка чувства поутихли. Да и ей самой требовались дружеские объятия. Им обоим тяжело давались воспоминания. Страшно подумать, но тогда, находясь в беспомощном состоянии, она распрощалась с другом навсегда, ведь море поглотило человека, кажущегося таким маленьким по сравнению с необъятной стихией.

Роки с благодарностью взглянул на подругу, перевел дыхание и заговорил спокойнее.

– Холодная вода привела меня в чувство. Волны, поднятые крыльями дракона, накрывали с головой и грозили навсегда утащить на дно, но я напомнил себе, что дела на этом свете не закончены, есть девушка, ради которой я пойду на край земли. «Дохо! Дохо!» – всплыл в памяти твой крик. Получив мысленно приказ, я стал грести изо всех сил к неуправляемому кораблю. Ветер и волны, словно сговорились и отгоняли его все дальше и дальше от меня. Команда растерялась, оставшись без Зорга. Никто не мог взять управление на себя, поэтому судно болталось в море, как сухая скорлупка ореха, во власти могучей стихии.

Но вот «Свирепый» развернуло ко мне тем бортом, на котором была укреплена лодка, в которую я так долго стаскивал вещи для побега. Желание забраться в нее и плыть к тебе на выручку подхлестнуло, придало сил, и я закричал так громко, как никогда в жизни не кричал. На мое счастье, команда все еще находилась на палубе, и меня услышали.

Как только я поднялся на борт, раздался вопль, что к нам приближается чужой корабль. Я понял: времени осталось мало. Если не сбегу сейчас, потом не смогу: всех нас посадят на цепь, как бунтовщиков, сообщников, пытающихся спрятать ценный груз от Лиги. Торговцы Форша не станут разбираться кто прав, а кто виноват.

Пока моряки замерли у борта, я метнулся в каюту капитана и забрал клетку с дракончиками. Их ждала печальная судьба. Мало кто вспомнил бы о малышах, когда собственная жизнь висит на волоске. В камбузе я собрал все ледяные кристаллы и огненные камни – они могли стать ценным подспорьем в дороге к замку Дохо. Я собирался держать путь на север.

В голове созрел план – купить в Форше дракона: только летающий ящер сможет перенести меня через море, а потом и через континент до северных границ Эрии. Конечно, я пока не понимал, как добраться до крепости, и сможет ли дракон туда долететь. Но иметь хоть какой-

то план, пусть плохой, но делающий меня чуть ближе к намеченной цели, уже что-то. Если моя девочка хотела, чтобы я добрался до Дохо, я должен попасть туда.

Когда на корабль взошли заказчики товара и представители торговцев Лиги Форша, моя лодка уже качалась на волнах. При выборе, оставить ли в посудине лишний бочонок с водой или занять драгоценное место клеткой, выбор пал в пользу живительной влаги. Кырк и Дырк так привыкли к человеку, кормящему их, что не пытались улететь, а спокойно сидели на моих плечах, пока я греб на восток. Там, по моим расчетам, находился порт.

Я немного сбился с пути и провел в море не два дня, как рассчитывал, а четыре. Но, потратив лишние сутки, все-таки добрался до Форша. Новости, услышанные в торговых рядах, повергли в ужас. Все обсуждали два события: пожар в порту, потопивший «Свирепого» и еще пять кораблей, и огонь, начавшийся в доме главы Лиги торговцев Форша и уничтоживший четверть Форша. Прошло три дня, но в воздухе все еще чувствовался сильный запах гари.

Несмотря на трагические события, жизнь в Форше продолжала кипеть. Я сразу связал оба случая. Пытаясь узнать твою судьбу, Свон, я выяснил, что команда «Свирепого» расформирована. Матросов, как рабов, продали на разные корабли: они должны отработать по три года бесплатно. Так решила Лига. Один из торговцев, получив от меня золотой, шепнул, что команду сначала привезли в порт и держали в закрытом доке, где с ней встретился тайный гость. Он расспрашивал о некоей рабыне, плившей на «Свирепом». Причем, его не интересовало, куда она делась, ему важно было знать, что она рассказывала о себе, кого упоминала в разговорах. Ничего вразумительного команда вспомнить не могла, кроме того, что она кричала, когда ее уносили с корабля то ли Тохо, то ли Доко.

– Когда это было? Узнал ли торговец, кто этот тайный гость? – не выдержала Свон. Ей стало страшно: кто еще интересовался ею?

– Разговор случился днем, а ночью сгорел дом Кречета. Говорили, что там проходили тайные торги, но предатель украл предмет торга, и разъяренные покупатели разгромили усадьбу в наказание. Получается, тебя украли утром, днем неизвестный разговаривал с командой, а ночью сгорели дома торговцев.

– Так кто же сжигает дома и корабли? Неужели принц?! Зачем он обрекает и виновных, и невиновных на гибель? – Свон не хотелось думать, что Эдуард казнит всех без разбора. Государственный деятель не может нарушать законы и вести себя как разбойник на чужих землях.

– Давай, я расскажу все по порядку, и ты сама поймешь, творит ли он беззаконие. Так вот, поговорив с торговцами, я понял, что бесполезно искать тебя в Форше. Похитители могли увезти рабыню в любую часть света, поэтому пришлось вернуться к основному плану – добраться до Дохо, тем более, неизвестный, получив информацию, тоже покинул Форш. Еще один золотой, и я выяснил, что перед отбытием из Форша его видели в павильоне, где торгуют драконами. Он купил всех, представляешь, всех драконов, выставленных на торги. Я тут же отправился туда.

Выгодно сбыв магические камни и получив отданные на хранение деньги у ростовщика, я собрал приличную сумму. Но не смог купить ни одного сильного дракона. После пожара их цена взлетела вдвое. Честно говоря, я готов был пожертвовать Кырком и Дырком, но за них давали так мало, что на достойного дракона все равно не хватило бы. Поэтому я рассудил оставить их у себя, и купить любого дракона, которого отдадут за имеющиеся деньги.

Когда я увидел Трилли, засомневался, что она вообще взлетит. Маленькая, чуть больше лошади. Ну, ты видела ее. Как такая малышка перелетит через море? Но человек, продававший ее, очень хотел заработать на внезапно взлетевших ценах. Через неделю-другую торговцы доставят новых драконов, и торговая жизнь Форша вернется в прежнее русло. Поэтому я заключил выгодную сделку: плюс к Трилли получил подробную карту передвижения через море и по территории Эрии.

Так я полетел на драконихе от острова к острову, от отмели к берегу, от бугорка к кочке. Знаешь, как страшно, когда, выдохнувшись, Трилли начинает зачерпывать крыльями воду? Я-то не маленький. Кырк и Дырк жалели ее и большую часть пути летели рядом.

Роки замолчал, взял лапищей чашу с вином и шумно его выпил. Вздохнув, он продолжил:

– Однажды на привале, когда мы находились на полпути в Дохо, меня накрыла тень огромного дракона. Он сделал круг-другой над нашей стоянкой и вскоре приземлился, подняв страшную пыль. Пока я тер глаза, пытаюсь их прочистить, ко мне через завесу поднятого в воздух песка решительным шагом приближался высокий человек. Так я впервые увидел наследника Эрии. Ну, что сказать, Свон. Он произвел на меня впечатление. Умный, спокойный, не кичливый.

Сначала он вежливо поздоровался, а потом с усмешкой в голосе спросил:

– Уважаемый Роки Блэк, куда вы летите? Случайно, не в Дохо?

Я, как стоял, так и сел. А он засмеялся и говорит, что все знает обо мне и моей дружбе с девицей Свон, за что мне большое спасибо. Представляешь, он благодарил меня за дружбу с тобой! Тогда я напрямик спросил, не он ли, часом, допрашивал команду «Свирепого»?

– Да, я. Я хотел узнать, что происходило на корабле во время плавания, куда могла деться Свон после торгов. Вдруг, кто-то из команды решил помочь ей сбежать? Я выяснил, что она дружила с тобой, и ее последние слова были обращены именно к тебе. Я не сразу догадался, что она кричала «Дохо», но эти сведения пригодились после ее исчезновения с острова графини Леоль Пигеон.

Роки опять шумно хлебнул вина.

– Глотка пересохла – пояснил он. – Я никогда так много не говорил.

Наполнив свою чашу до верха и добавив вина Даку, Роки продолжил:

– Получив от Эдуарда столь подробный ответ, я приободрился и вновь задал вопрос: причастен ли принц или его люди к сожжению половины Форша? Он удивился и признался, что не знал о пожаре. Я сразу по его лицу понял, что не врет. Раз пошла такая беседа, решил я и про остальные пожары узнать. И на все получил ответ – нет. Единственное, что он взял на себя: казнь всех замешанных в похищении женщин на территории королевства Эрия. Но суд проводился по всем законам его страны, где за торговлю людьми одно наказание – смерть через повешение. Принц не принимал участие в суде, не хотел терять время. Он, как только получал сведения, сразу следовал дальше по твоему следу. Сказал, что ты умница: оставляла приметные бусинки и цветочки, иначе доказать преступное дело оказалось бы трудно.

А потом он сетовал, что нашел тебя на том острове, но ты опять сбежала. Наследник подозревал, что ты рано или поздно прилетишь в Дохо, поэтому попросил стать его глазами и ушами. Свон, я может и подвел тебя, но никак не мог отказать Эдуарду. Я поверил ему и согласился известить, как только здесь появится белый дракон. Сегодня Кырк улетел на соседнюю заставу, а тамошние пограничники сообщат принцу, что ты в Дохо. Через день-два Эдуард появится в нашей крепости.

Роки вздохнул, допил свою чарку и виновато посмотрел на Дака.

– Прости, друг, что не рассказал о встрече с принцем. Я слово дал. Может быть, я и сейчас молчал бы, но Свон нужно помочь. Кто знал, что проклятый Камиль наложит Пелену Смерти? Давайте, обсудим, что делать дальше, а то у меня голова кругом идет. Признаваться ей, что перед Эдуардом не старушка, а та самая Свон, или повременить?

– Я не хочу признаваться, – вставила свое слово "не старушка". – Мне нужно как можно быстрее попасть в замок Шовеллер. В библиотеке я постараюсь найти описание заклинания Пелены и попытаюсь избавиться от нее. А если не удастся, хотя бы напоследок встречусь с матушками. Не хочу видеть глаза принца в момент, когда он осознает, что представшая перед ним рухлядь – бывшая красавица Свон.

– Ты и сейчас красива! Ну, этой, старческой красотой, – решил утешить ее Дак, за что получил пинок от Роки.

– Принц обязательно спросит, откуда у тебя белый дракон? – Блэк решил вернуться к обсуждению.

– Я скажу, что работала служанкой в замке и спаслась бегством.

– Но почему ты летела в Дохо? Не слишком ли странный маршрут для служанки?

– Служанка одинока, а Свон мне рассказала о своих друзьях! Скажу, что она делилась со мной всеми тайнами и я, как старшая подруга, была близка с ней и...

– Значит, ты – служанка Свон?

Все трое вздрогнули, услышав голос четвертого человека.

У двери стоял, облокотившись на косяк и сложив руки на груди, наследный принц Эдуард. Как давно он стоял, не мог ответить ни один из остолбеневших от неожиданности друзей. Увлеченные беседой, они забыли об осторожности. Мужчины поспешно встали, склонив головы перед Его Высочеством – наследным принцем Эрии.

Принц шагнул к столу, налил в свободную чашу вина и выпил залпом. Поставив ее на место, устало махнул рукой мужчинам:

– Оставьте нас одних с ... – он посмотрел на побледневшую женщину, пытавшуюся выбраться из вороха одеял, чтобы встать с постели. Наследник остановил ее жестом руки.

– Со служанкой Гретой, – нашлась Свон, вспомнив имя знахарки из Турсы. Она все еще надеялась, что принц не понял, что за старушка перед ним. – А вы кто?

«Играть, так играть до конца!» – решила она.

– Я – принц Эдуард Эрийский. И хочу поговорить с вами, милая леди, о девушке, которую безуспешно ищу уже несколько месяцев.

Проследив, чтобы Роки и Дак вышли и закрыли за собой дверь, принц улыбнулся взволнованной старушечки, и тихо произнес: «Ну что, попалась?»

Наслаждаясь оторопью «старушки», Эдуард поднял скрипучее кресло, поставил перед Свон и удобно устроился в нем. Разговор обещал быть долгим.

Он не отрывал глаз от женщины, которая то бледнела, то краснела, то беззвучно открывала и закрывала рот. Не дождавшись ответа, принц наклонился вперед так низко, что едва соприкоснулся с носом собеседницы.

Чувствуя себя кроликом перед удавом, Свон отодвинулась и попыталась сползти с кровати, но принц четко скомандовал:

– Сидеть. Хватит бегать.

– Я... Мне... Не... – заблеяла тонким голосом «старушка», но наследник протянул руку и пальцами закрыл ей рот.

– Ничего не говори. Я сам расскажу тебе одну занимательную историю. Если ошибусь в мелочах, пожалуйста, поправь. Согласна?

«Старушка» часто закивала головой. Эдуард откинулся на спинку кресла, удобно устроив руки на подлокотниках.

– Шесть лет назад принц одного королевства отправился на охоту. Пока слуги и придворные устраивались на ночлег, он решил прогуляться к реке. Было темно, но в свете луны наследник разглядел на другом берегу странную компанию. Четверо тащили тяжелый мешок, в котором находился кто-то живой – он брыкался, выгибался и пытался вырваться на свободу.

Сначала наш герой решил, что несут собаку, но, когда из мешка раздался крик ужаса, он понял, что в воду летит вовсе не животное – человек.

Раздумывать было некогда – темная вода быстро поглотила свою добычу. Принц, прыгнув в реку, сумел ухватить тонущий мешок. Сильное течение относило в сторону, поэтому он не сразу выбрался на берег.

Девочка, (а в мешке находилась именно девочка), нахлебавшись воды, уже не дышала. Наследник старался возродить в ней жизнь, но, увы, та неумолимо покидала тело.

У принца остался единственный способ спасти ребенка от гибели – надеть на пальчик Кольцо Жизни. Магическая вещица помогла: девочка задышала, но, увы, все еще находилась в беспамятстве.

Подоспевшие царедворцы предложили отвезти спасенную на охотничью стоянку, но Его Высочество воспротивились.

– Она поедет со мной. Мне хочется узнать, кто из моих подданных позволил себе топить в реке ребенка. Наверняка, у него есть родные, которым небезразлична его судьба. Я найду их.

И никто из придворных не посмел возразить, хотя это не дело монархов – развезать по округе с малолетней утопленницей в руках.

Послав людей за королевским лекарем, принц отправился к ближайшему селению. Конь вывез его к замку Шовеллер.

Каково же было удивление наследника, когда в четверых разбойниках он узнал трясущихся от страха детей советника короля. Они бросились врассыпную, как только увидели въехавшего во двор всадника. Граф Шовеллер с женой находились в это время в шатре короля, поскольку собирались принять участие в предстоящей охоте.

Скажу сразу: охота не состоялась. Ее заменила аудиенция у короля, где принц потребовал сместить советника с занимаемой должности с последующей ссылкой его семьи в удаленное имение. Он требовал прервать карьеру его сыновей при дворе, о которой граф неустанно хлопотал, со всеми неприятными последствиями: потерей доброго имени и значительной части состояния.

Король, доверявший наследнику как никто другой, одобрил требование, но правосудию помешали. Вмешалась королева. Она смягчила приговор, ссылаясь на хрупкое здоровье графини, которое могло еще больше пошатнуться, если ее ввергнут в пучину отчаяния и еще чего-то такого, на что обычно жалуются леди, когда хотят отгородить невоспитанных отпрысков от кары короля.

Король принял решение: семья графа обоснуется в столице, где отпрыски Шовеллер будут под неусыпным надзором родителей и специально приставленных воспитателей из числа военных. Мальчики по окончании обучения отправятся в королевскую армию, где начнут службу с низших офицерских чинов. Девочкам, по достижению определенного возраста, предстояло выйти замуж, согласно королевского выбора.

Так, следуя строгому приказу, семья придворного вельможи покинула родовое поместье на долгие пять лет.

Вскоре в замок Шовеллер, где осталась жить спасенная девочка, под надуманным предлогом прибыл преданный наследнику человек. Он поселился в имении рядом с замком и находил время увидеться со своей подопечной.

– Алекс? Вы говорите об Алексее? – не удержавшись, спросила «старушка», но по тому, как блеснули глаза Эдуарда, сразу поняла, какую совершила оплошность, и густо покраснела. Принц улыбнулся.

– В обязанности Алекса входили охрана девочки, обучение наукам, придворному этикету, танцам и всему тому, что может пригодиться в будущей жизни при дворе.

– При дворе?

Свон не удержалась от вопроса, расхрабрившись, что ее предыдущий промах не вызвал открытого недоумения со стороны принца. Она все еще надеялась, что Эдуард считает ее сбегавшей с острова служанкой, которая многое знает из этой истории от самой Свон.

– Да, при дворе. В согласии с ее статусом, – кивнул принц, но видя изумленное выражение лица «старушки», решил пояснить: – Я разве не упомянул, что Кольцо Жизни осталось на руке девочки? Именно оно подсказало наследнику, что перед ним не простой крестьянский

ребенок. В спасенной девочке определенно текла королевская кровь. Так уж устроено, что Кольцо Жизни невозможно снять с руки венценосной особы без ее согласия. А согласием служит определенная магическая фраза. Будь наша утопленница, скажем, дочерью кузнеца, принц легко бы снял с ее пальца кольцо. Он часто пользовался этой магической вещью, оказывая помощь нуждающимся, и ни разу – повторюсь, ни разу в его жизни не случилось, чтобы кольцо воспротивилось его воле. А тут оно словно вросло в палец ребенка. Тогда наследник понял: нужно дождаться, когда девочка придет в себя, и попросить ее произнести нужные слова.

– Какие слова? – любопытство раздирало Свон. Ей захотелось немедленно проверить, удастся ли теперь снять кольцо.

В этот момент она совершенно забыла о Смертельной Пелене, надетой поверх Кольца Жизни. Непроизвольно потрогав металлический ободок, Свон вспомнила предупреждение жреца, что тот будет ждать, когда кольцо покинет ее палец.

«Нет, Камиль не сунется в Дохо, здесь слишком много вооруженных людей».

Но сейчас ее волновало совсем другое: у Свон уже не раз появлялась мысль, что она живет так долго лишь благодаря Кольцу Жизни. Ведь Камиль давал ей пару недель, а с момента их встречи прошло больше месяца.

«Выходит, это Кольцо Жизни сдерживает действие Смертельной Пелены? А вдруг, как только я произнесу магическую фразу, тут же умру? А так многого хочется перед смертью сказать... И с Петриком я не попрощалась».

От Эдуарда не скрылись ни волнение Свон, ни ее жест, когда она с опаской дотронулась до своего пальца. Наследник внимательно посмотрел на руки Свон. Та побледнела, мысленно ругая себя за очередную оплошность, и спрятала руки под одеяло.

– Не надо произносить эту волшебную фразу, Ваше Высочество, – пробормотала «старушка» и торопливо добавила: – Мне она ни к чему. Я просто хотела узнать, с чего началась история Свон.

Все еще переживая, что принц ненароком произнесет заветные слова, а она в помрачении старческого ума повторит их и тут же умрет, Свон поделилась тем, что волнует ее больше жизни:

– Прежде чем Ваше Высочество продолжит повествование, я хотела бы попросить проявить заботу об одном беззащитном существе. В Дохо находится ребенок, за которым могут охотиться жрецы из Сулейха. Пожалуйста, не дайте им добраться до малолетнего графа Пигеон.

– Зачем жрецам ребенок?

– Так сложилось, что он является единственным наследником Верховного жреца. Как только Бахриманы проведают о его существовании, тут же явятся за ним. Вы, наверное, и сами уже заметили, что жрецы используют магические переходы из места в место, а значит, могут и здесь появиться неожиданно. В любую минуту. Даже прямо сейчас.

Свон таким образом хотела предупредить Эдуарда. Пусть он будет настороже. Ее не столько страшила собственная смерть, сколько появление Камиля, который обещал вернуться и завладеть Кольцом Жизни. Раз Бахриманы умеют ходить сквозь стены, вдруг один из них сейчас стоит где-то за шкафом и подслушивает? Тогда под ударом окажутся и Эдуард, и маленький граф Пигеон.

Но пришла пора наследнику отрицательно качнуть головой, показывая тем, что он наслышан о таинственных жрецах и не боится их.

– Не беспокойся, меры уже приняты. Наши маги сотворили ловушки, которые уничтожат любого, кто попытается воспользоваться дорогой Бахриманов. Мои люди расставили их по периметру крепости, поэтому не стоит опасаться появления жрецов в Дохо. Но прежде чем мы вернемся к жрецам, чтобы понять, что им от тебя нужно, позволь мне продолжить рассказ?

– Только, пожалуйста, не произносите пока магическую фразу! – взмолилась Свон. Она не знала, как действует магия. Вдруг окажется достаточным, чтобы заветные слова произнес Эдуард, и «старушка» хлопнется перед ним замертво, не успев даже обмолвиться о Смертельной Пелене?

– Ну, хорошо. Итак, принц узнал, что девочка из королевского рода. Но тут ему пришлось задуматься – как принцесса могла оказаться в замке Шовеллер, да еще в качестве помыкаемой сиротки? Он решил ни с кем не делиться и не проявлять открытого интереса к Свон. Нужно было понять, кому выгодно прятать высокородную девочку в лохмотьях служанки?

Дело оказалось непростым. Наследник надеялся, что достаточно определить дату ее рождения, хотя бы приблизительно, а потом выяснить в каком из королевских семейств семнадцать лет назад пропал ребенок. Но не тут-то было...

Работа, проделанная принцем и его шпионами, заняла годы. Пришлось наведаться в каждое из существующих королевств, выяснить, имелись ли у кого из правителей побочные королевские линии или, может быть, произошло насильственное свержение власти, как это часто случается в борьбе за трон. Но наш герой так и не смог найти, к какому семейству принадлежит воспитанница графа Шовеллер.

Тем временем принцесса росла. Алекс посылал еженедельные отчеты об ее успехах, а наследник по-прежнему скрывал от всего мира свою находку. Он пожертвовал Кольцом Жизни лишь потому, что желал оставаться спокойным за девочку. Ведь тот, кто спрятал ее в глуши, имел на нее определенные планы и ждал своего часа.

Как человек, выросший при дворе, где между придворными шла непрерывная борьба за власть, принц понимал, что спрятанный в рукаве козырь часто уничтожают, если его обнаружение влечет смертельную опасность. Поэтому установил слежку за всеми теми, кто окружал принцессу.

Каково же было его удивление, когда воспитанницей вдруг заинтересовалась его мать. О Свон нечаянно обмолвился кто-то из детей Шовеллер, кажется Дак, и королева тут же вызвала советника к себе. Она подробно расспросила его о сироте и на время успокоилась. Но принца смутил интерес его венценосной матери к простой сироте. Он стал наблюдать за ней и вскоре выяснил, что у королевы довольно тесная связь с графом Шовеллер, их отношения явно выходили за рамки дружеских. Королева постоянно защищала графа и его отпрысков. Возникло подозрение, а не шантажирует ли советник королеву?

Но что такого могла совершить его мать? Чего она боялась?

Свон бил крупный озноб. Рассказанное принцем настолько ее поразило, что она начала опасаться за свое старое сердце. Принц, увлекшись рассказом, не сразу обратил внимание на ее болезненное состояние.

– Ты вся дрожишь, – забеспокоился он, когда Свон натянула одеяло на голову. – И пальцы холодные, – принц поймал ее за руку, на которой сверкнуло кольцо.

Быстро поднявшись, он выглянул за дверь и приказал принести жаровню. В комнате действительно царил холод, а камни, греющие постель, давно остыли.

Не дожидаясь выполнения приказа, принц налил в чашу вина и протянул Свон. Она приняла ее, но не смогла удержать – руки тряслись. Тогда Эдуард сам напоил несчастную «старушку», а потом, укутав плотнее в покрывало, сел рядом и обнял.

– Может, вернемся к магической фразе? – спросил он, наклонившись к самому ее лицу. – Пора покончить с этим балаганом.

Свон сжалась в комок. Ей нравилось тепло, идущее от тела Эдуарда, но его слова повергли ее в смятение.

В этот момент открылась дверь и двое слуг внесли железную жаровню, пышущую жаром. Дождавшись, когда они покинут комнату, принц прошептал:

– Ты помнишь, какие слова я произнес, надевая на твой палец Кольцо Жизни?

Из некогда прекрасных глаз потекли слезы. Свон поняла, что Эдуарда не ввел в заблуждение облик старухи.

Когда-то она мечтала о встрече с ним, о повторении страстного поцелуя, подаренного ночью накануне бала. Но по воле злого рока едва начавшаяся жизнь перевернулась раз и навсегда. Вот и сейчас голова Свон кружилась от его духов с ароматом то ли лимона, то ли апельсина. Но захочет ли он ее поцеловать? Теперь, когда она стала старой и безобразной? Но другой ей уже не быть. Кольцо Жизни уйдет, а Смертельная Пелена останется с ней до последней минуты.

Находиться рядом с Эдуардом, зная, что жить осталось немного – суцая пытка. Свон не хотела жалости. Она вдруг осознала, что все время ждала любви Эдуарда, хотя сама себе боялась в этом признаться, постоянно ища отговорки, роясь в сомнениях, путая, где ложь, а где правда.

«Правильно сказал Эдуард, пора покончить с этим балаганом».

Она так и не узнала, кто ее родители, но отправившись в мир иной хотя бы встретится с мамой. Служители церкви уверяли, что там хорошо, там нет печали.

Умирая, она хотя бы будет уверена, что злосчастное кольцо вернется к хозяину, а не к проклятому Камиллю.

Решительно освободившись из объятий ждущего ответ Эдуарда, она встала на холодный пол и выпрямилась во весь рост.

– Нет. Не помню. Я тогда умерла.

Мысленно прощаясь с принцем, которого могла бы полюбить, сложись все иначе, поторопила.

– Говорите. Я повторю слово в слово.

Эдуард поднялся и встал напротив нее. Свон подняла голову, чтобы в последний раз посмотреть в его лицо. Наследник в ответ широко улыбнулся и наклонился.

– Я произнес: «Вручаю от души», – прошептал он в седые волосы Свон. – Но это фраза короля. Фраза королевы звучит так: «Вручаю от всего сердца».

– Вручаю от всего сердца, – бесцветными губами произнесла Свон и потянула за кольцо, которое легко поддалось и через мгновение, звякнув, покатилося по полу, а падающее тело его недавней хозяйки едва успел подхватить улыбающийся наследник короля Эрии.

Глава 15

Запах... Ее окружал любимый запах не то лимона, не то апельсина. Свон прислушалась к себе. Болит ли что-нибудь? Вроде нет. Просто слабость и непонятная истома, словно проспала много лет в одном положении, а теперь страшно повернуться, поднять руку или согнуть в колене ногу. Холодно или жарко? С одной стороны холодно – там, где нога открыта, а с другой стороны жарко – там кто-то прижался и согревает ее плечо своим дыханием. От этого дыхания мурашки бегут по коже. Щекотно? Нет, здесь другое. Приятно. Так приятно, что в теле появляется чувственный отклик.

Свон вздохнула, но глаза не открыла, боясь увидеть то, что ее окружает. Или наоборот, боясь ничего не увидеть. Тяжесть какая-то в груди. Не сердце ли то болит? Да, но боль другая. Словно оно надорвалось от печали, от осознания потери. Откуда печаль? Что за потеря?

Любовь... Свон мысленно произнесла еще раз это слово. Любовь. Оно отозвалось болью в сердце.

Вот, что ее тревожит. Любовь.

Из-за нее печаль? Любовь – это потеря? Странно. Почему печаль? Должна быть радость. А может, всё сон? Сон, который нужно прогнать, просто открыв глаза?

Свон медленно разлепила веки. Неясные световые пятна становились четче, обретали форму, сознание начало различать их.

Чьи-то глаза, полуприкрытые длинными ресницами, смотрели на нее внимательно, даже тревожно. Но вот у края глаз собрались лучики морщин, лицо человека озарилось улыбкой. Это лицо приблизилось настолько, что опять превратилось в размытое бледное пятно. Но, Боже! Как приятно ощутить на лице дыхание и нежный поцелуй!

– Здравствуй, – прошептали губы, которые только что согревали своим теплом.

– Все-таки поцеловал, – тихо произнесла Свон с горькой улыбкой на устах. – Поцеловал, несмотря на то, что я старуха.

Но нахлынувшие видения бросили ее в жар: она, старуха, стояла перед принцем и произносила магическую фразу! А потом ясно услышала, как звякнуло упавшее кольцо! Неужели не сон?

Выпростав руку из-под одеяла, Свон пыталась в полутьме разглядеть признаки старости, но никак не могла понять, видит она вздувшиеся старческие вены или они мерещатся? Закрытые занавесом окна пропускали слишком мало света! Она лихорадочно потрогала свое лицо, но не вспомнила даже, какое оно должно быть на ощупь.

Тихий смех, раздавшийся рядом, отвлек ее от попыток увидеть то, чего нет.

– Успокойся, милая! Ты молода и красива, совсем как раньше.

Произнесенные слова и воспоминание о поцелуе заставили ее покраснеть. Она не верила, что жизнь опять изменилась! Только что она была немощной старухой, а теперь лежит, тесно прижавшись к лучшему на свете мужчине.

Еще гуще покраснев, Свон отодвинулась от Эдуарда и натянула на себя одеяло, предварительно глянув, на месте ли ее одежда. И чулки, и теплое платье оказались на месте, что вызвало вдох облегчения.

Принц опять рассмеялся. Было очевидно, что ему доставляло большое удовольствие наблюдать за Свон, а ее мысли читались, словно открытая книга.

– Ты проверяешь, не пришлось ли мне тебя раздеть? Успокойся, милая. Я снимаю одежду с женщин только с их согласия.

– Не называйте меня милой, Ваше Высочество, – буркнула Свон.

Ей не понравился намек на отношения принца с представительницами прекрасного пола. Свон поспешила выбраться из постели, для чего ей пришлось перелезть через лежащего мужчину, что опять вызвало его безудержное веселье.

– Ваше Высочество, вы случайно не знаете, здесь есть где-нибудь зеркало? – Свон хотелось оборвать этот смущающий ее смех. – Пора бы посмотреть на свое отражение: вдруг я стала похожа на одну из тех женщин, что позволяли вам снять с себя одежду?

– С чего ты так решила? – принц свел брови.

– Разве я приглашала вас в свою постель? Позволяла целовать? – Свон ревновала и не могла остановиться. Что с ней происходит? Неужели возвращенная молодость открыла сердце для любви, и теперь Свон ненавидит всех женщин, с которыми Эдуард когда-либо целовался?

– Разве тебе не понравился мой поцелуй? – уже без улыбки произнес принц. – Он был таким нежным. Наверное, тебе больше по нраву страстные, как, например, тот, которым я наградил тебя на острове? Или ты вообще не любишь, чтобы тебя целовали? А может быть, тебе неприятны именно мои поцелуи?

Ступив на зыбкую почву, Свон не знала, что ответить. Поцелуи Эдуарда были приятны, даже желанны, но его дерзость пугала и смущала.

– Я отвечу на ваши вопросы, когда вы ответите на мои, – выкрутилась она в надежде, что не придется возвращаться к опасному разговору. – Как вам удалось вернуть мою молодость? Разве Пелена не должна была убить меня тут же, как только Кольцо Жизни снялось с моего пальца?

– Знаешь, я жалею, что ты не осталась под Пеленой. В качестве старухи ты была не такой колючей. Позволяла себя обнимать.

Видя сдвинутые брови Свон, принц не стал ее дальше дразнить.

– Все просто. Кольцо Смертельной Пелены, сидящее на Кольце Жизни, снялось вместе с ним. Камиль обманул тебя, утверждая, что ты состаришься и умрешь раньше отведенного срока. Скорее всего, он хотел запугать тебя и оттолкнуть охотников, желающих заполучить столь лакомый кусочек. То есть, таких как я. А я очень хочу заполучить тебя, не скрою, – он пристально посмотрел на Свон, но увидев, что ее глаза сверкнули гневом, вернулся к более серьезному тону. – Пелена и есть пелена. Она скрывает красоту под мороком старости. Стоит снять магическую завесу, и под ней обнаружится прежнее тело, несколько не измененное кажущимся увяданием.

– Выходит, Пелена, как покрывало, на котором нарисован страшный лик? Я правильно поняла? Но почему же я ощущала себя старой и немощной?

– Намалеванный на покрывале лик не является магической вещью, а Пелена создает полную иллюзию. Ты должна двигаться, словно старуха, говорить скрипучим голосом. Этой иллюзией часто пользуются в шпионских целях или, когда не желают быть узнаваемыми. Если бы не Кольцо Жизни, тормозившее превращение, ты стала бы старухой в течение нескольких минут. Но это же кольцо сыграло с тобой злую шутку – без него ты легко бы сняла Пелену. Камиль знал это и мастерски провернул свой обман.

– Я чувствую себя глупой, – Свон опустила глаза. Ее пальцы теребили жесткую ткань платья. Принц поднялся с постели и подошел к ней, но Свон тут же сложила руки под грудью, словно желала отгородиться от наследника.

– Ладно, не хочешь, чтобы к тебе прикасались, так скажи хоть спасибо. пока ты держала путь в Дохо, мои люди перерыли все доступные библиотеки мира в поисках ответов. Я сразу, как только увидел тебя, хотел снять Пелену, но опасался, что ты не согласишься и побоишься расстаться с Кольцом Жизни.

– Спасибо, – прошептала Свон. Она ругала себя. Эдуард проявил столько старания, чтобы спасти ее, а она ведет себя, как неблагодарная капризная девица.

– Пойдем, нас уже заждались. Ты проспала ночь и все утро. Я умираю от голода.

И опять Свон почувствовала себя виноватой. Наследник находился при ней неотступно, а она...

За огромным столом сидели почти все обитатели замка. Когда Свон с принцем вошли в залу, послышались радостные возгласы. Дак и Роки сорвались с мест и кинулись к Свон.

– Девочка моя, – кричал Роки, – ты вернулась!

Не сдержав радости, он поднял на руки Свон и закружился вместе с ней. Когда он наконец остановился, ее подхватил Дак и сжал в своих медвежьих объятиях.

Краем глаза Свон с удивлением отметила, что Эдуард помрачнел. Она смеялась, принимая неловкие поздравления друзей, а он сжимал в раздражении челюсти и даже оттолкнул слугу, кинувшегося к нему, чтобы придвинуть кресло.

Дак усадил Свон рядом с собой и ухаживал за ней, подкладывая вкусные кусочки, что еще больше повлияло на ухудшающееся настроение наследника. Свон не хотела, чтобы на нее злился человек, так много сделавший для ее спасения. Каждый раз, когда она встречалась с ним взглядом, ее сердце начинало учащенно биться. Эдуард нравился ей все больше и больше.

Несмотря на голод, принц ел мало и неохотно, не слышал, когда к нему обращались, не отвечал на задаваемые Даком вопросы. В итоге все заметили его недовольство, и за столом повисла гнетущая тишина.

Свон опустила глаза в тарелку и ковыряла вилкой мясо, когда раздался грохот с силой отодвигаемого кресла. Слуга едва успел подхватить его. Эдуард молча покинул помещение. Люди, вскочившие со своих мест, вернулись к трапезе, но былое радостное настроение улетучилось.

Свон, сидевшая недалеко от жены Бертрана, улыбнулась ей – кормилица Петрика смотрела на нее во все глаза. Саре уже рассказали, кто скрывался под Пеленой, но она не ожидала увидеть столь милую девушку.

– Я хотела бы обнять своего малыша, – обратилась к ней Свон, когда люди стали покидать обеденный стол. – Как он? Хватает ли у вас молока на двух малюток?

– О, можете не переживать. Молока у меня полно, хватит еще на парочку детишек, – с гордостью ответила Сара. – Пойдемте со мной в детскую.

Детская комната оказалась большой и светлой. И теплой, хотя Свон не увидела камина или жаровню.

Вышедшая навстречу служанка прижала палец к губам и прошептала:

– Дети уснули. Можно мне пойти поесть?

– Спасибо, Марта. Возвращайся сюда, ты мне понадобишься, – также шепотом ответила Сара.

Свон подошла к люльке и увидела, что в ней лежат двое детей.

– Словно ангелы, – набежавшая слеза застилала глаза, и Свон вытерла ее рукавом.

– Жалко, что вы не смогли поиграть с Петриком, – прошептала Сара и поманила Свон пальцем. – Пока дети спят, у вас есть время заняться собой.

– Я еще не видела себя в зеркале. С моим лицом что-то не так? Мои волосы сильно растрепались?

Она перекинула косу вперед и начала переплетать ее дрожащими пальцами.

– Успокойся, дорогая Свон. Все так, – Сара обняла гостью. – Я хотела предложить тебе искупаться в одном замечательном месте. Ты заметила, как тепло в детской комнате? Это благодаря воде, которая согревает каменный пол. Глубоко под замком Дохо находится горячий источник. Семья Шовеллер испокон веков приезжает сюда, чтобы насладиться его целебными свойствами. И я предлагаю тебе поплавать в небольшом подземном озере, где талая вода смешивается с кипящей. Ты оживешь. Прости, но я вижу твой грустный взгляд, и мое сердце разрывается. Столько всего тебе пришлось пережить!

Вскоре в комнату вернулась Марта, и Сара сама проводила Свон к подземному озеру. Спускались они по спиральной лестнице, освещаемой огнем факела, который несла кормилица. Свон боялась смотреть вниз, до того глубокой казалась шахта.

Подземный грот с озером открылся внезапно и у Свон захватило дух, до того необычно он выглядел. На его стенах рос мох, светящийся голубым светом, приятным для глаз и делающим пещеру сказочной.

– Как красиво! – не удержалась она от восхищения. Потрогала мох, и ее рука тоже стала светиться. – Ой, это не опасно?

– Именно мох придает целебные свойства воде. Посмотри на меня, я погружаюсь в воду всякий раз, как выдастся свободное время. И детишек наших мы обязательно здесь искупаем, пусть только подрастут.

Действительно, Свон сразу отметила, что женщина пышет здоровьем, несмотря на то, что в холодном краю редко бывает солнце.

Жена Бертрана прихватила с собой простыни, нижнюю рубашку с нежной вышивкой и зеленое платье из толстой шерсти.

– Платье и рубашка мой подарок тебе, Свон, – объясняла Сара, раскладывая вещи на каменных скамьях, вырубленных в толще породы.

– Мне неудобно брать их у вас. Они такие красивые...

– Их шила мама, собирая мне приданое. Но я так и не успела поносить их. Быстро раздалась. Должно быть от большой любви, – засмеялась Сара, оглаживая свои бедра.

– Спасибо вам, – Свон обняла кормилицу.

– Чего медлишь, почему не раздеваешься? Озеро ждет, – махнула та в сторону темной воды. – Там не глубоко, в самой середине по плечи будет.

Свон разделась до нижней рубашки и начала расплетать косу.

– Рубаху тоже снимай. Здесь же никого нет, чего бояться?

– Вдруг кто придет?

– Слугам и солдатам сюда вход запрещен, а остальные мужчины службу несут. Или на охоту отправились. Считай, и нет никого, кроме нас.

Когда Свон сняла рубашку, Сара цокнула языком.

– Какая ты ладная! – похвалила она. – Не зря на тебя сам наследник заглядывается. Такую красоту даже в столице не сыщешь!

– Заглядывается?

– Ты думаешь, мы ничего не замечаем? Да весь Дохо и соседние заставы только и гудят, что он влюблен. Пока ждал тебя, извелся весь. Побоялся в столицу возвращаться, вдруг не так встретим -приветим? Ой, заговорила я с тобой! Идти мне пора. Вот мыло душистое, вот простыни, оботрешься ими. Не торопись, посиди после купания на скамеечке, подыши целебным воздухом. Факел оставляю тебе, я все ступени наперечет знаю.

Как только Сара ушла, в гроте повисла тишина, стали слышны капель и далекий плеск воды. Дно озера устлало плоские круглые камешки, что порадовало Свон, ожидающей неровной поверхности. Боясь поскользнуться, она зашла в воду медленно, раскинув в стороны руки. Вода казалась прохладной, но как только купальщица погрузилась в нее полностью, тело почувствовало приятное тепло. Чем ближе Свон приближалась к дальней стенке грота, тем горячее становилась вода.

С удовольствием накупавшись и полежав немного на поверхности озера, Свон вышла на берег. Отжала волосы, неторопливо расчесала их гребнем и, постелив одну из простыней на скамейку, легла на нее. Расслабленная после купания, она уснула и не услышала, как со стороны озера раздался плеск и на берег выбрался обнаженный мужчина.

– Еще чуть-чуть... и я бы сварился. Что ты делаешь со мной, Свон? – мужчина постоял немного над девушкой, потом прошел к скамье, которая пряталась в тени большого валуна.

Если бы женщины оказались более внимательны, они обнаружили бы на ней мужскую верхнюю одежду.

Встряхнув длинными волосами и пригладив их рукой, мужчина, на ходу застегивая китель, направился к лестнице, но замер около Свон. В руках он держал шейный платок, но вместо того, чтобы надеть его, торопливо сунул в карман.

Мужчина осторожно расправил одну из простыней, лежащих на скамье, и укрыл спящую. Любуясь ее лицом, он потерял счет времени. Спроси у него позже, как долго он так стоял: минуту или час, наверняка не смог бы ответить.

Треск горящего факела вернул его к действительности. Кинув последний взгляд на Свон, он направился к лестнице, недовольно кривя рот всякий раз, как под его сапогами гремел нечаянно тронутый камешек.

Свон снился сон: яркое, слепящее солнце, шум накатывающих на берег волн, синь моря, уходящая за горизонт. На песке сидит мальчик и строит замок, рядом маленькая девочка втыкает в высокую башню цветы, они счастливо смеются. Но вот на них надвигается тень, и белый камень, висящий у мальчика на шее, окрашивается в черный цвет. Дети поднимают глаза на кого-то и кричат от ужаса. Свон никак не может разглядеть, кто прячется в тени. Она хватается плачущих детей на руки, но Тень вдруг начинает плевать «адовым огнем» и песок вокруг них горит и плавится. «Помогите! Помогите!» – кричит она, но в ответ слышится мерзкий смех и слова: «Только черное и белое могли бы помочь, но их рядом нет. Их нет. Их нет...».

Проснувшись, Свон долго не могла поверить, что дети и «адов огонь» – всего лишь сон, до того яркой была картинка. Частое сердцебиение оглушало, на лбу выступил холодный пот, а чувство страха никак не отпускало.

Лихорадочно натягивая одежду, собирая вещи, Свон выронила гребень. В свете догорающего факела, даже темнота под скамейкой показалась ей смертельно опасной, и девушка силой воли заставила себя сунуть туда руку, чтобы нащупать упавший предмет. Рядом с гребнем обнаружился мужской шейный платок, который она, не думая, сунула в узелок с вещами. Выхватив из кольца в стене факел, Свон торопливо стала подниматься по лестнице.

Звук ее шагов, гулко отражаясь от стен пещеры, создавал иллюзию топота нескольких людей. Ком страха подкатил к горлу, и Свон кинулась вверх бегом.

Не различая ничего на своем пути, она со всего маха врезалась в идущего ей навстречу человека и закричала от ужаса. Тот тоже закричал.

Так они стояли и вопили, пока не узнали друг друга. Сара первая пришла в себя и засмеялась, держась рукой за сердце.

– Уф! Ты чего кричишь?

– Я испугалась, – пытаюсь отдышаться, произнесла Свон. Она махнула узлом с вещами в сторону темноты за своей спиной. – Мне показалось, что за мной кто-то гонится.

– Ну, ты словно ребенок! – покачала головой Сара, осветив факелом шахту винтовой лестницы. – Нет же никого! А я ждала тебя, но ты все не шла, поэтому решила глянуть, не уснула ли часом?

– Уснула, – подтвердила Свон, едва успевая подниматься следом за женой Бертрана.

Та, дойдя до площадки, на которой стоял бочонок с песком, велела Свон оставить в нем факел и перехватила у нее узел с одеждой. – Отдам прачке, завтра получишь все чистое.

– Подожди, я кое-что забыла, – Свон порылась в вещах и вытянула на свет гребень вместе с найденным платком, о котором даже не вспоминала. – Интересно, чей он?

Она встряхнула платок и тут же остановилась, почувствовав знакомый запах. Но рискуя оказаться в полной темноте, направилась вслед за Сарой, которая не слышала вопроса и продолжала подъем по лестнице.

Вряд ли в Дохо кто-то еще, кроме принца, пользовался цитрусовыми духами. Если рассмотреть ткань внимательнее, на ней обязательно обнаружится вышивка с монограммой или

королевским гербом. В Эрии существовала традиция на вещах дворян вышивать отличительные знаки рода. У Алекса даже на носовом платке красовалась витиеватая монограмма.

Шагая за женой Бертрана, Свон с замиранием сердца обдумывала, когда же принц обронил свой платок? Хорошо, что факел не мог высветить, как Свон бросило в краску от одной только мысли, что Эдуард видел ее обнаженной.

– Боже, пусть я ошиблась, и он сейчас охотится со всеми вместе, а купальню посетил утром, пока я была в детской! – произнесла она вслух, сама не ожидая того.

– Что? – обернулась Сара. – Ты что-то спросила?

– Я долго спала?

– Долго! Я потому и побежала за тобой. Охотники уже вернулись, и офицеры попросились искупаться в нашем озере. Вот я и всполошилась.

Действительно, добравшись до конца лестницы, они встретили шумную компанию мужчин из отряда принца. Свон отметила, что Эдуарда среди них не было.

– А принц не ходит купаться вместе со своими людьми? По статусу ему не положено раздеваться при всех?

– Я не знаю, что ему положено, а что нет, но Его Высочество охоту пропустил. Видно, отсыпается в своей комнате.

– О боже! – опять простонала Свон.

– А что ты хочешь? Принц всю ночь находился рядом с тобой, переживал, – Сара ткнула Свон в бок локтем. – Он же не железный, ему тоже отдых нужен.

Дойдя до детской, кормилица обернулась.

– Дети опять спят, – с сожалением произнесла она. – Если хочешь, можешь посидеть у люльки, пока нас не позвали к столу.

Свон так и сделала. Она всматривалась в лицо спящего Петрика и гадала, что ему может сниться. Малыш иногда улыбался, его черные ресницы вздрагивали, а глаза под веками начинали двигаться.

Глядя на заметно округлившегося мальчика, она чувствовала, как тепло разливается по душе. Ей так хотелось подержать его на руках, увидеть беззубую улыбку. Но узнает ли Петрик ее сейчас?

– Чего вздыхаешь? – подошла Сара и встала над люлькой.

– Жалко, что не успела поиграть с ним, обнять, поцеловать.

– Поцеловать Петрика и сейчас можно. Детей ночью пушкой не разбудишь, так крепко спят.

Свон наклонилась над мальчиком, вдохнула родной запах и поцеловала в носик. И опять непрошенная слеза повисла на ресницах.

– Ну, перестань, – Сара притянула Свон к себе, когда та выпрямилась. – Все хорошо, малыш в безопасности, мы с Бертраном его любим как сына. Ой, что говорю? Может тебе неприятно, что мы его вроде как отняли?

– Я счастлива, что Петрика окружают такие люди, как вы с Бертраном, – Свон крепко обняла кормилицу.

– Ой, задушишь, – засмеялась Сара.

– А что у нас на ужин? – отпуская подругу, спросила Свон. – Я после озера быка готова съесть.

– Быка не обещаю, но мясо горного козла отведаешь. Охотники вернулись с добычей, и принц предложил зажарить мясо прямо во дворе. Готовить крупную тушу на кухне нежелательно, все помещения пропахнут козлятиной. Мужчины уже укладывают на снег деревянный настил, вытаскивают скамейки. Из соседней деревни пригласили музыканта. Будет праздник! Людям хочется повеселиться, не часто наш замок посещают высокие гости.

– А ты пойдешь? – Свон боялась встречи с принцем.

Ее смущала догадка, что это он был у озера и укрыл ее. Как она посмотрит ему в глаза?

А в глаза Эдуарда смотреть хотелось, несмотря на страх обнаружить там усмешку. Она замирала, вспоминая полюбившийся запах, тепло его тела, мягкий голос. Ее неудержимо тянуло к нему, и присутствие Сары рядом во время ужина казалась спасением.

– Да, пойду. Мне приятно побыть рядом с мужем, посмеяться, потанцевать, полюбезничать, словно мы и не женаты вовсе, – Сара заулыбалась, предвкушая веселье. – Жаль, что мне придется уйти ближе к полуночи. Марта тоже должна себя показать. Она молодая, горячая, а в замке столько неженатых мужчин появилось!

– Почему ты должна уходить с праздника? Может, я посижу с детьми, а ты с мужем побудешь.

– Нет, меня никто не сможет заменить. В замке я единственная кормящая женщина. Вот и у тебя молока нет, – засмеявшись, она ткнула пальцем подруге в грудь.

Сидя у люльки со спящими детьми, Свон достала из кармана платя мужской шейный платок и нашла на нем вышитый герб Эрии. Летящий орел нес в клюве лилию, а в его когтистых лапах извивалась змея. Она провела по контуру рисунка пальцем, ощущая шелковистость тонкой работы белошвейки. Прижав платок к лицу, с наслаждением вдохнула цитрусовый аромат.

Наблюдающая за ней Сара заметила, как на лице подруги расцвела мягкая улыбка, а щеки порозовели.

– Любовь! – вздохнула она, вспоминая щемящее чувство, охватывающее все ее существо при первых встречах с Бертраном, жалея, что оно перестало быть таким острым, как некогда.

Когда женщины вышли к столу, то обнаружили, что его нет, а посреди двора стоит огромная жаровня. Над ней на железном пруте, установленном между мощными рогатинами, висели две туши горных козлов. Они вращались, подставляя огню то один бок, то другой. Старший стражник Бертран вцепился в рукоятку двумя руками и медленно ее поворачивал, позволяя мясу равномерно прожариться. Его обнаженный торс освещался сполохами огня, а бугрящиеся мышцы не оставляли равнодушной ни одну женщину.

Слышались шутки, смех, а веселый голос Бертрана вторил прибаутками, заставляя народ прыскать в меховые воротники. Это мужу Сары было жарко у огня, а остальные ежились от покалывающего щеки мороза.

Вокруг жаровни на деревянном настиле стояли скамьи, где рассаживалась все обитатели замка. Для важных персон не отвели специального места, но никто не пытался занять скамью, устланную звериными шкурами. Люди довольствовались простыми тюфяками, набитыми соломой.

Свон примостилась рядом с Сарой, которая устроилась поближе к Бертрану, чтобы тоже включиться в царящее вокруг него веселье. Глаза жены старшего стражника озорно поблескивали, щеки покраснелись от удовольствия. Она мгновенно превратилась в юную деву, которой приятно заигрывание понравившегося молодца. Свон, глядя на похорошевшую подругу, с удивлением отметила, что та не на много старше ее, и только наличие ребенка делало ее степеннее и взрослее.

Вскоре из замка вышли Дак с Роки и, отыскав Свон, расположились рядом. Всем хотелось позубоскалить, посмеяться. Не часто в приграничном замке устраивались праздники.

– Бертран, – крикнул Дак, включившись в веселье. – Ты специально разделся, чтобы всем девушкам показать свою статью?

– Почему бы не встать, чтоб показать свою статью? – хмыкнув, ответил Бертран, напрягая мышцы живота, по которому тонкой струйкой тек пот. – Может и тебе, дорогой друг, стоит у вертела постоять, девиц незамужних развлечь?

– Почему только незамужних? – включилась в разговор Сара, разглядывая крепкое тело мужа. – Замужним тоже на красивое мужское тело посмотреть охота!

– Не господское это дело, задом перед дамами крутить, – возразил зардевшийся, словно красна девица, Дак.

– Так я ж не прошу задом, тут вертелом крутить надо!

Роки, видя, что растерявшемуся другу нужна помощь, поднялся с места и крикнул:

– А может, я покрасуюсь? Я тоже холост и, ой, как нуждаюсь в женской ласке!

Его желание вызвало бурную реакцию со стороны служанок и жен пограничников, прибывших сегодня вечером с заставы. Сара даже захлопала в ладоши, так ей хотелось взглянуть на черного гиганта без одежды. Да и Бертрана ей дразнить нравилось. Она помнила, какие горячие ночи были у них на сеновале после веселых танцев в деревне, когда он ревновал ее к сыну кузнеца, отличавшемуся отменной мускулатурой. Тот с детства держал молот, помогая отцу.

Роки подошел ближе к огню и начал медленно раздеваться, демонстрируя дамам каждую снятую вещь, прежде чем она отбрасывалась в сторону. И когда гигант стянул нижнюю рубаху, все замерли. Торс Блэка был расписан иноземной вязью, что, вкупе с горой мышц, создавало впечатление ожившей мифологической фигуры.

Как только он стал развязывать веревочку на штанах, мужчины запротестовали, а женщины разочарованно застонали, видя, что Роки их дразнит, ничего больше не собираясь снимать.

Дак, веселясь, закрыл рукой Свон глаза, другой обхватив ее за плечи. Она стала отбиваться, громко хохоча, но смех ее прервался, как только она заметила, что у костра появился Эдуард и, не отрываясь, смотрит на них. На его лице не было и тени улыбки. А Дак, увлекшись шуточной борьбой с подругой, так разошелся, что повалил ее на Сару и порывисто поцеловал.

Его веселье прервалось, когда все поднялись и застыли в поклоне, приветствуя принца. Хотя наследник вел себя в Дохо более вольно, чем предписывал королевский этикет, у людей, окружающих его, иллюзий не было. Перед ними находился один из самых влиятельных людей королевства, который мог одним взглядом решить их судьбу.

Вот этого взгляда Свон и испугалась.

Ее раздосадовала детская шутка Дака, но она никак не могла придумать, как объяснить принцу, что Дак всего лишь друг? Эдуард удалился от скамьи, которая изначально предназначалась для него, и сел на противоположной стороне двора – подальше от Свон. Как ни пыталась она поймать его взгляд, он удачно избегал ее внимания.

Нет, Свон не смогла бы подойти к принцу и рассказать ему, что поцелуй Дака ничего не значил. Она до ужаса боялась услышать вопрос, а много ли значил его, Эдуарда, поцелуй? Тот, первый, случайный, у замка Шовеллер, или второй, порывистый, в замке Леоль, или самый сладкий, нежный, подаренный уже в Дохо.

Мысленные метания прервал крик Бертрана, что мясо готово. Куски, ловко срезаемые с туши лоснящимся от пота коком, передавались проголодавшимся гостям. Миски ставили прямо на колени, выхватывая из них горячее мясо руками и макая в жир ломти хрустящего хлеба. Такая вольность еще больше всех раззадорила, когда Дак, отпрыск графа Шовеллер, тоже отбросил приличия и так вцепился в мясо, что жир потек по его подбородку и рукам. Свон пришлось повязать полотенце под шеей друга, чтобы тот не закапал дорогую доху. Свою миску Свон отправила на кухню, чтобы ей порезали мясо на куски поменьше и принесли вилку.

Когда она опять взглянула на принца, то увидела его сидящим рядом с Мартой. Он что-то шептал зардевшейся девушке на ухо, а та хихикала, время о времени стреляя в него глазками.

Поискав Сару, Свон обнаружила, что кормилица покинула праздник, а на ее месте сидит полностью одетый Бертран и переговаривается с Роки, советуя, как лучше срезать мясо с костей.

Еще раз взглянув на милующуюся парочку, Свон чуть не закричала от досады: Эдуард обнимал Марту за талию, а та светилась от счастья и ластилась к обратившему на нее внимание

великолепному мужчине. Они в один голос отказались от мяса, и принц хлопнул в ладоши, давая знак музыканту. Тот запиликал на скрипке, приглашая всех на танец. Один из охранников умело подыгрывал ему на высоком барабане, задавая веселый ритм.

Служанки со смехом вспорхнули с мест, наскоро вытирая жирные руки об тряпицы, а порция снега довершала их омовение. Все они побежали на предназначавшуюся для танцев часть настила и закружились в хороводе.

Марта, наконец оторвавшаяся от принца, тоже вошла в круг танцующих. Она сдернула с головы цветастый платок и по ее плечам рассыпались темные кудри невероятной красоты. Свон, не желая того, отметила, что девушка хороша, очень хороша!

Красуясь перед принцем, Марта лихо отплясывала «волчок», деревенский танец, в котором танцующий показывал себя со всех сторон, кружась, словно юла. Вскоре в снег полетела меховая жилетка, так разгорячилась красавица.

По рядам пронесся возглас восхищения. На Марте ладно сидело красное платье с узким лифом и широкой юбкой, открывающей во время кружения крепкие ножки танцовщицы. Туго натянутая материя показывала великолепие тяжелой груди, подпрыгивающей вместе с хозяйкой, и притягивающей взгляды всех мужчин.

Свон принесли нарезанное мясо, но она не могла съесть и кусочек, так ее поразило, с каким нескрываемым удовольствием Эдуард смотрел на темноволосую девушку.

Не желая мучить себя проснувшейся ревностью, она отставила миску, перешагнула через скамейку, торопливо шепнув Даку, что уходит. Тот не стал ее останавливать. Отпрыск Шовеллер и не слышал, что ему говорила подруга. Он, как и Роки, не отрывал взгляд от Марты, забыв об остывающем угощении.

Почти плача, Свон побежала к Саре. Она не хотела оставаться одна, жалея себя, мучаясь ревностью, пробудившей в ней бурю противоречивых чувств.

Но в свете приглушенного огня лампы, Свон различила, что Сара спит, уложив детей к себе в кровать и, вытирающей предательские слезы, девушке ничего не осталось, как отправиться к себе в комнату.

Свон плохо знала замок, поэтому, свернув не туда куда надо, заблудилась. Она шла, не понимая, в какой части здания находится. Одинокий факел тускло освещал длинный коридор с множеством темных ниш. Ища из него выход, она заглядывала за гобелены, развешенные в различных частях замка не столько для красоты, сколько для предотвращения сквозняков.

Коридор казался бесконечным, иногда он ломался под прямым углом и новый факел высвечивал тоненькую фигуру девушки в зеленом платье.

Бродя по замку, она согрелась, поэтому сняла с себя зипун и несла его в руках. Хотелось бросить его и бежать, а не плестись, терзаясь страхами никогда не встретить живую душу.

Неожиданно ее мольбы были услышаны. За очередным поворотом она увидела двоих. Высокий мужчина страстно целовал черноволосую женщину в знакомом красном платье. Оно было расстегнуто и бесстыже открывало упругую грудь до самых сосков. Не слыша и не видя ничего вокруг, любовники, не отрываясь друг от друга, скрылись в нише, завешанной гобеленом, откуда вскоре послышался шорох ткани и громкий стон.

Ошеломленная Свон замерла на месте, забыв, куда шла. Перед ее глазами стояла картинка белой груди, сминаемой жадными пальцами мужчины.

Шлепки нагих тел, торопливый шепот, неясные возгласы и протяжный женский стон, вернули Свон на землю. Она резко развернулась и побежала.

– Как он мог? – Свон зажала рот рукой, чтобы ее всхлипы эхом не разносились по коридору. – Только вчера он целовал меня, а сейчас, увидев жар-птицу, кинулся к ней! Ненавижу! Ненавижу!

Боль разрывала ее сердце, быстрый бег сбивал дыхание, а ноги несли неведомо куда. И только чье-то твердое тело, о которое она ударилась, остановило ее безумное стремление выбраться на морозный воздух, которого так не хватало.

Глава 16

– Свон, что случилось? – услышала она голос Эдуарда. – Кто тебя напугал? Почему ты плачешь?

Она стояла, уткнувшись лицом ему в грудь, и лила слезы. Нет, не он сейчас целовал красавицу Марту, не он расстегивал нетерпеливой рукой пуговицы на красном платье! Не ему со стоном отдавалась бесстыжая служанка.

– Все хорошо! – выдохнула Свон, чувствуя, что сердце покидают боль и ревность. – Я заблудилась. Бежала-бежала и никак не могла найти свою комнату.

– Ты ее все-таки нашла. Она за твоей спиной. Почему ты ушла с танцев? – Эдуард обхватил ее лицо ладонями, большими пальцами вытирая слезы.

Этот жест вызвал очередную волну слез. Эдуард наклонился и начал собирать их губами, шепча слова, которые с трудом доходили до сознания растерянной девушки.

– Успокойся, все хорошо. Тебя больше никто не обидит. Я рядом. Я всегда буду рядом. Легкий поцелуй в один глаз, в другой.

– Я битый час стоял у двери твоей комнаты. Хотел уже пуститься на поиски.

– Я нашлась, – не выдержав, Свон сама потянулась к губам Эдуарда и приникла к ним, влажным от ее слез, шепнув на вдохе перед поцелуем. – Вот она я.

Сладко, горячо, желанно – такие слова кричала бы Свон, если бы кто-то спросил, что она чувствует. И не пила вроде вина, которое слуги разносили у костра, а голова кружится, ноги подкашиваются. Хочется лечь в кровать... Нет, на пол... Здесь и сейчас. Пусть нет ковра, пусть холодно спине, сверху ее ждет огонь, которым полыхает Эдуард.

– Останови меня, – просит он. – Сам не смогу.

– Остановите меня, – вторит Свон, отрываясь от его губ, чтобы набрать в легкие хоть сколько-нибудь воздуха. – Сама не смогу.

Когда они успели расстегнуть свои одежды? Свон не заметила. Только холодный воздух, опаливший сосок, опередив на мгновение нетерпеливые пальцы, вернул сознание. Она сейчас сделает то, за что осуждает бесстыжую Марту!

Поймав рукой тянущуюся к груди ладонь Эдуарда, она сумела выдать из себя:

– Нет!

Запретное слово, прозвучавшее выстрелом, оттолкнуло мужчину, заставило одуматься, задушить бушующее желание обладать женщиной.

– Прости...

– Простите.

Свон стыдливо стала застегивать пуговицы на платье. Они не слушались, выскользывали из пальцев, лицо горело не то от стыда, не то от недавних поцелуев.

Эдуард первый взял себя в руки. Открыв дверь в комнату, он ввел туда Свон и, подойдя к кувшину, налил воду в стакан и в чашу, в которой смочил свой платок.

– Тише. Успокойся, – шептал он, вытирая ее полыхающее лицо. Потом помог привести в порядок платье, пока Свон пыталась напиться. Вода разливалась, оставляя темные пятна на зеленой ткани.

Эдуард поймал ее руки, осторожно вытянул из них стакан и поставил его на стол.

– Я думала, вам нравится Марта. Ее вы хотите любить, – вдруг ответила Свон на вопрос, почему она ушла с праздника.

– Нет. Мне не нравится Марта. И я не хочу ее любить.

Свон закрыла губы Эдуарда пальцами, страшась услышать то, к чему не была готова.

– Простите меня, Ваше Высочество, но ... я устала. И хочу спать.

– Я могу остаться?

Чуть помедлила перед ответом, ведь ей так хотелось ответить да. Но...

– Нет. Увидимся утром.

– Увидимся утром, – Эдуард поцеловал ее холодные ладошки и, как был в расстегнутой рубашке, покинул комнату.

Утром Свон разбудила Сара. Она принесла зипун, который нашли в другой части замка. Свон удивилась, потому что не помнила, когда его потеряла.

– Вот... нашли недалеко от покоев графа Шовеллер.

– В них живет Дак?

– Да. Как погуляли вчера? – спросила Сара, наблюдая, как девушка пытается расчесать спутанные волосы. – Танцевала с Эдуардом?

Густой румянец подсказал Саре, что, скорее всего, у этой парочки были иные танцы.

– Ох, подружка, – вздохнула кормилица, – не боишься любви принца? Она может быстро начаться и так же быстро иссякнуть. Не знаю, как Эдуард, но его брат Уильям не оставляет семени внутри женщины. Я слышала, об этом судачат те девицы, что сумели урвать внимание принца.

– О чем ты? – изумилась Свон. – Нет между нами такой близости!

Ей не хотелось обижать добрую женщину, поэтому она постаралась смягчить голос.

– Эдуард мне нравится, и очень, но я еще слишком мало знаю Его Высочество, чтобы поспешить лечь с ним в постель.

– А чтобы хорошо меня узнать, приглашаю тебя, прекрасная дева, на прогулку, – Эдуард, взявший за привычку появляться внезапно, заставил женщин вздрогнуть от неожиданности. Обе торопливо присели в реверансе, низко склонив головы.

– Доброе утро, Ваше Высочество! – произнесла Сара, не поднимая глаз. Она прятала улыбку, понимая, что стала свидетельницей чужой любовной игры.

Принц был чисто выбрит, одет в походную военную форму и являл собой образчик хорошо выспавшегося, довольного жизнью человека. Не в пример растрепанной косе Свон, его волосы были собраны в аккуратный хвост, отчего девушка ощутила еще большую неловкость.

– А завтрак, Ваше Высочество? – оживилась Сара. – Свон только что встала и еще не ела.

– Корзинка с горячими булочками и кринкой молока уже на драконе. Если Свон не поторопится, – он скользнул глазами по ее ночной рубашке, – придется молоко откалывать кусочками, так как оно превратится в лед. За стенами замка трескучий мороз.

– Куда же в такой холод? – всплеснула руками жена Бертрана, но тут же закрыла ладошкой рот, ругая себя за несдержанность. Совсем недавно она была простой деревенской девушкой, и никто не думал обучать ее манерам. Кроме Дака Шовеллера, она других господ и в глаза не видела. Молодой граф не требовал строгого соблюдения приличий, поэтому Сара терялась, не зная, как себя вести с королевским сыном.

– Свон не замерзнет. Она знает, какой я горячий.

Кивнув головой Саре и бросив быстрый взгляд на растерявшуюся Свон, прикрывавшую руками глубокий вырез рубашки, Эдуард вышел.

– Горячий?

– Горячий, – согласилась Свон. Вздохнув, добавила. – И желанный.

– Смотри, девка! Как бы тебе через девять месяцев бастарда не нянчить.

Свон промолчала, сделав вид, что занята плетением косы. А у самой сердце стучало, грозя вовсе выпрыгнуть из груди, если хозяйка не перестанет вспоминать поцелуи горячего и желанного Эдуарда.

Подгоняемая Сарой, она выбежала во двор, но никого там не обнаружила. Так и стояла и растеряно озиралась, пока не услышала голос Бертрана.

– Свон, иди к воротам!

За воротами огромный черный дракон распластал крыло, по нему Свон и поднялась в беседку. Там ее уже ждал улыбающийся Эдуард. Он развернул одеяло и скомандовал:

– Ныряй! Осторожно, не задень корзинку.

Как только уселась на скамью, Свон укутали и пристегнули. Плечи Эдуарда укрывал просторный плащ, подбитый мехом волка. В таком сложно замерзнуть, успокоила себя Свон, видя, как принц устраивается на месте погонщика.

– Куда мы полетим?

– Потерпи, ты все узнаешь. Арроу!

Дракон, взмахнув крыльями, поднял снежную пургу, но она быстро осталась внизу. Свон и Эдуарда ждало кристально чистое небо. Воздух казался колючим, обжигающим, и Свон пришлось зарыться носом в одеяло. Подвигав ногами, она почувствовала, что под ее сиденьем лежат горячие камни. Она улыбнулась. Ей была приятна забота Эдуарда.

Восхитительная картина заснеженных гор радовала глаз и захватывала дух воздушных путешественников. Поднимающееся солнце ослепительно играло лучами на ледниках. Посмотрев вниз, Свон заметила бегущих в долине горных козлов, напуганных драконом.

Вскоре дракон начал снижаться и грузно сел на небольшую площадку.

– Иди сюда, – обернулся Эдуард и протянул руку Свон. Другой рукой он подхватил корзинку с припасами.

Они спустились по драконьему крылу к большим саням, в которые не были запряжены ни кони, ни какие иные звери. Эдуард усадил в них Свон, отдав ей корзинку, а сам встал сзади на полозья и приготовился оттолкнуться.

– Ваше Высочество, я боюсь! – призналась Свон, обращившись к нему. – Вдруг мы упадем или нас засыплет снегом? Смотрите, какими глыбами он нависает сверху.

– Не бойся, милая! Вчера пограничники спустили лавины, а потом расчистили путь для саней. Ночью снег не шел, лавине неоткуда взяться. И потом, эта дорога специально предназначена для санного спуска, по-другому до замерзшего водопада не добраться.

Когда они летели с горы, Свон порадовалась, что Эдуард так умело справляется с санями. Сама она сидела, замерев от страха и восторга, намертво вцепившись в переднюю перекладину.

Спуск оказался не таким крутым, как виделось сверху, и сани, потеряв скорость на пологом дне ущелья, плавно остановились у блестящей стены из голубого льда. Открывшееся взгляду чудо природы поразило воображение Свон: водопад переливался на солнце всеми гранями. Его начало терялось в облаках, а озеро, куда стремилась застывшая вода, превратилось в гладкое серебряное зеркало. На нем и стояли сани. Свон могла разглядеть в прозрачной толще каждый камешек, каждую застывшую травинку.

– Какая красота! Эдуард, смотрите, лед полностью прозрачен! – от восторга перехватило горло, и она говорила тонким голоском. Принц стоял рядом и улыбался, глядя на ее раздумывавшееся лицо.

– Да, милая, но это не все! Мы зайдем с тобой за водопад, и ты увидишь еще одно чудо, – Эдуард слез с полозьев и помог спуститься Свон, продолжая поддерживать ее на скользком льду. – Осторожно, не упади!

Он взял из ее рук корзину и повел куда-то в сторону, где из скалы торчал заснеженный уступ. Пока они добирались, несколько раз поскользнулись и, боясь упасть, хватались друг за друга, всякий раз смеясь над собственной неловкостью. Последний отрезок пути им пришлось и вовсе идти, крепко обнявшись, что, честно сказать, доставляло обоим большое удовольствие.

За скалистым уступом находился узкий проход, ведущий за водопад. Смотреть на мир через огромную льдину было так необычно, что Свон перестала дышать. Природное стекло искажало поступающий извне свет, делая его мягче, загадочнее.

– Смотри, Свон! – тихо позвал Эдуард, и ей пришлось обернуться на его голос.

Ее взору открылась небольшая пещера, усеянная сверкающими ледяными кристаллами, которые освещались через линзу водопада. Свон казалось, перед ней стоит шкатулка с драгоценными камнями, увеличенная в размере в сотню раз.

– Что это? – Свон подняла один из круглых кристаллов.

– Это застывшие капли воды, падающие со свода пещеры, где воздух гораздо теплее.

– Но почему там воздух теплый? Откуда тепло?

– Идем, я покажу, – Эдуард потянул Свон вглубь пещеры, прокладывая ей дорогу среди ледяных капель. Хрустальный стук шаров гулко разносился под сводами, оживляя застывшую тишину.

Вскоре пространство вокруг путешественников заметно сузилось, плоское дно превратилось в пологую горку, а потолок низко навис над головой. Свет едва достигал этой части пещеры.

Ледяные камни остались позади, и под ногами пружинил мягкий настил.

– Это мох, – пояснил Эдуард. Порывшись в корзинке, он достал лампу, в которой вспыхнул магический кристалл света. Такую лампу Свон видела в Форше, когда ее нагое тело рассматривали торговцы Лиги. Нахлынувшие воспоминания больно кольнули, и она невольно сжала ладонь. Принц почувствовал ее волнение, но расценил по-своему.

– Не бойся, мы уже пришли, – он поставил корзинку на пол и поднял высоко лампу, которая высветила небольшое озерцо, со стелющимся по его поверхности паром. – Здесь очень тепло, можно раздеться.

– Горячая, – удивилась Свон, сунув руку в воду.

– Да, такой же горячий источник, как и в подземной пещере замка Дохо. Только мох здесь не светится, но воздух тоже целебный. Искупаемся?

– Нет, – Свон отступила от Эдуарда, словно он мог силком скинуть ее в воду. Но поняв глупость своего поступка, быстро добавила. – Боюсь намочить волосы, они долго сохнут. А снаружи холодно.

Эдуард кивнул и расстелил свой плащ, на который уселся сам и притянул к себе скинувшую шубку девушку. Вытащив булочки из полотенца, он дал одну из них Свон и протянул кувшин с молоком.

– пей. Чашек нет, придется обойтись без них.

Нехитрая еда показалась божественной. Отпивая поочередно с принцем молоко, Свон постепенно расслабилась и перестала стесняться. Сидя близко, они ощущали тепло тел, а нечаянные прикосновения усиливали взаимное волнение. У Свон обмирало в груди, когда Эдуард наклонялся к ней ближе, чтобы перехватить кувшин или дать ей еще одну булочку. Снять накопившееся между ними напряжение помог разговор.

– Эдуард, спасибо за все. Мне неловко, что вы столько времени тратите на меня, выручая то из одной беды, то из другой. И хотя моя жизнь возвращается в прежнее русло, вы продолжаете оставаться рядом вместо того, чтобы заняться государственными делами.

– Поверь, для меня нет ничего важнее, чем ты, – его дыхание опалило ее щеку, а слова заставили сжаться сердце. Видя, как перестала дышать Свон, он улыбнулся уголками губ и немного отодвинулся от девушки. – Уильям прекрасно справляется без меня. Мы всегда поддерживаем друг друга.

– Какой он, ваш брат?

– Со стороны Уильям кажется легкомысленным, но поверь – нет человека серьезнее его. Увлечение женщинами, о чем шепчутся даже в Дохо, напускное. Можно сказать, отвлекающий маневр.

– Я знаю одно из его увлечений, – Свон хотелось больше узнать о событиях, предшествовавших ее похищению. – Аделаида тоже отвлекающий маневр?

– Да, – принц замолчал. Свон казалось, что разговор окончен, она влезла в ту часть жизни принцев, куда ее никогда не пустят. – Понимаешь, не все так просто в нашем королевстве. Нам с братом приходится держать ухо востро. Ты, конечно, рано или поздно узнаешь, что происходит в тронном зале, но лучше я сам расскажу о наших тайнах.

– С самого раннего детства мы с братом чувствовали напряжение между родителями. Две сильные личности с трудом уживались между собой, но однажды произошел перелом. Отца повергло в печаль какое-то горестное событие, и он удалился от дел, замкнулся, стал похож на тень себя прежнего, перестал общаться с матерью. Мы ждали, требовали его внимания, но он не реагировал. Нам, девяти-десятилетним подросткам стало понятно, что творится что-то неладное: король уехал в дальний форпост и не желал возвращаться, королева взяла бразды правления в свои руки, перессорилась с соседями, объявив им войну, вокруг нее постоянно вились какие-то интриги, в замке появились подозрительные люди, казна катастрофически быстро пустела...

Нам с братом пришлось слишком рано повзрослеть. Мы поняли: если не хотим потерять страну, нужно вмешаться. Сговорившись, мы отобрали у приближенного к королеве вельможи государственную печать, саму королеву заперли в ее покоях, разогнали с помощью верных отцу гвардейцев ее прихлебателей, разослали по соседним государствам новые посольства, заключили перемирие, зачастую согласившись на невыгодные для нас условия, лишь бы добиться мира и прекратить отток золота из казны.

Два года мы восстанавливали то, что королева разрушила за несколько месяцев. Нам пришлось ожесточить сердца, чтобы подавить начавшуюся смуту внутри страны. Народ подогревали байками, что принцы захватили власть, убив родителей. Конечно, мы понимали, что возмутители спокойствия находятся во дворце. Достаточно только ответить на вопрос «кому это выгодно?».

Кому?

Прежде всего, самой королеве и тем, кто потерял кормушку. Отныне ни один золотой не тратился без нашего ведома: экономия и ужесточение законов. Армия поддержала нас только благодаря тому, что ее довольствие увеличилось. Правда, за счет увеличения налогов в стране.

Мы с братом сильно отличаемся от принцев других королевств, которые постигали знания благодаря учителям. Нас учила сама жизнь. Перед тобой, Свон, не утонченный принц, а человек, у которого руки по локоть в крови... Мне пришлось... Нам с братом пришлось. Иначе внутренний раздор между родителями привел бы к тому, что Эрия перестала бы существовать. Ее просто разодрали бы на части.

Предъявив народу живых родителей, мы успокоили смуту. Но каких сил стоило встряхнуть отца, утихомирить мать, заставить их сидеть рядом, действовать во благо королевства!

С тех пор мы с братом разделили обязанности: я слежу за отцом, он за матерью. Отец с годами оправился, мать умерила жажду власти, но все равно, фактически мы с Уильямом управляем Эрией.

Опыт не прошел даром, мы стали сильными, и управиться с государством в одиночку для каждого из нас суший пустяк. Поэтому, дорогая Свон, не переживай за Уильяма. Он не в обиде. Еще и помогает мне. А Аделаида – хитрая тварь, которая пытается через мать стать одной из первых во дворце. Уильям, благодаря флирту с ней, узнает о намерениях матери. Королева – затихший вулкан, который может извергнуться в любой момент. И нам нужно знать загодя, когда это случится.

– А что за горе произошло с вашим отцом? Что его сломало?

– Не поверишь, всего лишь смерть любовницы.

– Видимо, он ее сильно любил, раз забыл о долге перед детьми и государством.

– Никакая женщина не должна столько стоить.

Такой прямой ответ смутил Свон. Ее так и подмывало спросить, а сколько же стоит она? Но кто сказал, что Эдуард ее любит?

Повисшую тишину разогнал далекий рёв дракона.

Принц и Свон соскочили со своих мест одновременно. Натягивая на ходу меховую одежду, они неслись к выходу, забыв у озера и корзину, и магическую лампу. Расталкивая ногами ледяные шары, которые стучались о собратьев с тревожным звоном, бегущие преодолели основную пещеру рука об руку, но у стены водопада принц вырвался вперед, крикнув Свон:

– Не выходи, оставайся здесь.

Она замедлила бег, но продолжила путь, надеясь быстро вернуться назад в случае опасности. Осторожно выглянув из укрытия, Свон задохнулась от ужаса. Прозрачный лед озера стал красным от крови. У разбитых саней лежал растерзанный горный козел, а принц медленно отступал от косматой зверюги, скалившей свою окровавленную морду. Зверь неотрывно следил за каждым движением Эдуарда, готовый прыгнуть на него в любую минуту. Шерсть на высоком загривке стояла дыбом, длинный хвост бил о бока, острые уши были прижаты к плоской голове. Грязный окрас шерсти резко контрастировал с белым снегом и голубым льдом водопада. Даже из укрытия Свон почувствовала зловоние, исходившее от хищника.

В руках Эдуарда находился короткий клинок, но он казался игрушкой против клыков неизвестного чудища.

Наверху, там, где началось их путешествие к водопаду, ревел дракон. Свон видела лишь его голову и крылья, которыми он хлопал. Дракон не мог спуститься по санной колее, слишком узка она была для него, поэтому в бессилии призывал погонщика.

Свон боялась произнести хоть звук, он мог отвлечь Эдуарда, и тогда зверь бросился бы на него. Но когда принц поскользнулся и начал заваливаться набок, вытянув руку с клинком перед собой, Свон закричала. Нет, не от ужаса. Она вышла из-за ледяной ограды водопада и во все горло завопила «Арроу!».

Ее поступок вызвал цепь событий.

Зверь отвлекся от принца и повернул голову в сторону Свон. Она, испугавшись, что хищник вот-вот нападет на нее, в панике побежала не назад в пещеру, а в противоположную сторону – вдоль отвесной скалы.

Она неслась, сбивая в кровь руки о торчащие куски породы, цепляясь за них, пытаясь сохранить равновесие на занесенных снегом камнях, спиной чувствуя полный ненависти взгляд маленьких желтых глаз с вертикальными зрачками.

Услышав страшный крик принца, она оступилась и кувырком полетела вниз к озеру. Лежа на льду, Свон всем телом ощущала его сотрясение от прыжков тяжелого зверя, а смрадное дыхание стало невыносимым от его близости к ней.

Но вдруг хищник встал на задние лапы, взвыл и резко развернулся. Из его холки торчал клинок Эдуарда, а он сам встречал зверя с оглоблей от разбитых саней.

Свон ясно поняла, если не случится чудо, их постигнет страшная участь.

И чудо случилось.

Бег зверя остановил столб огня. Дикий визг объятого пламенем хищника, рык разозленного дракона, победный крик принца смешались в голове Свон и прекратились в одно мгновение. Она потеряла сознание.

Пришла она в себя, сидя в беседке, укутанная в теплое одеяло. Рядом перевязывал руку Эдуард. Его волосы были мокрыми, вода капала на лицо, но он сосредоточенно занимался своим делом.

– Как ты? – он коротко глянул в глаза Свон. – Я тебя осмотрел, кроме царапин на руках ничего не нашел.

– Зверь?

– Мертв. Спасибо, ты спасла нас. Я не думал, что дракон успеет, хотел скрыться в пещере.

– Я нас чуть не погубила, – Свон закрыла глаза.

– Нет. Если бы ты не позвала дракона, мы были бы уже мертвы. Не здесь, так в пещере. Нападение – дело рук человека. Зверь лишь орудие. Это была ловушка. И мы в нее попали. До того, как отдать тушу козла дракону, я его рассмотрел и нашел наконечник стрелы. Да и охарги, так зовут хищника, в наших краях не водятся. Его привезли сюда.

– Но как можно доставить огромного зверя в горы? Не на веревочке же его привели?

– Если мы поймем, как его доставили, поймем, кто смог подготовить западню. Я обсужу это со своими людьми. Они выяснят, не беспокойся. Сдается мне, что возможность переправить крупного хищника на такое далекое расстояние есть только у жрецов. Мстительные твари.

– Где ваш плащ? Откуда столько воды?

– От драконьего огня растаял лед, и я провалился в озеро. Пришлось бросить плащ, он стал неподъемным.

– Вы простынете, Эдуард, идите сюда, – Свон распахнула одеяло, но Эдуард покачал головой и показал ей Кольцо Жизни, надетое на его указательный палец.

– Я не умру. А ты могла.

Больше он ничего не стал говорить, но этого было достаточно, чтобы геройский дух Свон окончательно пал. Эдуард достал из сиденья погонщика толстый свитер, и, сняв мокрую рубаху, одел его на голое тело.

Раздался крик «Арроу!» и дракон, получивший в награду тушу козла, сыто отгрыгнул пламенем и поднялся в воздух.

Вечером принц не вышел к столу. Дак с огорчением сообщил, что «Его Высочество все-таки заболели и сейчас у них жар».

Свон, ни минуты не раздумывая, потребовала, чтобы ее отвели к Эдуарду. Дак пытался отговорить, боясь, что Свон, еще не оправившаяся от потрясения, может заболеть или, чего доброго, и вовсе умереть. Да и вообще, незамужней женщине находиться в одной комнате с обнаженным мужчиной неприлично!

– Дак, веди меня. Иначе весь замок узнает о неприличном поведении одного мужчины с одной незамужней женщиной в красном, – тихо, но твердо произнесла Свон. Лицо Дака стало того же цвета, что и платье Марты.

Наследник лежал под простыней. Жар сжигал его, и Эдуард пытался стянуть с себя тонкое покрывало, а Роки, с усердием опытной няньки, натягивал его обратно.

– Его Высочеству то жарко, а то вдруг кидает в озноб, – пожаловался он вошедшим.

– В замке есть лекарь?

– Нет, только на заставе. Сейчас Кырка туда отправим.

– Не надо лекаря, – Эдуард открыл глаза. Неровное дыхание выдавало его плохое состояние. – Свон мне поможет.

– Но я не лекарь. И не знаю, что делать, – прошептала она, подойдя к кровати.

– Ничего делать не надо. Просто посиди рядом, – он схватил горячей ладонью ее за руку и потянул на кровать. Свон присела на край, но принц обнял ее за талию и привлек к себе. Попав в кольцо его рук, она не стала вырываться. Может, ему действительно станет легче, только нужно подождать?

– Если понадобится помощь, звони! – Дак показал глазами на шелковую ленту, висящую у изголовья кровати. – Дернешь за нее, и у двери появится слуга.

Принц спал, а Свон боялась пошевелиться, чувствуя, что жар не спадает, но больной хотя бы затих.

– Я так люблю тебя, Свон, – вздохнул принц.

– Что? Что вы сказали? – она наклонилась ближе к его лицу, но увидела, что тот продолжает спать и не слышит ее.

– Не позволю! Она моя! – принц оттолкнул Свон, пытаясь подняться. Он смотрел затуманенным взглядом.

– Ложитесь, Эдуард, у вас жар, – Свон нашла полотенце и смочила его в кувшине с водой. Но справиться с мужчиной в бреду ей было не под силу. Он метался, скидывал со лба полотенце, выкрикивал ее имя, затихал, но через минуту вновь начинал бой с невидимым врагом. Слова, которые он выкрикивал своему врагу, вовсе не являлись услугой для уха нежной женщины. Но Свон не считала себя неженкой. Она и не такого наслушалась во время плавания на «Свирепом».

Лишь к утру жар спал.

Принц успокоился, и обессиленная Свон прилегла на край его большой кровати.

Засыпая, она улыбалась. За ночь Эдуард признался ей в любви десятки раз. Пусть в бреду, но он называл ее имя, а не какой-то другой женщины. И она его любит. Да. Всем сердцем.

Пробуждение было странным. Ее разбудил поцелуй в щеку. Приятный, нежный. А теплое дыхание на коже возле уха подняло во всем теле волну желания. Такого сильного, что невольно поджались пальчики на ногах.

Вместе с желанием появились мысли, от которых у незамужних девушек наверняка случился бы припадок.

– А где же продолжение? Почему только щека удостоилась такой чести? – прошептала она, повернувшись лицом к мужчине.

Весь мир пришел в движение, когда Свон сама потянулась к лицу Эдуарда, желая получить поцелуй. Ее руки обнимали, прижимали к себе любимого.

Сердце зашло в бешеном ритме, усиленно проталкивая кровь по венам, оживляя сонное тело, напоминая, что оно может получать удовольствие от прикосновений. Поначалу осторожных, словно бабочка задевает крылом – это пальцы любимого убирали выбившиеся из косы пряди с лица. Потом более смелых. Ладони любимого сминали ее волосы в страстном порыве прижать к себе для следующего более глубокого, более откровенного поцелуя. И наконец, неустойчивых, что вообще трудно назвать прикосновениями: рвущих одежду, скидывающих ненужные преграды в желании добраться до ее тела. И опять нежных, трепетных, дарящих наслаждение. Свон отвечала не менее страстно, она жаждала физических проявлений любви от желанного мужчины, имя которого произносила в исступлении ласк, подгоняя его, срывая собственными руками мешающую ей одежду.

– Эдуард...

Ей нравилось, как звучит его имя, каким раскатистым получается звук «эр». Словно она кошка, млеющая, мурлычущая от удовольствия, тонущая в мартовской страсти.

Горячее тело мужчины прижималось к ее, и она обнимала его, чтобы быть ближе, чтобы кожа прикасалась к коже.

Ах, как сладки были их поцелуи...

Но ей было мало. Свон хотела большего. Гораздо большего...

Она, не ожидая боли, выгнулась, пытаясь освободиться, застонала, хватаясь пальцами за покрывало, собирая его в ком. Но ее тут же отвлекли, зацеловав, загладив, заговорив.

– Любимая...

Захотелось отозваться, откликнуться, назвать пароль у открывающихся врат любви.

– Любимый... Мой...

И получить отклик, кружащий голову, отвечающий эхом:

– Моя...

Горячий рот, сминающий губы в бесконечном поцелуе, ставящем печать принадлежности, не дал произнести ответные слова, но пробудил желание отдаться полностью. Без остатка, без ограничений.

В комнате быстро светало. Давно превратились в пепел дрова в камине, а стылый ветер, завывающий за стенами замка, выдувал через щели узкого окна последние крупы теплоты. За дверью ходили люди, их неясный разговор то приближался, то отдалялся. Где-то лаяла собака. Изредка доносился плач ребенка, но этот плач не был знаком, поэтому сердце женщины, лежащей на кровати в объятиях мужчины, не откликнулось.

Глава 17

Свон проснулась от ощущения всепоглощающего счастья. Сначала испугалась, что видела сон, но почувствовав тяжесть руки, обнимающей ее, и мерное дыхание Эдуарда, успокоилась.

Пошевелившись, пытаясь выбраться из-под руки принца, она разбудила его, за что тут же понесла наказание. Последовали поцелуи, нежные и страстные, легкие, словно по телу водили пером, и глубокие, жаждущие ответной страсти. Те, которые можно было назвать целомудренными, и совсем нескромные. Поцелуи, сопровождающиеся стонами и вздохами, рожденными единением тел. Поцелуи, сопровождающиеся взрывом скопившейся в любовниках чувственной энергии, обессилевшей их вконец своим накалом.

Свон, нежась в объятиях Эдуарда, не желающего отпустить ее от себя хотя бы на минуту, мысленно перебирала события, предшествующие страстному безумию. Так много хотелось рассказать, еще больше хотелось узнать, но страшно было прервать мгновения счастливого забытья. Ни Эдуард, ни Свон не решались начать разговор, без которого не видели будущее.

Ее рука опустилась на ладонь Эдуарда, прижатую к ее влажному животу, и погладила ее, словно извинялась за то, что сейчас прозвучит:

– Я... замужем.

Ладонь принца дрогнула и медленно освободилась из-под руки Свон. Считанные мгновения растянулись в века болезненного ожидания приговора.

– Камиль насильно женил меня на себе. Есть запись в священной книге церковных браков с заверениями свидетелей.

Когда Свон подняла полные страха глаза, то увидела, что Эдуард улыбается. Его ладонь накрыла ее щеку и нежно погладила.

– Я знаю, – спокойно произнес он. – В замке Пигеон я виделся со священником, которого Бахриманы заставили обручить вас. И после сегодняшней ночи, милая Свон, моя наиглавнейшая задача – сделать тебя вдовой. Никому не по силам разлучить нас. А в знак любви, прими это кольцо. Вручаю от души.

Кольцо Жизни соскользнуло с руки принца, и он легко надел его на безымянный палец Свон. А потом приник с недолгим поцелуем к ладони, плавно перешел к запястью... И вот любовников опять закружила карусель страсти.

Голодные, жаждущие уже не ласк, а прохладной воды и сытной еды, Эдуард со Свон вышли в общий зал, где за огромным столом, накрытым белой тканью и заставленным нехитрыми яствами, собрались все обитатели замка.

Свон страшилась пронизательных взглядов друзей, которые наверняка догадывались, почему она так долго не покидала комнату наследника. Войдя в зал, Свон, словно маленький ребенок, спряталась за спиной Эдуарда. Он, поняв ее маневр, засмеялся и крутанул ее так, что она оказалась стоящей пред ним, но в его объятиях.

– Друзья! – громко обратился принц к присутствующим. – Разрешите представить вам мою невесту – Свон Винталь. Правда, она пока является женой Камилы Бахримана, но лжец и трус получит по заслугам и освободит мою любимую от насильно навязанных обязательств.

Одобрительный гул пронесся по залу, Дак и Роки кинулись обнимать Свон, нарушая этим простым действием все каноны королевского этикета. Эдуард не стал прерывать бурного веселья, с удовольствием наблюдая на лице любимой долгожданную улыбку.

Об остальном они решили поговорить позже, после встречи с обитателями замка и вкусного завтрака. Им предстоит многое открыть друг другу и разгадать все тайны, стоящие преградой на пути к их единому будущему.

Больше всего Свон тревожило, знает ли Эдуард о секретах своей матери, как он отнесется к тому, что по закону не является наследником? Стоит ли ему знать об этом?

Она видела, что принц отменный правитель, а ее признания могут сломать ему жизнь.

Они сидели рядом за большим столом, вольно или невольно касаясь друг друга, бросая нежные взгляды, вспоминая и поцелуи, и объятия, и более интимные моменты, вызывающие у принца задумчивую улыбку, а у Свон румянец на щеках.

После завтрака Эдуард отлучился из крепости.

Он спешил на встречу с командиром пограничного гарнизона. По поступавшим донесениям, на границе стало беспокойно, появился чужой люд, и это не были привычные местным обитателям контрабандисты.

Опасаясь того, что оживление произошло из-за прибытия в Дохо Свон с ребенком, о котором уже могли разузнать Бахриманы, Эдуард собрал совет, где обсудил меры безопасности. Для усиления погранзаставы из столицы выписали отряд стрелков, несколько боевых ящеров, запас оружия и продовольствия для Дохо, на случай возможной осады крепости.

Эдуард вернулся поздним вечером и нашел Свон в своей комнате. По его распоряжению вещи любимой уже перенесли туда. Он не хотел расставаться с ней даже ночью. Вернее, ночью ему особенно не хотелось расставаться с ней.

Чуть позже, когда радость встречи после короткой разлуки поутихла, погашенная поцелуями и совсем нескромными объятиями, наблюдая за Свон, принц заметил, что она уже несколько минут не перелистывает страницу книги, смотрит в нее пустыми глазами, и нет-нет вздыхает.

– Что с тобой? О чем ты думаешь?

– О Петрике. Мне нужно проведать его, – Свон погладила руку Эдуарда, лежащую на подлокотнике кресла. – Я соскучилась. Столько раз заходила, а он все спит да спит.

– Я пойду с тобой. Мне интересно посмотреть на наследника графа Пигеон.

Свон опять вздохнула.

– Что тебя тревожит? – принц взял руку Свон и поцеловал. С тех пор, как нашел беглянку, он все замечал.

Вчерашний случай нападения показал, как быстро, несмотря на неусыпную охрану, можно потерять любимую. Всякий раз глядя на Свон, наследник, словно заклинание, шептал: «Только смерть разлучит нас».

– Петрик никогда не видел меня молодой. Узнает ли? Боюсь обнаружить, что стала для него чужой.

– Ты никогда не будешь чужой для Пигеона-младшего. Ты станешь ему крестной матерью, а я – крестным отцом. Я заказал обряд крещения, проведем его завтра утром. Что еще тебя волнует? – тихо спросил принц.

Рука Свон согрелась в его большой ладони.

– У меня столько вопросов! – вздохнула Свон. – Но я боюсь услышать ответы. Мне кажется, что я прежняя перестану существовать, погребенная под новыми знаниями. Я боюсь потерять себя.

– Ну, уж нет! – засмеялся Эдуард, наклоняясь близко к лицу Свон. Не надо, чтобы она мучилась теми же страхами, что и он. – Опять потерять? Никуда ты не денешься ни от меня, ни от себя. Ты не одна. Я рядом, и всегда будет так. Не зря же я столько лет ждал, пока ты подрастешь.

Последовал поцелуй в щеку, поцелуй в губы, вздох и удивленный вопрос:

– Вы уже тогда знали, что я буду вашей? Вы влюбились в маленькую девочку?

– Боже! За кого ты меня принимаешь? Влюбиться в ребенка? – принц округлил глаза. – Нет, все произошло гораздо позже. Помнишь, как мы встретились во второй раз? Я был уверен, что ты опять тонешь. Не смейся! Тогда я не знал, что тонущая крестьянка и есть моя Свон.

– Вы оценили прелести тонущей крестьянки? – возмутилась Свон.

– Трудно было не заметить, что находится под тонкой рубашкой, – Эдуард пересадил Свон к себе на колени и провел ладонью по ее груди. – Мне стало жалко, что мир лишится такой красоты. Вот я и потащил нагую девицу на берег.

– Вы тащили меня так, словно я подстреленная утка! Никакой нежности. А потом бросили на берегу и убежали. Хорош спаситель! – Свон надула губы в притворной обиде.

– О! Так ты хотела бы, чтобы я был нежен с каждой спасенной крестьянкой?

– Их много? – в голосе Свон прозвучала ревность. – Нет, пожалуйста, будьте нежны только со мной. Когда вы догадались, что тонущая крестьянка – это я?

– Прости, я не знал до тех пор, пока Алекс не подсказал мне. Я обратил внимание на знакомую фигуру, когда ты вернулась с реки. Мы стояли у окна на втором этаже замка Шовеллер и наблюдали, как ты стараешься остаться в тени, пробираясь на кухню. Я сказал Алексу: «Вот еще одна спасенная мной душа!». Он долго смеялся, мне пришлось даже стукнуть его.

– Как я не хотела, чтобы меня тогда кто-нибудь заметил! – Свон застонала, пряча лицо в ладонях. – Кувырки в канавах и лежание в грязи на берегу реки не сделали меня привлекательнее!

– Зря ты так думаешь. Ты была, – принц немного замялся, подыскивая слова, – настоящей, естественной, дикой и очень привлекательной. Знаешь, почему я бросил тебя на берегу? Еще минута – и я бы не справился с собой.

– И вам пришлось бы жениться на крестьянке! – весело закончила Свон.

– Нет, – в голосе принца не было и капли веселья. – Короли не женятся на крестьянках.

– Даже если бы это была я? – Свон не могла поверить, что Эдуард говорит серьезно.

– Даже если бы это была ты. Связь закончилась бы там же у реки. Мои люди потом нашли бы тебя и позаботились, чтобы не родился королевский бастард.

Свон выпуталась из объятий и соскочила с колен Эдуарда. Он встал следом.

– Значит, только знание того, что во мне есть королевская кровь, делает меня вашей невестой?

– Да. Иначе и быть не могло.

Сердце пропустило удар, в груди Свон все сжалось от внезапной обиды и боли. Она понимала то, о чем он говорит... Понимала умом, но не сердцем. Сердцу хотелось невозможного чуда, а душе – любви. Сильной, всепоглощающей, заставляющей Эдуарда забыть о долге и традициях. Это оно, ее глупое сердце, горело огнем, тянулось к сердцу любимого и готово было принять его любым – богатым и нищим, в короне и без, здоровым и немощным калекой. Любым! А он?

– Я никогда бы не стала вашей женой, не будь во мне капли королевской крови?

Она произнесла это больше для себя. Горечь от сознания правдивости своих мыслей легла тяжелой ношей на сердце.

«Скажи, что я была бы тебе нужна любая... Всякая. Крестьянка или нет. Пожалуйста, скажи мне это!»

Эдуард отвел взгляд и тихо ответил:

– Нельзя изменить существующие законы. Короли не женятся на крестьянках. Они могут стать любовницами, но не женами. Я не хочу гадать, что было бы с нами, если бы я не надел на тебя однажды Кольцо Жизни.

Свон была задумчива, иногда тяжело вздыхала, но, в конце концов, уткнулась лицом в грудь Эдуарда и прошептала:

– Как жаль, что жизнь не сказка. Здесь короли не женятся на служанках...

– И мне жаль.

Они посмотрели в глаза друг другу, и к Свон пришло смирение.

Все-таки она везучая. Хорошо, что в ней течет кровь королей. Иначе все могло сложиться совершенно по-другому... Грустно!

Утомленные, лежали они в объятиях друг друга. Не горел очаг, оплыла застывшей лужицей свеча, только лунный свет робко освещал смятую постель. Эдуард медленно накручивал золотистый локон Свон на палец, а она выводила пальчиком вензеля на его груди. «Э.Э» и «С.В.».

– Свон Винталь, – она решилась задать мучивший ее вопрос. – И вы, и Камиль называли имя моего рода. Откуда вы знаете, что я из рода Винталь?

– Камиль не ошибся. К этому роду принадлежала твоя мама, – принц замялся, не зная, как сообщить о том, что та умерла.

Движение пальца, выписывающего монограммы, прекратилось, Свон положила ладонь на то место, где билось сердце любимого.

– Я знаю, она погибла. Сгорела в домике в горах.

– Да, – вздохнул Эдуард. – Ее убили. Дворцовые интриги.

– Кто ее убил? И за что?

Эдуард перевернулся на живот и положил голову на скрещенные руки. Он внимательно посмотрел на притихшую Свон, подбирая слова, зная, что все равно причинит ими боль.

– Не выяснено до сих пор. Убийца воспользовался адовым огнем, а он уничтожает все на своем пути. Я пытался разобраться, но нет никаких зацепок. Нет свидетелей. Твоя мама была одна в Окайро.

– Нет, она была не одна. С ней была я, но меня похитили за минуту до пожара и оставили в замке графа Шовеллер.

– Я разговаривал с советником. Никто не видел, как ты появилась в замке. Он говорит, что его жена пожалела сиротку и оставила при Даке. Это граф определил твой статус, назвав воспитанницей. Он быстро понял, что ты умна и смыслена. Кстати, знаешь, как мы догадались, что ты из семьи Винталь?

– Как? Я помню, вы рассказывали, что поиски королевских фамилий, у которых пропал ребенок ни к чему не привели.

– Правильно. Мы искали, у кого могли похитить ребенка, поэтому ничего не добились. Мы не там копали! Одна печальная история о леди из рода Винталь, погибшей вместе с ребенком, навела меня на мысль, что мы ищем живого ребенка, но не рассматриваем детей умерших.

– Ой, как жутко! – Свон прикрыла рот ладошкой.

– Порывшись в этом направлении, мы обнаружили, что ты могла быть тем самым ребенком, который считался сгоревшим вместе с матерью. Совпадение казалось невероятным, но факты доказывали, что мы не ошибаемся: ты появилась в замке Шовеллер в день пожара в Окайро и твой возраст, определенный милордом, как «где-то около года», совпадал с точным возрастом девочки – одиннадцать месяцев. Мы нашли и другие косвенные доказательства, что леди Винталь твоя мама.

– Расскажите мне о маме, пожалуйста. Может, вы знаете и моего отца?

– Нет, я не выяснил, кто твой отец. Но я обязательно разберусь. Ты готова услышать всю правду о своей семье?

– Да, готова, – Свон приподнялась на локте, вглядываясь в спокойное лицо Эдуарда. – Есть что-то постыдное, что вам трудно рассказать? Пожалуйста, не утаивайте. Я спокойно приму все, что вы расскажете.

– Ты – бастард.

– О, нет... – Свон села и закрыла лицо руками. – Значит, моя мама родила от какого-то короля? Ведь Кольцо Жизни подтвердило, что во мне течет королевская кровь...

– Ты знаешь такое государство, как Северная Лория?

– Да, я изучала географию. Оно находится западнее Эрии. В нем правит королева Беатрис Шестая.

– Твоя мама дочь Беатрис Шестой.

– Я внучка Беатрис Шестой?!

– Да, герцогиня Роуз Винталь, наследница королевства Северная Лория, была твоей матерью.

Свон застыла, даже перестала дышать, настолько ее ошеломила новость. В ней течет кровь древнейшего рода!

– Роуз Лорийская! – с придыханием сказала Свон. – Я читала, что если бы погибшая дочь Беатрис Шестой вступила на трон следом за матерью, то она была бы известна, как Роуз Лорийская! Не могу поверить!

– Свон! Свон! – позвал ее принц, видя, что она замерла, устремив взгляд в окно.

– Да, – откликнулась Свон. – Не могу поверить. У меня есть семья. Моя бабушка жива. Пожалуйста, успокойте меня – за последние три месяца с Беатрис Шестой ничего не случилось?

В темноте тревожно блеснули ее глаза. Принц поднялся и обнял Свон, подтянув одеяло на ее обнаженные плечи. Она, увлеченная разговором, не чувствовала холода.

– Нет, она жива. Мало того, она знает о твоём существовании. Помнишь бал в замке Шовеллер? Мы с Уильямом постарались, чтобы ты была похожа на принцессу. Еще тогда ты должна была узнать, что являешься будущей правительницей Беатрис Седьмой. Твоя бабушка инкогнито прибыла в замок, чтобы увести тебя в Лорию.

– Меня зовут Беатрис? Беатрис, – повторила Свон, пробуя новое имя на вкус. – Но почему инкогнито?

– Понимаешь, здесь замешана политика. Моя мать в ссоре с Беатрис Шестой. Она ведь тоже Винталь.

– Боже! Только, пожалуйста, не говорите, что мы близкие родственники по материнской линии! – Свон вдруг стало стыдно, и она натянула простыню до самого носа. – Вы не пошли бы на нарушение, зная о законе «Брат и сестра», запрещающем интимную связь между близкими родственниками под страхом смерти?

– Нет, успокойся. Мы не нарушили его, – улыбнулся Эдуард, целуя Свон в нос. – Мы разные ветви одного рода, у нас лет двести назад был общий предок, но с тех пор никаких династических браков Винтали между собой не заключали.

– А почему моя бабушка и ваша родительница в ссоре?

– После гибели Роуз, моя мать является единственной наследницей трона Беатрис Шестой. Но твоя бабушка решила, что в смерти Роуз виновата именно она – Елизавета Эрийская, однако ничего доказать не смогла. Можно понять ее горе, она до сих пор носит траур. Поэтому, когда она узнала, что ты не сгорела вместе с Роуз, то прибыла в замок Шовеллер, чтобы тебя обнять. Но ты опять пропала.

– Вы сообщили ей, что я жива? Я хочу увидеться с бабушкой.

– Да, мы еще вчера, пока ты спала, отправили желтоглазого дракончика в Лорию. Наш следующий путь – туда.

– Хорошо, – Свон опять легла в объятия Эдуарда. Ее многое обеспокоило в рассказе принца. Прежде всего, упоминание о Елизавете Эрийской, его матери. Она помнила ее взгляд на балу, когда Свон представили венценосной паре. В нем отразилось такая ненависть, что Свон невольно отшатнулась. Может быть, королева что-то увидела в ее лице?

– Моя бабушка была на балу?

– Да, мы не удержали ее в комнате.

– Что она сказала? Я похожа на свою мать?

– Да, она призналась, что ты вылитая Роуз. Она ни минуты не сомневалась, что ты ее внучка.

Эдуарду казалось, что Свон должна обрадоваться, услышав, что она похожа на мать, поэтому ее слезы удивили его. А Свон плакала, так как поняла, что произошло на балу. Королева узнала, что дочь Роуз Лорийской жива, и ей это не понравилось.

– Скажите, после того, как я нашлась, ваша матушка перестала являться претенденткой на престол Северной Лории?

– Нет, только после того, как ты будешь официально представлена посольствам всех королевств, она перестанет быть наследницей Беатрис Шестой.

Немного помолчав, он добавил:

– Я надеюсь, ты не думаешь, что Елизавета Эрийская замешана в твоём похищении? У моей матери не было причин затевать интригу: она богата, является королевой куда более крупного государства. Скорее, она предпочла бы, чтобы Лорией правил кто-нибудь из ее сыновей.

– Например, Уильям?

– Может быть.

– Я отняла у вас трон?

– Свон, о чем ты думаешь? Беатрис Шестая жива и здорова. Я уверен, она еще долго будет править своей прекрасной страной – Винтали из рода долгожителей. Потом, не забывая: я являюсь наследником трона куда более могущественной Эрии, и нам с Уильямом не тесно в нашей стране.

У Свон голова шла кругом. Ей нужно было отвлечься. Она запуталась и все, что раньше казалось истиной, вдруг стало спорным. Она не могла доверить свои сомнения Эдуарду, ведь ее тайна касалась Елизаветы Эрийской. Знал ли он о любовной связи матери с графом Шовеллер? Ей все больше и больше казалась правильной версия, что именно об Эдуарде, как об их общем сыне, говорили они той ночью в укромной беседке.

И еще Свон стало понятно, откуда Камиль узнал, что она Винталь. Он сложил два плюс два: на злополучном балу инкогнито появилась Беатрис Шестая, хотя до этого она семнадцать лет враждовала с Эрийскими правителями. С чего вдруг принцы облагодетельствовали сироту и даже представили ее венценосным родителям? И последнее, жрец сам увидел доказательство родовитости воспитанницы графа Шовеллер – Кольцо Жизни.

Так она стала желанной добычей для Бахриманов.

Следующие два дня текли в Дохо неспешно. Караульные и пограничники несли свою службу, женщины замка занимались домашними делами, которых значительно прибавилось, потому как свита принца требовала постоянного внимания.

Влюбленные не разлучались ни на минуту, Свон с нетерпением ждала возвращения Дырка, который должен был принести весть от Беатрис Шестой.

– Ну почему мы не можем полететь в Лорию, не получив официального приглашения? Разве бабушка не будет мне рада?

– Свон, пойми, ты не можешь посетить царственную особу так же запросто, как встретиться со своими матушками. Строгое соблюдение протоколов и процедур – вот на чем зиждется дипломатия. Один неверный шаг – и наши страны могут оказаться на грани войны. Между ними и так напряженные отношения.

– Между мной и вами нет напряженных отношений.

– Я рад. Надеюсь, что наши страны последуют нашему примеру.

Крестины Петра, единственного наследника графа Пигеон, провели тут же в замке. Из пограничной заставы прибыл священник, который крестил и дочку Бертрана. Люди в замке постарались, чтобы важное событие прошло торжественно.

Петрик лежал на руках Свон и внимательно ее разглядывал, а когда она заговорила с ним, засмеялся в голос, словно узнал, что ее несказанно обрадовало. Его залиvistый смех стал наградой за все переживания.

Вечером, после того, как детей уложили спать, и Свон вернулась из детской, принц собрал совет, чтобы обсудить дальнейшую судьбу малолетнего графа Пигеон. Было решено, что на зиму младенец останется в Дохо под охраной местного гарнизона и чудесной кормилицы. Не надеясь, что тайна его рождения никогда не достигнет ушей жрецов, в Дохо оставят магические ловушки, не позволяющие открыться порталу Бахриманов.

Маги Эрии потрудились на славу – пирамидки представляли смертельную опасность для жрецов. Настроенные на Бахримановскую магию, они уничтожали любого, посмеявшего применить волшебство в пределах их действия – ловушки моментально схлопывались, распыляя мага на мелкие частицы.

Свон сразу оговорила, что как только Петрик окрепнет, она заберет его к себе. Потомку графа Пигеон следует расти при дворе. Неважно, при каком: Эрийском или Лорийском, главное, чтобы ребенок находился рядом с крестными родителями. Влюбленные не сомневались, что они всегда будут рядом.

И еще об одном попросила Свон: не афишировать, что она является наследной принцессой Беатрис Седьмой. Ей проще оставаться простой воспитанницей графа Шовеллер, не привлекая внимания к своей особе.

Утром наследник вернулся к начатому разговору.

– Я не понимаю, почему бы принцессе Северной Лории не явить себя миру? – спрашивал Эдуард, натягивая бриджи. Влюбленные только проснулись и решили до завтрака погулять за пределами замка. Погонщики отпускали драконов охотиться каждое утро. С прибытием принца и его отряда боевых ящеров в замке стало больше, и они сами добывали себе пропитание. Свон соскучилась по Гри, который с удовольствием присоединился к стае черных драконов.

– У тебя нет врагов при Эрийском дворе, – наследник протянул руку, чтобы Свон помогла ему застегнуть пуговицы на манжетах. В Дохо принц и Свон обходились без прислуги. Они не хотели, чтобы вокруг них суетились посторонние люди. – Все причастные к твоему похищению казнены. Рядом со мной тебе ничего не грозит.

– Вы уверены? У меня остались вопросы.

Свон встала с кровати в тонкой сорочке и потянулась к жениху, чтобы застегнуть пуговицы на его теплой рубашке, но попала в кольцо его рук. Эдуард не смог не поцеловать теплую, разомлевшую после сна Свон. Так и не дав ей застегнуть рубашку, принц посадил ее назад на кровать и протянул шерстяные чулки. Свон улыбнулась. Каменные полы оставались ледяными, несмотря на пылающий камин, и ее босые ноги моментально замерзли.

– Например?

– Кто меня похитил? Вернее, так: кто был организатором похищения?

– Братя Шовеллер. Это установили дознаватели. И Марек, и его подручные в один голос утверждали, что за тебя платили близнецы. Я не мог казнить их, словно они простолюдины, поэтому сослал на южную границу, где братья несут службу в качестве рядовых. Они лишены дворянского звания, и теперь наследником графа Шовеллер официально признан твой друг Дак.

– Как вовремя телега с Мареком и его разбойниками появилась на дороге! Вам не кажется странным такое совпадение?

– Ты думаешь, что заказчиком похищения является кто-то другой? – наследник остро посмотрел на Свон. Та прикусила язык. Как она могла открыть Эдуарду, что подозревает его мать? Она помнила, как один из разбойников сболтнул лишнее, назвав имя человека, который с ними договаривался. Правда, она слышала лишь часть имени «Аде...», остальное додумала,

решив, что полное – Аделаида, фрейлина королевы. И опять сомнения обрушились на Свон. Как определить: где истина, а где вымысел?

Но Эдуард ждал ответа, поэтому ей пришлось небрежно пожать плечами и быстро перевести разговор на другую тему.

– Скажите, Ваше Высочество, а как вы узнали, что я нахожусь в замке на острове Пигеон? Как поняли, что под личиной старухи скрываюсь я? И как догадались, что мой путь лежит в Дохо?

– О, сколько вопросов! Хорошо, пока мы одеваемся, я отвечу на один из них. Остальное обсудим на свежем воздухе. Иначе мы опять застрянем в комнате, – Эдуард сел в кресло, чтобы надеть сапоги, подбитые мехом. – Все очень просто. Я больше не мог рисковать и потерять тебя из виду, поэтому мои люди заранее подкупили одну из женщин в доме Кречета. Готовя тебя к торгам, она закрепила твои волосы шпилькой с магическим маяком. Мы рисковали, что ты ее вытащишь раньше времени, но прикрепить маяк к одежде было бы большим риском: тебя могли раздеть в любой момент.

– Я в первый раз слышу о магических маяках. Что это такое?

– Достаточно распространенная вещь в армии и сыском деле. Маги заговаривают драгоценный камень, потом распиливают его на две части. Одну вставляют в какую-нибудь вещицу, например, как украшение на шпильке, другую прикрепляют к игле. Нехитрое устройство из иглы, пробки и чашки с водой помогает узнать, в какую сторону двигаться. Острие иглы всегда показывает, где находится маяк: половинки камней всегда будут стремиться соединиться в целое. Чтобы мои люди могли следовать за тобой, не теряя ни минуты, мне пришлось скупить всех драконов Форша. Прости, что я медлил. Больше всего я ругаю себя за то, что не успел на твою свадьбу. Но все поправимо. Когда ты станешь вдовой (Камилю не жить, я клянусь), основной моей заботой останется не опоздать на собственную свадьбу.

– На нашу свадьбу, – поправила Свон. Слушая объяснения Эдуарда, она надевала чулок и не замечала, что рубашка задралась и чересчур оголила бедро. Не заметила она и того, что принц вдруг замолчал. Он поедал ее глазами: такую растрепанную после ночи, такую соблазнительную в своей обнаженности. Эдуард наблюдал, как пальцы Свон натягивают мягкую ткань на ногу. Это простое действие вызвало прилив возбуждения и, не выдержав, он встал перед ней на колени и помог поднять чулок выше, не забыв поцеловать внутреннюю часть ее бедра.

– Пустите, Ваше Высочество! – засмеялась Свон, отодвигая ногу и пытаясь завязать ленту под коленом. Пока она трудилась, принц развязал ленту на другой ноге и чулок тут же спустился. Свон шутя ударила Эдуарда по рукам. – Нам нужно прогуляться. Мы не можем сутками не вылезать из постели.

– Разве тебе там плохо? – Эдуард целовал пальчики ее ноги. Чулок сиротливо валялся на полу.

– Хорошо. Но... – она помедлила с ответом и, смущаясь, добавила. – Если честно, у меня все болит.

– Все болит? И здесь? – он поцеловал коленку. – И здесь? – он поймал руку и коснулся губами запястья.

– Нет, – засмеялась Свон, – здесь не болит.

– Вот видишь! – он осуждающе покачал головой. – Ты, оказывается, лгунья! Что еще ты скрываешь от меня?

– Я говорила, что люблю вас?

– Нет. Я говорил, что люблю тебя?

– Нет. Но я догадывалась. Чтобы вы не сомневались, давайте, я признаюсь, как на духу: я люблю вас, Ваше Высочество. Больше жизни. Я готова отказаться от любой короны, если она встанет между нами. Я не хочу, чтобы нас разлучили. Мое сердце разобьется.

– Чтобы ты не сомневалась, я тоже признаюсь: я люблю тебя, Свон, больше жизни. Я хочу, чтобы ты всегда была рядом, чтобы родила мне детей. Я готов отказаться от короны, если она станет препятствием к обладанию тобой.

Эдуард поднял Свон с постели, прижал к себе и наклонился для поцелуя. Она потянулась навстречу, но поцелуй не последовал.

– А губы не болят? – шепнул он.

Свон быстро облизала губы.

– Болят, но я потерплю.

Долгий поцелуй ожидаемо закончился в постели. Принц был осторожен и аккуратен. Если Свон и стонала, то никак не от боли.

Только через час они появились на крыльце. Драконы уже взмыли в небо и кружили в морозной высоте, высматривая добычу. Свон нашла глазами Трилли и проследила, как та скрывается за скалой. Она ни на минуту не сомневалась, что невидимый Гри где-то рядом с ней.

Влюбленные рука об руку двинулись за ворота, где открывался грандиозный вид на горы. Белые великаны поблескивали своими вершинами в лучах утреннего солнца. Звонкий от мороза воздух затруднял дыхание. Люди натягивали на лица шарфы, и ткань тут же покрывалась хрупким инеем.

Ночью выпал свежий снег, поэтому дальше моста Свон с Эдуардом идти не решились. Драконы, выйдя за ворота, вытоптали большую поляну, но погонщики посоветовали остерегаться этого места: ящеры могли вернуться с добычей в любую минуту.

– Вы обещали ответить на остальные вопросы, – Свон прижалась к Эдуарду, чтобы ему не пришлось повышать голос. Он тут же обнял ее, и наклонился ниже, к самому лицу, чтобы Свон не пропустила ни слова.

– Когда тебя похитили в Форше, я пришел в отчаяние. Поверь, у меня имелся огромный запас денег, и я бы выиграл торги. Видимо, противник правильно оценил мои возможности, поэтому осуществил свой кровавый план. Одна из убитых в шатре женщин оказалась женой Кречета, и я отмел все обвинения в его коварстве. Я видел, как он плакал над трупом. Такое не сыграешь. Мы пытались схватить людей в черных балахонах, чтобы выяснить, куда тебя увезли, но жрецы испарились на глазах. Тогда я впервые узнал, как они пользуются Дорогой Бахриманов. Я тут же сделал засечку в памяти – найти магическое средство, препятствующее открытию портала. Имея такое преимущество, жрецы из Сулейха могли появиться в любой точке мира, и ни одному войску не удалось бы им противостоять. Я думаю, это они, используя магический способ передвижения, устраивали поджоги. Для чего нужны пожары? Скорее всего, чтобы вызвать волнения и озлобить людей против меня. Жрецы – разрушители, действующие тайно. Они, словно черви в яблоке, прогрызают свои пути в чреве мира. Я осознал, какая угроза нависла над всеми государствами. Мне жаль, Свон, что наше будущее не будет безоблачным. Нас ждет война.

Слова о войне испугали Свон, и она невольно вцепилась в Эдуарда так сильно, словно он прямо сейчас мог исчезнуть.

– Ты задушишь меня, дорогая, – засмеялся Эдуард. – Я постараюсь, чтобы мир избежал кровопролития. Мы с отцом готовы противостоять жрецам и припасли оружие для борьбы с ними – те самые ловушки. Осталось рассказать соседям и дружественным государствам о коварных планах жрецов из Сулейха. Но давай отвлечемся от темы войны. Я расскажу тебе, как я узнал, что милая старушка из замка Леоль – это ты.

Свон опустила глаза. Имя Леоль всколыхнуло страшные воспоминания. Ей стало трудно дышать, душили слезы. Видя, как покраснел на морозе нос Свон, Эдуард натянул шарф на ее лицо, оставив открытыми только глаза.

– Как ты думаешь, если в замке, где работают тщательно отобранные люди, появится, пусть в страшной суматохе, незнакомая пожилая женщина, ее не заметят? Не забывай, замок находится на острове и слуги хорошо знают друг друга. Поняв, что ты не сгорела в комнате, я сопоставил исчезновение молодой девицы и появление зрелой дамы. Еще одна особенность явно отличала зрелую даму от местных, но роднила с тобой.

– Светлая коса?

– Нет, у многих местных служанок тоже были светлые волосы. Поверь, я расспросил каждую из них, когда пытался понять, куда ты делась. И заметил одну особенность: служанки все, как одна, высоко выбривали лбы, а косы туго заплетали. Это являлось правилом, за этим жрецы тщательно следили.

– Зачем?

– Я тоже гадал, зачем? Оказывается, чтобы чепец сидел плотнее, и ни один волос не выбивался наружу. Так у них принято. А теперь представь себе, что по замку идет простоволосая женщина без чепца, с не выбритым лбом, и думает, что ее никто не видит. Чужая? Определенно. Похожа она на невесту Камиля? Скорее на маму невесты. Могла моя Свон так быстро состариться? Без магического вмешательства нет. Вот и все выводы.

– А как вы догадались, что это Пелена Смерти?

– Я не догадался и ничего не знал о таком кольце. Но я обратился к человеку, который очень многое знает о магических вещах. Он провидец, к которому стремятся попасть все сильные мира сего, желая узнать будущее. Рейвен не оказывает магические услуги никому, кто хорошо заплатит – только избранным. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы уговорить его помочь. Пока ты летела на своем Гри, я уже знал, как тебя спасти. Осталось только дождаться.

– Почему сразу не сказали? Я могла умереть у вас на глазах! – Свон стукнула кулачком в грудь принца.

– Мне нравилось наблюдать, как ты пытаешься обмануть меня. Я так ждал твоего прилета в Дохо, что не смог вернуться в столицу. Я жил на пограничной заставе. И потом, я знал, что твоей жизни ничего не угрожает, ведь Пелена – просто обман. А потом припомни: это ты отказывалась узнать магические слова, снимающие Кольцо Жизни!

– Я ненавижу Камиля! Я решила, что умру, не познав любви, радости материнства... Полтора месяца агонии.

– Хочешь еще раз познать любовь? – принц со значением подвигал бровями.

– Боже! Я о трагедии моей жизни, а вы... опять о постели!

– Прости. Но рядом с тобой я не могу думать ни о чем другом. Через нее ты познаешь радость материнства. Разве я не прав? Я осуществляю твои мечты! А за полтора месяца агонии ответит Камиль. Обещаю!

Вскоре стали возвращаться драконы. Каждый из них приносил с собой добычу и тут же начинал свою трапезу. Смотреть на завтрак хищников было не особо приятно, поэтому Свон заторопилась в замок. Она решила навестить Гри позже.

Но в полдень наследнику доложили, что Гри не вернулся. На поляне появилась измученная долгим полетом Трилли, которая скулила, как брошенная собачонка. Известие взволновало Свон, но надежда еще оставалась. Гри – выносливый дракон, она знала, что длительные перелеты ему по плечу.

Но и на закате белый дракон не вернулся.

Как только стало светать, в воздух подняли самых выносливых драконов. Они летели с вооруженными погонщиками на спинах. Впереди неслась, показывая дорогу, Трилли. Она всю ночь жалобно скулила, что разрывало окружающим сердце. Свон ругала себя, что не настояла на немедленных поисках Гри. Но все обитатели крепости до последнего надеялись, что бело-

головый появится у стен Дохо, даже жгли костры, чтобы Гри нашел дорогу домой в кромешной темноте северной ночи.

Глава 18

Людьми строились самые разные предположения о причинах исчезновения дракона: от самого простого – Гри, увлекшись охотой, приземлился и не смог взлететь без команды «Арроу», до самого трагического – пал жертвой браконьеров.

Свон и слушать не хотела, что останется в замке и будет ждать вестей. Она отправилась на поиски друга с командой пограничников.

Эдуард не захотел отпускать ее одну, поэтому сам сел на дракона в качестве погонщика.

Хмурое утро и обстоятельства внеурочного похода не позволили насладиться видом величественных гор. Маленькая Трилли была едва видна в туманной дымке, но ее жалобный крик служил тем маяком, который не давал сбиться с пути.

Но куда летит верная подруга Гри? Куда увлекает людей и драконов?

По поисковой команде, неотрывно следующей за Трилли, прокатилась волна смятения и страха: дракониха приближалась к той отвесной скале, за которой начиналась страна невидимых чудищ.

Наследник не желал рисковать людьми, поэтому скомандовал остановиться на границе своих владений. Трилли верещала и летала кругами над их головами, требуя продолжить полет. Сегодня на ней не было погонщика, дракониха была слишком слаба после бессонной ночи.

– Что она делает? – закричала Свон, видя, как Трилли, поняв, что следовать за ней не хотят, отчаянно крутанувшись на месте, все-таки продолжила свой путь. Люди замерли в ожидании неминуемой кары.

Действительно, через пару десятков метров черное тело Трилли закружил белый вихрь. Ее мотало из стороны в сторону, но мужественная дракониха упорно пробивалась вперед.

Вскоре люди стали свидетелями невиданного зрелища: белый вихрь стал сгущаться и вдруг из него фонтаном брызнули блестящие кристаллы, горящие в лучах восходящего солнца ярче бриллиантов. Трилли закричала. В ее голосе слышался печальный зов, боль, тоска.

Свон не выдержала и заплакала.

Увлеченные трагическим и в то же время невероятным зрелищем гибели Трилли погонщики не заметили, как Свон метнулась к одному из драконов, чей хозяин спешил и отошел к краю обрыва. Она взобралась в беседку и решительно произнесла:

– Арроу!

– Свон! Свон! – закричал принц, но она уже не слышала его, подхваченная таким же белым вихрем, который только что кружил вокруг Трилли.

Тут же оставшиеся у обрыва драконы поднялись на крыло и черной массой врезались в белый вихрь. Над плато разразилось гигантское побоище: черная волна сталкивалась с белой. Кричали драконы, люди, завывал в ушах ветер, во все стороны летели ледяные кристаллы, ранив людей и драконов острыми гранями.

И когда принцу показалось, что его последний бой проигран, он навсегда потерял Свон, а его жизнь вот-вот прервется, белый вихрь вдруг отступил. Обессиленные черные драконы приземлились на дно снежного плато.

Кровь заливала глаза принца. Он спрыгнул в снег и помчался туда, где лежал дракон Свон. Рядом, не в силах взлететь, хлопала крыльями Трилли.

– Свон, родная, открой глаза! – молил Эдуард, склонившись над любимой. Он не мог понять, насколько серьезно она ранена. Кровь была везде: и на лице, и на разорванной в клочья одежде.

Но ресницы дрогнули, и Свон прошептала:

– Простите меня. Я всех погубила.

– Нет, вроде все живы. Даже Трилли, – Эдуард быстро оглядел своих людей и драконов. – Где болит? Говори! – он провел ладонью по щеке Свон, и кровь смешалась со слезами.

– Нигде не болит, я просто испугалась, – Свон села и прижалась к Эдуарду. – Простите меня. Я так виновата. Я убью себя, если кто-нибудь погиб.

– Дай только выбраться отсюда, и я сам убью тебя, – пообещал наследник и прижался губами ко лбу Свон.

– Откуда столько крови? Вы ранены? – она протянула руку, пытаясь стереть алые капли с лица принца.

– Это кровь драконов, – крикнул один из погонщиков. – Люди почти не ранены.

Погонщики подтягивались ближе к принцу, ожидая его команды. Вокруг царило безмолвие, даже Трилли перестала пищать, понимая, что снежный вихрь может вернуться в любой момент.

И он вернулся. Вдали показалась белая полоса, похожая на густой туман. Она стремительно напознала на плато.

– Драконы не смогут взлететь, они потеряли много сил и крови, – крикнул своим воинам принц. Те и без него понимали, что их последний час настал. Столько смертей видела белая долина! Пошады ждать не приходилось. – Встретим свою гибель достойно.

И он выпрямился во весь рост, прижимая к себе Свон, которая с ужасом в глазах смотрела на приближающуюся смертельную стену. Рядом, плечом к плечу встали прикрывающие себя щитами погонщики. Все понимали, что щиты бессильны против белого вихря, но им было легче погибать с оружием в руках.

Поднялся сильный, обжигающий ветер. Он заставлял людей трястись и от холода, и от страха.

– Я вас люблю. Поцелуйте меня, – попросила Свон, развернувшись спиной к надвигающейся ледяной смерти.

– Я тоже тебя люблю, – холодные губы накрыли рот Свон.

Они боялись прервать свой последний поцелуй, а смерть все не шла.

Но ветер внезапно стих и Свона различила насмешливый голос, который прошепелявил:

– Ну, ты глянь! Стоит оставить ее на мгновение, как она тут же найдет тебе замену! А говорила, что лучше меня нет! Говорила, что я единственный друг!

Невозможно было не узнать голос Гри, поэтому Свон обернулась, чтобы вцепиться в нос наглого белого дракона и устроить ему хорошую трепку. Но увиденное ошеломило не только Свон. Все погонщики стояли, открыв рты. За Гри возвышались головы, по крайней мере, тысячи белых драконов.

– Пап, мам, познакомьтесь, это моя человеческая подруга Свон! – Гри оглянулся на пару огромных драконов, стоящих сразу за ним. Те медленно припали на передние лапы, что могло показаться поклоном. Но когда это движение повторила остальная тысяча драконов, пропали все сомнения. Они благодарят Свон. Ей не оставалось ничего лучше, как сделать ответный поклон.

В этот момент в себя пришла Трилли и кинулась к Гри. Только что она лежала обессиленная, а тут скакала, радостно повизгивая, вокруг своего любимого.

– Мам, пап, а это моя Трилли!

– Хорошая игрушка! – раздался мягкий голос дракона, что встал слева от Гри.

– Игрушка? – возмутилась Свон, забыв, что перед ней стоит непобедимая армия. – Да более преданного существа не найти на всем свете!

– А кем еще могут быть рохи? – удивленно спросил дракон, вставший с правой стороны от улыбающегося Гри.

– Рохи? Я не понимаю! Кем бы вы ее не называли, она любит Гри, а Гри любит ее! – запальчиво крикнула Свон.

– Милая Свон, – произнес дракон, стоявший слева. Его голос звучал мягче, поэтому Свон решила, что это дракониха – мама Гри. – Разрешите привести один пример, который объяснит, кто такие рохи, и как можно их любить. У вас был когда-нибудь щенок или котенок? Вы наверняка любили их, а они платили вам тем же. Трилли – тот же щенок для нашего Грискридрышривальтура.

– Ой, Свон, не заморачивайся запоминанием моего полного имени, называй по-прежнему Гри, я тебе разрешаю, – махнул лапой белый дракон.

– Только вам, милая Свон, будет разрешено называть наследника Белого Безмолвия коротким именем Гри.

– Только Гри будет разрешено называть будущую королеву Северной Лории Беатрис Седьмую просто Свон, – не преминул добавить Эдуард, чтобы немного умерить спесь белых драконов.

– Вот это да! – воскликнул белоголовый. – Прости меня, Свон, что тебе пришлось попасть из-за меня в такую передрагу. Я сам уже летел к вам сообщить, что нашел родителей. Только подумать, я тоже принц! Я чуть с ума не сошел, когда узнал! Когда я был яйцом, меня украли соперники на престол Белого Безмолвия и сбросили в горах в надежде, что яйцо расколется. Но я живучий! – он гордо стукнул себя в грудь, отчего сорвалась одна из его серебряных чешуек и упала вниз. Свон обратила внимание, что грудь Гри покрывали не только чешуйки, но и ледяные кристаллы.

– Что это? – спросила она, подняв один из кристаллов.

– Грискридрышривальтура еще незрелый юноша, почти ребенок, поэтому он вам казался мелким драконом. Но в период возмужания, чешуйки превратятся в кристаллы, и вскоре все его тело будет покрыто ими. Они постоянно обновляются, поэтому там, где мы часто кружим, теряем кристаллы. На этом плато среди множества льдистых кристаллов белые драконы хранят свои яйца, пока из них не вылупятся детеныши. Все, что вы видите вокруг – большое гнездо. Копните глубже, и вы найдете драконью кладку.

Люди стали переминаясь с ног на ногу, боясь, что они стоят на одной из кладок.

– Поэтому мы не допускаем на свою территорию чужаков, ревностно охраняем кладки. Белые драконы, или как мы себя называем – бохи, высшая эволюционная ветвь ящеров, и мы не можем позволить нашим сыновьям находиться в услужении у человека, слушаться его приказов и подчиняться мерзкому крику «Арроу», словно они простые рохи, – папа Гри мотнул головой в сторону черных драконов. – Мы никогда не показывались людям, охраняя тайну своего существования. Но наш сын рассказал о человеческой подруге, вернувшую веру в людей.

– Мы можем быть полезны друг другу, Ваше Величество – вступил в беседу принц, обращаясь к отцу Гри. – Людям нужны ваши ледяные кристаллы. Позвольте нам в определенном месте, на ваше усмотрение каком, собирать их. Взамен мы можем предложить что-нибудь полезное.

Папа Гри поморщился:

– Наше племя тысячелетиями обходилось без помощи людей.

– Папа, Папа! Можно, я скажу! – запрыгал на месте Гри.

Как Свон раньше не замечала, что Гри – ребенок? Много испытавший, много видевший, много знающий, но еще совсем ребенок.

– Я заметил, что вы ничего не едите, кроме козлятины и всяких там других мелких животных, обитающих среди скал. А знаете ли вы, как сладка корова? Давайте, будем менять наши кристаллы на коров!

Переговоры монарших особ закончились тем, что королевство Эрия стало первым и единственным поставщиком коров и прочей живности (список бохи утвердят после дегустации), а драконье королевство Белое Безмолвие допустит пограничников-сборщиков до опре-

деленной территории, где запас кристаллов станет неукоснительно пополняться. Контрабандисты по-прежнему останутся вне закона.

Гри обещал навещать Свон, в какой бы стране она не жила. Королевства договорились поддерживать связь через почтовых драконов.

Белоголовый друг жадно слушал последние новости о скором замужестве Свон.

– У вас уже было? Да? Было? – прыгал он вокруг обнявшихся влюбленных.

– Гри, прекрати! Это не те вопросы, которые маленькие должны задавать взрослым! – смеялась Свон.

– А если у вас появится яйцо до свадьбы? – спросил он шепотом, обернувшись на своих родителей.

– Яйцо у нас никогда не появится, – уверенно ответил Эдуард. – А ребенку мы всегда будем рады. Просто со свадьбой придется поторопиться.

Белые драконы помогли и своим собратьям, и людям выбраться на территорию королевства Эрия, после чего растворились в небе. Только черная Трилли, летящая рядом с Гри, осталась долго видна, пока не превратилась в черную точку.

Когда поисковая команда добралась до крепости, вышедший навстречу Роки обрадовал вестью, что почтовый дракончик вернулся. Беатрис Шестая с радостью встретится с внучкой.

Выезд в Северную Лорию по настоянию Свон был назначен на следующий день. Она не хотела слышать ни о какой задержке, хотя принц предлагал посетить один из его замков, чтобы приодеть будущую Беатрис Седьмую.

– Ты зря упрямисься! Я люблю тебя и в одежде, и без нее, но Беатрис Шестая встретит нас в тронном зале в окружении придворных, и ты испытаешь неловкость, представ перед ними в простом платье.

– Я так мечтала встретить хоть одну родную душу, перестать быть сиротой, что готова ехать прямо сейчас!

– Остановка займет всего пару недель. Несколько королевских швей будут работать день и ночь, но подготовят гардероб на первое время.

– Две недели! Нет, я не согласна!

– Тогда давай, вернемся в замок Шовеллер, там остались твои платья, которые специально шились для тебя вместе с тем, бальным. Матушек повидаешь.

Соблазн увидеть матушек оказался велик, но узнав, что поездка займет десять дней, Свон отказалась наотрез.

– Семнадцать лет считать себя сиротой, чтобы, узнав о родных, еще больше медлить? Нет, едем завтра!

Слезы при расставании с Петриком и друзьями слегка омрачили ее радость от предвкушения встречи с бабушкой.

– Арроу! – крикнула она дракону принца. – Мы летим в Северную Лорию!

Северная Лория оказалась горной страной. Города и селения располагались на крутых склонах, где дома вращались одним боком в скалу, а двигаться приходилось по узким, петляющим серпантинном улицах. Дым, вырывающийся из печных труб, создавал иллюзию парения горы в облаках.

Свон с интересом смотрела на людей, которые казались игрушечными с высоты полета дракона.

Дворец Беатрис Шестой располагался в весьма необычном, но плоском месте, в отличие от прочих поселений. Он находился в жерле огромного вулкана, закончившего свою жаркую деятельность тысячелетия назад. Сдобренная пеплом почва давала обильные урожаи, а стены, бывшие когда-то вулканическими, надежно защищали территорию от вторжения. Немногие лестницы и проходы, вырубленные в этих стенах, тщательно охранялись.

Драконов пришлось оставить у одного из тоннелей. Полеты над дворцом были запрещены. Делегация во главе с Эдуардом завершила путь на лошадях. Свон же пересадили в карету, специально присланную за ней. Сама карета показывала, насколько Беатрис Шестая богата: дверцы и герб горели золотом и драгоценными камнями. Вдобавок к карете, бабушка прислала конный эскорт, состоящий из щёголей – офицеров, одетых в парадную форму.

У входа во дворец найденную внучку королевы встречали празднично разодетые горожане. Они приветствовали Свон радостными возгласами и бросали в воздух меховые шапки. Глядя на их красочные наряды, Свон поняла, почему Эдуард настаивал на новом гардеробе. Ее торопливость сыграла злую шутку. Свон чувствовала себя неловко в простой одежде.

– Одежда ведь не главное, – твердила она себе, ступая по королевскому дворцу и видя, как жадно ее рассматривают придворные. Даже Эдуард рядом с ней казался сказочным принцем, и она явно проигрывала ему.

Как жаль, думала Свон, что на ней сейчас не одето такое же красивое платье и атласные туфельки, как на том злосчастном балу в замке Шовеллер!

– Главное, что ты нашлась, жива и здорова, а остальное можно исправить! – принц, видя смущение Свон, снял синий плащ, подбитый мехом редкого пушного зверька, и накинул ей на плечи. Эдуард был высокого роста, поэтому плащ стелился по полу, но девушка заметно успокоилась и перестала чувствовать себя бродяжкой. Она с благодарностью посмотрела на любимого, который ответил ей подбадривающей улыбкой.

– Все будет хорошо! Помни, я люблю тебя и не дам в обиду!

Тронный зал поражал величиной и количеством людей. Беатрис Шестая хотела разделить свою радость с придворными.

Она встретила прибывших гостей не сидя на троне, как обычно происходила аудиенция у стареющей королевы, а вышла навстречу прибывшим. Увидев внучку, она раскинула руки и ускорила шаг. Свон, видя такое радушие, и узнавая в королеве свои черты, кинулась к ней в объятия.

Они стояли, молча рассматривая друг друга. На глазах обеих женщин выступили слезы. Потом Беатрис Шестая, заметив напряженный взгляд Эдуарда Эрийского, отступила от Свон и царственным тоном произнесла:

– Я благодарна вам за помощь в поисках моей внучки. Северная Лория никогда не забудет об оказанной услуге.

Произнеся положенные по протоколу слова и извинившись, королева покинула тронную залу вместе со Свон, которая непрестанно оглядывалась на замершего посреди толпы придворных Эдуарда.

Она надеялась, что жених последует за ней, но он не мог нарушить придворного этикета. Неподдельная тоска и беспокойство светились в его взгляде, а ее сердце замирало в предчувствии надвигающейся беды. Свон сама себе не могла бы объяснить, откуда взялось чувство тревоги, ей казалось, что она видит Эдуарда в последний раз.

– Наследник Эрии получит порцию благодарности от приближенной ко мне знати, обсудит с советником первостепенные вопросы, касающиеся наших государств, а потом будет препровожден в свои покои, – сообщила королева, видя волнение внучки.

И добавила уже более мягким тоном:

– Милая, нам нужно с тобой о многом поговорить. В последний раз я видела тебя неразумной крошкой, а ты и вовсе не помнишь свою бабушку. Поэтому мы пойдем туда, где нам никто не помешает.

Волнение и дорога измотали Свон, поэтому она безропотно согласилась следовать за Беатрис Шестой. Она знала, что Эдуард ее найдет и сам объяснит королеве, почему должен находиться рядом со своей будущей женой.

После того, как Свон искупали, одели в красивые одежды и уложили волосы, следуя лорийской моде, она почувствовала себя настоящей принцессой.

Бабушка терпеливо дожидалась ее в соседней комнате, куда время от времени заходили придворные, решая с королевой неотложные дела. Беатрис Шестая была активна и выглядела гораздо моложе своих лет. Свон знала, что в Лории готовятся к шестидесятипятилетнему юбилею королевы.

– Дорогая, ты прелестна, – похвалила та, когда Свон ввели в роскошную комнату, названную одной из служанок «кабинетом».

Беатрис Шестая указала рукой на соседнее кресло, куда Свон и села. Глаза девушки лучились счастьем от того, что она находила сходство черт между королевой и собой: те же голубые глаза, правда, их цвет с годами стал не таким насыщенным, высокие скулы, пухлые губы.

Слабая улыбка тронула лицо правительницы Лории. Она впервые не знала, как себя вести, как начать сложный разговор.

– Моя дорогая! Я так счастлива, что ты опять с нами. В последний раз, когда я держала тебя на руках, ты была десятимесячной крохой. Мне трудно поверить в чудо твоего возвращения, семнадцать лет я считала тебя погибшей. Потерять в один день единственную дочь и внучку – огромное горе. Оно свело в могилу короля, твоего деда. С тех пор я одна.

– Теперь не одна, Ваше Высочество! Позже я расскажу о чудесном событии, и Вы порадуетесь вместе со мной. Но я сгораю от нетерпения услышать историю моих родителей. Вы ведь расскажете мне все без утайки?

– Да, конечно, дорогая.

Королева Беатрис потянулась и мягко похлопала по руке Свон. От волнения та теребила золотые кисти, которые являлись украшением бархатной обивки кресла.

– Все началось более трех месяцев назад, когда у меня попросил аудиенцию наследник Эрии. Я была озадачена. С соседним королевством у нас непростые отношения, я даже выслала из столицы их посольство. Но вдруг появляется Эдуард Эрийский и говорит, что нашел тебя. Я не поверила, решила, что Елизавета устраивает очередные козни. Она всегда метила на мой трон и сделала мою дочь несчастной. Именно ее я обвиняю в гибели Роуз. Владей я доказательствами, незамедлительно объявила бы войну матери Эдуарда.

– Почему Вы так настроены против нее? У Вас есть какие-то подозрения? – Свон сама настроенно относилась к будущей свекрови, но хотела быть справедливой.

– Это запутанная история, Беатрис.

Свон еще не привыкла к новому имени, но не стала перечить: королева столько лет оплакивала Роуз и Беатрис.

– Расскажите мне, пожалуйста, что произошло семнадцать лет назад? Ваши люди проводили расследование?

– О, все беды начались намного раньше. Семнадцать лет назад произошел трагический финал давней истории любви, – королева замолчала, так как в комнату вошли слуги, внесли сервированный столик и наполнили бокалы розовым вином.

– Попробуй, – королева взяла свой бокал и пригубила его. – Такого вина ты не найдешь ни в одной стране. Виноградник, выросший на вулканическом пепле, дает отменный урожай. Поешь. Торжественный ужин состоится не скоро.

Дождавшись, когда они останутся одни, Ее Величество продолжила:

– Тебе, наверное, уже рассказали, что Елизавета, мать Эрийских принцев, до замужества тоже была герцогиней Винталь. Она росла при нашем дворе и завидовала моей дочери, считая себя равной ей. Она жаловалась придворным на несправедливость: мало того, что наши предки неправедным путем захватили престол Лории, так еще отняли у нее надежду на Эрийский трон.

Мы не знали, что Елизавета Винталь имела планы на наследника Эрии, и сговорились с его родителями поженить Артура и Роуз. Это сейчас он король Артур, а тогда был долговязым

юношей, влюбленным в мою дочь. О, Елизавета предпринимала всяческие шаги, чтобы заполучить Артура. Завела дружбу с послом Эрии и через него узнавала о передвижениях Артура за границей. Везде, где появлялся он, обязательно присутствовала Елизавета. Тот самый посол, граф Шовеллер ходил следом за ней, устраивая ей будто бы нечаянные встречи с принцем Артуром, был ее тенью. Поговаривали, что посол являлся не только доверенным лицом герцогини Винталь, но и делил с ней ложе. Увы, домыслы так и остались домыслами.

– Ох, Ваше Величество! Получается, что она водила дружбу с послом Эрии? И граф Шовеллер был тем самым послом? А сейчас он советник при короле Артуре? Я правильно поняла? – взволнованно спросила Свон.

Мозаика стала складываться. Свон припомнила, что Гри рассказывал о заказчике похищения младенца из Окайро, и что погонщики обращались к нему «господин посол». Вот почему она оказалась в замке Шовеллер! Он сам приходил к погонщикам! Получается, граф ее спас? Он скрывал от всех, что в его доме жила наследная принцесса Лории? Поэтому он требовал вернуть люльку, ведь на пеленках был вышит королевский герб! Граф дорожил Свон, как заложницей в политической игре. Только его дети не ведали, что творили, и все время путали карты. О, боже! Значит, в тайной беседке граф Шовеллер и королева говорили именно об Эдуарде, как о человеке, преследующем отпрысков Шовеллер! Сын связывал любовников крепче прежней дружбы.

Да и Эдуард как-то обмолвился, что Шовеллер шантажировал его мать. Вот и причина шантажа: у высокородной пары есть общий ребенок, который мог стать следующим королем Эрии!

Свон, чтобы не выдать себя, зажала рот рукой, но старая королева не обратила внимания на ужас в глазах внучки. Она была погружена в воспоминания.

– Да, ты росла в его доме. Выходит, это граф похитил дитя из Окайро? Я с ним еще разберусь. Знал, что ты выжила, и скрывал столько лет! Скорее всего, он был осведомлен, что готовится нападение на Роуз! О, права я оказалась, обвиняя Елизавету! Весьма подозрительно выглядит их связь.

– Ваше Величество, а что было дальше? Как вышло, что Артур не женился на маме?

– Помолвка бедной Роуз продлилась всего пять месяцев и была расторгнута в связи со страшным скандалом. Елизавета объявила, что беременна от Артура. Жених не стал отрицать. Он вообще странно повел себя. Клялся в любви Роуз, но женился на Елизавете. Ты бы знала, что творилось с твоей матерью. Она любила Артура.

Когда я видела его в последний раз, то сильно поразились изменениям, произошедшим с ним. Из него словно вытянули все соки, хотя раньше он был весьма интересным мужчиной.

Бабушка помолчала.

– Каких только женихов мы не предлагали Роуз, но она никак не хотела забыть Артура. А у него очень скоро родился сын, потом второй. Елизавета приобрела над королем такую власть, что он боялся смотреть в сторону бывшей невесты.

Королева вздохнула и добавила:

– Нам, во всяком случае, так казалось. Но после гибели Роуз я обнаружила тайную переписку, из которой узнала, что они продолжали любить друг друга все годы разлуки. Я передам тебе их письма.

– Ой, какая печальная история любви! – Свон вытерла слезы. – Я не хотела бы, чтобы кто-нибудь разлучил нас с Эдуардом!

– Постой! О чем ты говоришь, деточка? Что тебя связывает с эрийским принцем? Ты влюблена в Эдуарда? – королева даже встала с кресла, настолько ошеломила ее новость.

– Да, он предложил мне стать его женой, и я дала согласие, – испуганно промямлила Свон, надеясь, что узнав о честных намерениях наследника, бабушка успокоится.

– Не бывать этому! – гневно топнула ногой Беатрис Шестая. Ее лицо пошло пятнами. – Ты никогда не выйдешь замуж ни за одного из эрийских принцев!

– О каких принцах Вы говорите? Мне нужен только Эдуард! Я не откажусь от любви к нему и стану его женой! – Свон тоже поднялась с кресла и топнула. Две женщины стояли почти нос к носу и сверлили друг друга взглядом.

Беатрис Шестая, видя ответный напор, взяла себя в руки и добавила уже спокойным голосом:

– Это невозможно. Эдуард твой брат.

– Нет, – Свон упрямо покачала головой. – Нет.

Она хотела рассказать бабушке, что Эдуард сын графа Шовеллер, и она только что лишней раз убедилась в этом. У нее даже есть свидетель тайного любовного свидания графа с королевой и последующего разговора об Эдуарде – Дак. Но бабушка уже не смотрела на нее. В комнате находился кто-то третий, сильно напугавший королеву.

У двери стоял Эдуард. На его лице медленно угасала улыбка.

Свон в душе обрадовалась, что не выпалила бабушке все доказательства, что принц ей не брат, но произошедшее следом убило ее.

– Почему вы считаете, что я брат Свон? – спокойным голосом спросил наследник Эрии. Но по сжатым в кулак пальцам, по напряженной позе, можно было судить, что человек еле сдерживает раздражение.

Королева Беатрис Шестая сделала шаг к своему креслу и упала в него. Посидела, закрыв глаза, потом, решившись, четко ответила:

– Король Эрии Артур Пятый является отцом Свон. Вы брат и сестра по отцу. Брак между вами невозможен.

– Но... бабушка! – воскликнула Свон, цепляясь за угасающую надежду, понимая, что произошло недоразумение. – Мы любим друг друга! И совсем не важно, кто наши родители! Правда, Эдуард?

– Правда... – повторил он бесцветным голосом, не вполне осознавая, что говорит.

В голове Эдуарда все смешалось: мысли, чувства. Он брат Свон?! Как такое возможно?! Брат той, которую любит больше всех на свете? Той, ради которой, будь она трижды простой крестьянкой, он пошел бы на подлог документов, выдумав ей коронованных родственников? Да он купил бы ей страну, пусть захудалую, маленькую и не интересную его имперским планам, и сделал бы ее там королевой, если иначе на любимой жениться нельзя. Лишь бы она находилась рядом...

Как... такое... возможно?! Он не понимал, но вскоре пришло страшное прозрение: возможно, если только его и ее отец один и тот же человек – король Артур ...

Сердце Эдуарда, казалось, разорвется на части от боли. Чтобы черти их побрали! Короля, Роуз и матушку...

Что теперь? Что делать?! Любовь его преступна. Он даже притронуться к Свон не в праве так, как хотел бы: крепко обнять, услышать желанный стон, поцеловать, чтобы поймать этот стон, и родить череду новых, волнующих вздохов и поцелуев. А ведь они... были все это время вместе! Что они наделали?!

Все кончено. Слово «сестра» словно тупым ножом резало, кромсало на части душу, причиняя муку, лишая права обладать любимой, глядеть с нежностью в ее глаза. Слово «сестра» сделало недоступными те ласки, которые он собирался дарить своей Свон всю жизнь. Его Свон.

Нет... Уже ни его, и никогда она больше его не будет. Никогда! Теперь все чувства к Свон оказались греховными, извращенными, недостойными. Если бы их насильно разлучили, он нашел бы выход, он выкрал бы любимую, он... убил бы ради нее всех, кто стоит на его пути. А сейчас кого винить?

Врага нет. Сестра... Она для него все равно, что брат Уильям. Объятия – братские, поцелуи – братские, забота – братская.

Из-под ног Эдуарда уходила земля. Мир в одно мгновение обрушился, раздавив его мечты, чаяния, уничтожив все то, что являлось смыслом жизни, самой жизнью.

Он стоял и смотрел, как любимая хватается за его колет, пытаясь достучаться, получить ответ. Плотная натянутая на груди шерстяная ткань не поддавалась, пальцы соскальзывали, но Свон упорно цеплялась, пока он не прекратил эти мучения, накрыв дрожащие пальцы принцессы своей рукой.

Эдуард видел, что Свон не хотела сдаваться, отрицая очевидное. Он сам упорствовал бы, но надежды не оставалось. Нельзя продолжать агонию. Он должен уйти, прервать терзающие душу объяснения, которые ничего не исправят. Здесь не помогут никакие доводы, здесь нет выхода.

– Брат! – прошептал он. – Закон о «Братьях и сестрах» не позволяет нам любить друг друга, как мужчина может любить женщину. Возможна только братская любовь. Прости, Свон! Я был готов бросить к твоим ногам трон. Я был готов пойти на крайний поступок – отказаться от трона, лишь бы находиться рядом с тобой! Но сестра и брат не могут жениться. Эта связь противоестественна... Мне жаль... Я не знал... Прости...

Как ей хотелось закричать, что он не брат! Нет, не брат! У них разные отцы! Но не могла. Она еще раз убедилась, что владеет страшной тайной. И не расскажет о ней никому, тем более любимому Эдуарду. Она не сделает его бастардом.

А Эдуард развернулся, двери словно по команде распахнулись, пропуская его в мир без любимой. Молчаливый лакей также тихо затворил их за его спиной.

Свон опустилась на пол и зарыдала. Громко, протяжно. Как простая крестьянка.

Пришел лекарь и посоветовал уложить рыдающую принцессу в постель. Дал успокоительные капли, надеясь, что пациентка уснет, но ночью его опять вызвали. У Свон поднялся жар, и она рвалась бежать за любимым. В бессознательном состоянии выкрикивала имя Эдуарда, просила не покидать ее.

Но он так и не зашел к ней попрощаться. Наследник отбыл на родину сразу после ночной аудиенции у Беатрис Шестой.

В бреду Свон звала принца, и королеве пришлось выставить всех из опочивальни, потому как стало ясно, что ее внучку и Эдуарда связывали любовные отношения.

Беатрис Шестая мерила шагами комнату, не зная, что предпринять. Она ругала себя за то, что не призналась Эдуарду сразу, как он объявился в ее дворце с сообщением, что нашел внучку, кто есть отец Свон. Тогда дети (а она в силу возраста считала их детьми) избежали бы противоестественной связи. Единственный выход из положения – выдать принцессу замуж, помочь ей забыть Эдуарда.

Королева была решительной женщиной, не привыкшей советоваться с кем-либо. Теперь за принцессу отвечает только она, поэтому сама выберет достойного мужа внучке. На плечи избранника когда-нибудь падет честь правления Северной Лорией.

Свон еще не выздоровела, а по всему свету уже разлетелась новость о найденной принцессе, которую Беатрис Шестая собирается выдать замуж.

Во все королевства отправились почтовые драконы с предложением участия в весеннем рыцарском турнире. Только во дворец Артура Пятого дракон не прибыл. Эрийским принцам правительница Лории запретила даже думать о ее внучке. Напряжение между дворами росло, посольство так и не возобновило работу, а все подданные Эрии насильно высылались за пределы горного королевства.

Свон по распоряжению королевы не посвящали в матримониальные планы. К ней Беатрис приставила слуг, умеющих держать язык за зубами.

Но сама принцесса равнодушно относилась ко всему происходящему вокруг нее, она замкнулась, почти перестала разговаривать. Королева пыталась беседовать с ней, но Свон отвечала односложно. Ей шили платья, а она отказывалась участвовать в выборе ткани, фасона или цвета. Единственный ответ, который слышали портные, ювелиры, башмачники и повара, предлагающие сделать выбор, оставался неизменным: «Мне все равно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.